

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФИЯНАМ

Введение к первому посланию к Коринфянам

Величие Коринфа

Уже один взгляд на карту показывает, что Коринфу было уготовано важное место. Южная Греция представляет собой почти остров. На западе Коринфский залив глубоко вдается в сушу, а на востоке граничит с Сардоническим заливом. И вот, на этом узком перешейке, между двумя заливами, стоит город Коринф. Такое положение города неизбежно привело к тому, что Коринф стал одним из величайших торговых и коммерческих центров античного мира. Все пути сообщения из Афин и северной Греции в Спарту и на Пелопоннесский полуостров проходили через Коринф.

Через Коринф проходили не только пути сообщения между южной и северной Грецией, но большая часть торговых путей из западного Средиземноморья в восточное. Крайняя южная точка Греции была известна под названием мыс Малеа (ныне мыс Матапан). Это был опасный мыс, и "обойти вокруг мыса Малеа" звучало в те времена так же, как звучало позднее "обойти вокруг мыса Горн". У греков было две поговорки, ясно показывающие их мнение об этом: "Пусть тот, кто плавает вокруг Малеа, забудет свой дом", и "Пусть тот, кто плавает вокруг Малеа, сначала составит свое завещание".

Вследствие этого моряки выбирали один из двух путей. Они поднимались по Сардоническому заливу и, если их суда были достаточно малы, перетаскивали их волоком через перешеек и потом спускали их в Коринфский залив. Перешеек назывался *Диолкос* - место, через которое волокут. Если же судно было слишком большим, то груз выгружали, переносили носильщиками через перешеек на другое судно, стоящее по другую сторону перешейка. Эти семь километров через перешеек, где теперь проходит Коринфский канал, сокращали путь на 325 км, и избавляли от опасностей путешествия вокруг мыса Малеа.

Понятно, каким крупным коммерческим центром являлся Коринф. Сообщение между южной и северной Грецией проходило через него. Сообщение же между восточным и западным Средиземноморьем, еще более интенсивное, чаще всего осуществлялось через перешеек. Вокруг Коринфа находились еще три города: Лехэуле - у западного побережья, Кенхрея - на восточном побережье и Скоэнус - на небольшом расстоянии от Коринфа. Фаррар пишет так: "Предметы роскоши вскоре появились на рынках, которые посещали все народы цивилизованного мира - арабский бальзам, финикийские финики, слоновая кость из Ливии, вавилонские ковры, козий пух из Киликии, шерсть из Лаконии, рабы из Фригии".

Коринф, по выражению Фаррара, был ярмаркой тщеславия античного мира. Люди называли его Греческим мостом, его называли также Злачным местом Греции. Кто-то однажды сказал, что если человек простоит довольно долгое время на Пикадилли в Лондоне, то он может, в конце концов, увидеть каждого жителя страны. Коринф был Пикадилли Средиземноморья. В дополнение к этому там проводились также и Истмийские игры, которые уступали по своей известности лишь Олимпийским. Коринф был богатым многолюдным городом, одним из крупнейших торговых центров древнего мира.

Порочность Коринфа

Коринф получил всеобщую известность благодаря своему торговому процветанию, но он стал также и олицетворением безнравственной жизни. Само слово "коринфовать", то есть жить по-коринфски, вошло в греческий язык и означало вести пьяную и развратную жизнь. Это слово вошло и в английский язык, и во времена регенства коринфянами звали молодых людей, ведущих разгульный и безрассудный образ жизни. Греческий писатель Элиан говорит,

что, если когда-либо на сцене в греческой драме появлялся коринфянин, то он обязательно был пьяным. Само название Коринф было синонимом разгула. Город был источником зла, известным во всем цивилизованном мире. Над перешейком возвышался холм Акрополь, а на нем стоял большой храм богини Афродиты. При храме жила тысяча жриц богини Афродиты, жриц любви, священных проституток, которые спускались по вечерам с Акрополя и предлагали себя каждому за деньги на улицах Коринфа, пока у греков не возникла новая поговорка: "Не каждый мужчина может позволить себе поехать в Коринф". Помимо этих грубых грехов в Коринфе процветали еще более утонченные пороки, которые привезли с собой купцы и моряки со всех концов известного в то время мира. И поэтому Коринф стал не только синонимом богатства и роскоши, пьянства и неводержанности, но и синонимом мерзости и разврата.

История Коринфа

История Коринфа делится на два периода. Коринф - древний город. Фукидид, древнегреческий историк, утверждает, что первые триремы, боевые греческие корабли, были построены в Коринфе. Согласно легенде, в Коринфе был построен и корабль аргонатов *Арго*. Но в 235 году до Р. Х. Коринф постигла трагедия. Рим был занят завоеванием мира. Когда римляне пытались покорить Грецию, Коринф возглавлял сопротивление. Но греки не могли выстоять против дисциплинированного и хорошо организованного римского войска, и в том же году генерал Луций Мумий захватил Коринф и превратил его в груду развалин.

Но место, с таким географическим положением не могло вечно пустовать. Почти ровно через сто лет после разрушения Коринфа, в 35 году до Р. Х., Юлий Цезарь восстановил его из руин, и Коринф стал римской колонией. Более того, он стал столицей, центром римской провинции Ахаия, в которую входила почти вся Греция.

Во времена апостола Павла население Коринфа было очень пестрым.

1) В нем жили ветераны римской армии, которых поселил здесь Юлий Цезарь. Отслужив свой срок, солдат получал римское гражданство, после чего его посылали в какой-то новый город, давали ему земельный надел, с тем, чтобы он поселился там. Такие римские колонии устраивали во всем мире, и основной костяк населения в них составляли ветераны регулярной римской армии, получившие за свою верную службу римское гражданство.

2) Как только Коринф возродился вновь, в город вернулись купцы, поскольку его отличное географическое положение давало ему существенные преимущества.

3) Среди населения Коринфа было много иудеев. Во вновь построенном городе открывались прекрасные коммерческие перспективы, и они стремились воспользоваться ими.

4) Жили там и небольшие группы финикийцев, фригийцев и народов с востока, со странными и историческими манерами. Фаррар говорит об этом так: "Это смешанное и разнородное население, состоящее из греческих авантюристов и римских горожан, с разлагающей примесью финикийцев. Там жила масса иудеев, отставных солдат, философов, купцов, моряков, вольноотпущенников, рабов, ремесленников, торговцев, маклеров". Он характеризует Коринф как колонию без аристократии, традиций и авторитетных граждан.

И вот, зная, что прошлое Коринфа и само его название были синонимами богатства и роскоши, пьянства, разврата и порока, прочтем *1 Кор. 6,9-10*:

"Или не знаете, что несправедные Царства Божия не наследуют?"

Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники,

Ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют".

В этом рассаднике порока, в самом, казалось бы, для этого малопригодном городе во всей

Греции, совершил Павел одно из своих величайших деяний, и в нем была одержана одна из величайших побед христианства.

Павел в Коринфе

Не считая Ефеса, Павел оставался в Коринфе дольше, чем в каком-либо другом городе. С опасностью для жизни покинул он Македонию и перебрался в Афины. Здесь многого он не достиг, и потому пошел дальше в Коринф, где и оставался в течение восемнадцати месяцев. Нам станет ясней, как мало мы знаем о его работе, когда узнаем, что все события об этих восемнадцати месяцах сведены в 17 стихов (*Деян. 18,1-17*).

По прибытии в Коринф Павел поселился у Акилы и Прискиллы. С большим успехом проповедовал он в синагоге. После прибытия Тимофея и Силы из Македонии Павел удвоил свои усилия, но иудеи были столь враждебны и непримиримы, что ему пришлось уйти из синагоги. Он переселился к Иусту, жившему по соседству с синагогой. Самым известным из обращенных им в веру Христову был Крисп, начальник синагоги; а среди народа проповеди Павла тоже имели большой успех.

В 52 году в Коринф прибыл новый губернатор, римлянин Галлион, известный своим обаянием и благородством. Иудеи попытались воспользоваться его неосведомленностью и добротой и привели к нему на суд Павла, обвиняя его в том, "что он учит людей чтить Бога не по закону". Но Галлион, сообразуясь с беспристрастностью римского правосудия, отказался разбирать их обвинение и не принял никаких мер. Поэтому Павел смог завершить здесь свое дело и потом отправился в Сирию.

Переписка с Коринфом

Находясь в Ефесе, Павел узнал в 55 году, что в Коринфе не все благополучно, и потому написал тамошней церковной общине. Вполне вероятно, что коринфская переписка Павла, которой мы располагаем, является неполной и что компоновка ее нарушена. Надобно помнить, что лишь в 90 году, или около этого письма и послания Павла были впервые собраны. Кажется, они имелись в различных церковных общинах лишь на кусках папируса и, поэтому, было трудно их собирать. Когда собирали послания к Коринфянам, их, по-видимому, нашли не все, собрали не полностью и расположили их не в первоначальной последовательности. Попытаемся представить себе, как это все происходило.

1) Имелось письмо, написанное до Первого послания Коринфянам. В *1 Кор. 5,9* Павел пишет: "Я писал вам в послании - не сообщаться с блудниками". Очевидно, что это указание на ранее написанное письмо. Некоторые ученые полагают, что это письмо бесследно утеряно. Другие считают, что оно содержится во *2 Кор. 6,14-7,1*. И действительно, этот отрывок перекликается с вышеупомянутой темой. В контексте же Второго послания к Коринфянам этот отрывок как-то не читается. Если же перейдем непосредственно от *2 Кор. 6,13* ко *2 Кор. 7,2*, то увидим, что смысл и связь отлично сохраняются. Ученые называют этот отрывок "Предыдущим посланием". Первоначально, в посланиях не было деления на главы и стихи. Деление на главы было предпринято не ранее тринадцатого столетия, деление же на стихи не ранее шестнадцатого. Поэтому упорядочение собранных писем представляло большие трудности.

2) Различные источники сообщали Павлу о том, что в Коринфе не все ладно. а) Такие сведения доходили от домашних Хлоиных (*1 Кор. 1,11*). Они сообщали о ссорах, раздирающих церковную общину. б) Новости эти дошли до Павла и с прибытием в Ефес Стефана, Фортуната и Ахаика (*1 Кор. 16,17*). Которые личными контактами дополняли настоящее положение дел. в) Сведения эти пришли с письмом, в котором коринфская община просила Павла дать указания по различным вопросам. *1 Кор. 7,1* начинается словами "О чем вы писали ко мне..." В ответ на все эти сообщения Павел написал Первое послание к Коринфянам и отправил его к коринфской церкви с Тимофеем (*1 Кор. 4,17*).

3) Это послание вызвало, однако, дальнейшее ухудшение отношений между членами церкви, и, хотя у нас нет об этом письменных сведений, мы можем заключить, что Павел лично посетил Коринф. Во 2 Кор. 12,14 мы читаем: "И вот в *третий раз* я готов идти к вам". Во 2 Кор. 13,1,2 он снова пишет им, что придет к ним *в третий раз*. Ну, а если было третье посещение, то должно было быть и второе. Мы же знаем лишь об одном, изложенном в Деян. 18,1-17. У нас нет никаких сведений о втором посещении Павлом Коринфа, но ведь он находился от Ефеса всего в двух-трех днях плавания на корабле.

4) Это посещение ни к чему хорошему не привело. Дела лишь обострились и, в конечном счете, Павел написал строгое послание. О нем мы узнаем из некоторых отрывков Второго послания к Коринфянам. В 2 Кор. 2,4 Павел пишет: "От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами..." В 2 Кор. 7,8 он пишет: "Посему, если я опечалил вас посланием, не жалею, хотя и пожалел было; ибо вижу, что послание то опечалило вас, впрочем, на время". Это письмо, как результат душевных страданий, было столь суровым, что он опечалился, послав его.

Ученые называют это послание *Строгим посланием*. Имеем ли мы его? Очевидно, что это не Первое послание к Коринфянам, потому что оно не душераздирающее и не мучительное. Очевидно также, что во время составления этого послания положение не было безнадежным. Если же мы перечтем теперь Второе послание к Коринфянам, то столкнемся со странным обстоятельством. Из глав 1-9 видно полное примирение, но с 10-ой главы происходит резкий перелом. Главы 10-13 содержат самое душераздирающее, что Павел когда-либо писал. Они ясно показывают, что ему причинили острую боль, что он был оскорблен как никогда ни до, ни после этого. Нападкам и критике подвергаются его внешность, его речь, его апостольство, его честь.

Большинство ученых полагают, что главы 10-13 - и есть Строгое послание, и, что при составлении собрания посланий Павла, оно попало не на свое место. Если мы хотим иметь точное представление о переписке Павла с Коринфской церковью, нам надо читать сначала главы 10-13 Второго послания, а главы 1-9 после них. Мы знаем, что Строгое послание Павел переслал в Коринф с Титом (2 Кор. 2,13; 7,13).

5) Павла волновало все, что было связано с этим посланием. Он не мог дожидаться, когда Тит вернется с ответом, и отправился встретить его (2 Кор. 2,13; 7,5.13). Он встретил его где-то в Македонии и узнал, что все обошлось хорошо и, возможно, в Филиппах, он написал Второе послание к Коринфянам, главы 1-9, - письмо примирения.

Сталкер говорил, что послания Павла снимают покрывало неизвестности с раннехристианских общин, сообщая нам, что происходит внутри их. Лучше всего это высказывание характеризует послания к Коринфянам. Здесь мы видим, что значили для Павла слова "забота о всех церквях". Мы видим здесь и сокрушенное сердце и радости. Мы видим Павла, пастыря своей паствы, принимающего близко к сердцу ее заботы и печали.

Переписка с Коринфом

Прежде чем приступить к детальному разбору посланий, составим хронологию переписки с Коринфской общиной.

1) *Предшествовавшее послание*, которое, *может быть*, составляет 2 Кор. 6,4-7,1.

2) Прибытие домочадцев Хлоиных, Стефана, Фортуната и Ахаика и получение Павлом послания Коринфской церкви.

3) В ответ на все это написано Первое послание Коринфянам и отправлено с Тимофеем в Коринф.

4) Положение ухудшается еще больше, и Павел лично посещает Коринф. Это посещение оказывается неудачным. Оно тяжело сокрушило его сердце.

5) В результате этого Павел пишет Строгое послание, которое, вероятно, составляет главы 10-13 Второго послания к Коринфянам, и было переслано с Титом.

6) Не в состоянии вынести ожидания ответа, Павел отправляется в путь, чтобы встретить Тита. Он встречается его в Македонии, узнает, что все образовалось и, возможно, в Филиппах пишет главы 1-9 Второго послания к Коринфянам: *Послание примирения*.

В первых четырех главах Первого послания к Коринфянам рассматривается вопрос о расхождении в Божьей церкви в Коринфе. Вместо того чтобы быть единой во Христе, она была расколота на секты и партии, отождествляющие себя с различными христианскими руководителями и учителями. Именно учение Павла вызвало этот раскол, ввиду того, что Коринфяне слишком много думали о мудрости и знании человеческого и слишком мало о чистом милосердии Божиим. В действительности же, несмотря на всю их, якобы, мудрость, они еще находились в незрелом состоянии. Они думали, что они мудрые, но, в сущности, они были не лучше детей.

Глава 1

1-3

Апостольское предисловие (1 Кор. 1,1-3)

В первых десяти стихах этого послания имя Иисуса Христа упоминается не менее десяти раз. Павлу предстояло написать трудное письмо: ему приходилось иметь дело со сложным положением, сложившимся в Коринфской церкви, и поэтому и первая и все последующие его мысли были об Иисусе Христе. Мы пытаемся иногда разрешить сложившуюся в церкви трудную ситуацию в духе справедливости, опираясь на правовые нормы и кодексы. Иногда же мы пытаемся преодолеть трудные проблемы, опираясь лишь на свои собственные духовные силы и на здравый смысл. Иначе поступил Павел. В тяжелом для него положении он обращается к Иисусу Христу и пытается разрешить эту проблему в свете распятия и любви Христовой.

Его предисловие говорит нам о двух проблемах:

1) Оно говорит нам нечто о церкви, о *Церкви Божией, находящейся в Коринфе*, то есть не о церкви Коринфской, а о Церкви Божией. Для Павла любая группа людей, где бы она ни находилась, являлась частью одной и единой церкви Божией. Он не стал бы говорить об Англиканской или Шотландской Церкви, не стал бы определять Церковь по ее географическому положению, что придавало бы ей чисто местный характер; еще менее он определял бы церковное братство по той или иной секте, группе или вероисповеданию. Если бы мы так же думали о церкви, то мы бы больше думали о том, что нас объединяет, нежели о том, что нас разъединяет.

2) Предисловие говорит нам и об отдельном христианине. Павел отмечает в нем три характерные черты.

а) *он освящен во Христе Иисусе*. Глагол освящать (*хагиацо*) обозначает выделить для Бога место, освятить его, совершив жертвоприношение. Христианин посвящен Богу через жертву Иисуса Христа; христианин - один из тех, за кого умер Христос, знает об этом и ясно осознает, что лишь через эту жертву все мы принадлежим Богу.

б) *они призванные святые*. Эти два слова выражены одним греческим словом *хагиос*. *Хагиос* обозначает человека или предмет, которые посвящены Богу и служат Ему. Этим словом определяется храм или жертва, предназначенные Богу. Так вот, человек, посвященный в служение Богу, находясь в Его владении, должен был доказать, своей жизнью и своим характером, что он достоин этого. Таким образом *хагиос* приобретает значение *призванного святого*.

Но первоначально это слово означало *обособление*. Человек *хагиос* отличается от других, потому что он обособлен от обычных людей и выделен из них специально для того, чтобы принадлежать Богу. Прилагательным *избранный* иудеи определяли себя как народ, они были святым, *избранным* народом, *хагиос лаос*, народом, совершенно отличным от всех других народов, потому что они особым образом принадлежали Богу и были особым образом выделены для службы Богу. Когда Павел называет христиан *хагиос*, он имеет в виду, что они отличаются от других людей, так как они особенным образом принадлежат Богу и предопределены для Его службы. Это их отличие вовсе не исключает их от мирской жизни, а проявит в обычной жизни такие качества, которые характерны для них.

в) *все они призывают имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте, у них и у нас.* Христианин является членом церковной общины, в которую входят и земля, и небо. Если бы мы иногда поднимали наши глаза за пределы нашего тесного круга и думали о себе как о части Церкви Божией, охватывающей весь мир, то это принесло бы всем нам большую пользу.

3) В этом отрывке ближе определен и Иисус Христос. Павел говорит о Господе нашем, Иисусе Христе и добавляет - *их Господа и нашего*. Ни один человек, ни одна церковь не имеет монопольного права на Иисуса Христа. Он - Господь *наш*, но Он и Господь всех людей. В этом и состоит поразительное чудо христианства, что любовь Иисуса Христа, принадлежит всем людям, что "Бог любит каждого из нас так, как будто бы он любил только одного".

4-9

Настоятельность благодарственной молитвы (1 Кор. 1,4-9)

В этом отрывке о благодарственной молитве важны три момента.

1) О сбывшемся обете. Когда Павел проповедовал коринфянам, он говорил им, что Христос может совершить определенные вещи для них. И вот теперь он хвалебно заявляет, что все сбылось, о чем он прежде говорил, что Христос может совершить. Какой-то миссионер однажды в древности сказал пиктскому королю: "Если ты примешь христианство, ты увидишь много чудес, и все они сбудутся". Собственно говоря, нельзя заставлять человека принять христианство. Мы можем лишь сказать ему: "Попробуй, и увидишь, что будет", - в уверенности, что, если он обратится, то увидит, что все сказанное нами - истина.

2) О полученной благодати. Павел употребляет здесь одно из своих любимых слов, *харисма*, то есть "*добровольно сделанный человеку дар*"; дар, им не заслуженный, которого он и не смог бы заслужить. Этот дар Божий дается людям, по мысли Павла, двумя разными способами:

а) Спасение есть *харисма*, дар Божий. Человек никогда не смог бы сам вступить в правильные отношения с Богом. Спасение - незаслуженный дар, идущий исключительно от великодушной любви Божией (ср. Рим. 6,23).

б) Благодать Божия дает человеку различные дарования, которыми он может обладать и пользоваться в жизни (1 Кор. 12,4-10; 1 Тим. 4,14; 1 Петр. 4,10). Если человеку даны дары речи, исцелений, художеств или ремесла, музыки - они дары Божьи. Если мы полностью осознали бы это, оно придало бы новое содержание нашей жизни. Талант и профессия, которыми мы обладаем, не наши достижения - они дар Божий, и, поэтому, мы ответственны за них. Их не следует применять для личной выгоды или престижа, а во славу Божию и для блага людей.

3) О конечной цели. В Ветхом Завете неоднократно повторяются слова о *Дне Господнем*. В этот день Бог, по представлению иудеев, вмешается непосредственно в историю и жизнь человечества; в этот день старый мир будет уничтожен, и новый сотворен; это будет Судный день, и каждый будет судим. Христиане переняли эту концепцию, но они трактовали *День*

Господень как День Господа нашего Иисуса Христа, когда Иисус вернется вновь в мир во всей своей власти и славе.

И это действительно должен быть Судный день. Старый английский поэт Кэдмон нарисовал в одной из своих поэм картину Судного дня. Он изобразил в центре земли распятие, излучающее странный свет, обладающий свойствами рентгеновских лучей, снимающий маски и личины и показывающий всех в истинном виде. Павел верил, что день Суда человек, верующий во Христа, может встретить без страха, потому что он будет одет не в свою праведность, а в праведность Иисуса Христа, так что никто не сможет обвинить его в чем-то.

10-17

Расколотая церковь (1 Кор. 1,10-17)

Павел приступает к задаче своего послания: исправить положение, создавшееся в церкви в Коринфе. Он писал свое послание из Ефеса. Рабы, христиане из дома богатой дамы по имени Хлоя посетили Коринф и привезли с собой историю о расприх и разладе.

Павел дважды обращается к коринфянам как к *братьям*. Как сказал старый комментатор Беза: "В этом обращении находится и скрытый аргумент". Во-первых, он смягчает только что сделанный упрек, который делает не учитель с палкой в руке, а человек, движимый только любовью. Во-вторых, такое обращение должно было показать им, сколь ошибочными были их распри и разлады. Все они братья и должны жить в братской любви.

Стараясь примирить эти расколовшиеся группы церковной общины, Павел употребляет две интересные фразы. Он просит их, *чтобы все они говорили одно*, то есть он преследует цель *устранить разногласия* - выражение, обычно употребляемое враждующими сторонами при достижении соглашения. Он желает, чтобы они "*соединены были в одном духе и в одних мыслях*", употребляя его в медицинском значении как *соединяют* сломанную кость, либо вправляют вывихнутый сустав. Разногласия в церковной общине противоестественные и их следует исправить ради здоровья и действенности тела всей Церкви.

Павел видит в церкви Коринфа четыре группы: они еще не откололись, раскол находится внутри церкви. Павел употребляет для описания положения греческое слово *схизмата*, означающее *прореха в покрове*. Церковь в Коринфе подвергается опасности стать столь же неприглядной, как разорвавшийся покров. Следует отметить, что названные благочестивые личности - Павел, Киф и Аполлос - не имели никакого отношения к расколу и раздорам в церкви. Между ними не было ни противоречий, ни раскола. Их имена были присвоены отдельными группами людей без их ведома и согласия. И действительно, нередко случается так, что так называемые сторонники становятся большей проблемой, нежели противники. Присмотримся повнимательнее к этим группам и попробуем разобраться, что же отставала каждая из них.

1) Одна группа заявляла "*я Павлов*". Несомненно, в эту группу входили, главным образом, люди неиудейского происхождения. Павел всегда проповедовал Евангелие свободы и конец власти закона над людьми. Вероятно, эта группа коринфских христиан стремилась обратить свободу, проповедуемую Павлом, в вольность и распущенность, и использовать новообретенное христианство для оправдания своей распущенности и личного своеволия. Немецкий теолог Бультманн сказал, что христианский индикатив часто приводит к императиву. Представители этой группы коринфских христиан забыли, что христианский индикатив Евангелия привел к христианскому императиву христианской этики. Они забыли, что были спасены не для того, чтобы свободно грешить, а чтобы получить свободу не грешить.

2) Представители другой группы утверждали "*я Аполлосов*". В Деян. 18,24 дано краткое описание характера Аполлоса. Это был иудей из Александрии, "красноречивый и сведущий в

Писаниях". В то время Александрия была центром интеллектуальной жизни. Именно там ученые мужи создали школу, аллегорически толкующую Писание, и выводили крайне сложные толкования из совершенно простых отрывков. Вот один из примеров их занятий: в сочинении Варнавы из Александрии из внимательного анализа стихов *Быт.* 18,23; 14,14, они делали следующий вывод: Авраам имел 318 человек домочадцев, коих он и обрезал. В греческом написании 18 - а греки использовали в качестве цифровых знаков буквы с определенным значением; так после *йоты* следует *эта*, то есть первые две буквы имени Иисуса (Иесус). Цифру 300 же греки обозначали буквой "Т" - символ распятия; следовательно, выводит Варнава, это событие в истории Авраама представляет собой предсказание распятия Иисуса Христа на Кресте! Далее, александрийцы были большими поклонниками литературы. В сущности, именно они внесли *интеллектуальный момент* в христианство. Все те, кто утверждал "я Аполлосов", несомненно, принадлежали к интеллектуальному крылу Коринфской церковной общины, стремившемуся превратить христианство более в философию, нежели в религию.

3) Была там и группа, утверждавшая "я *Кифин*". (Киф - это иудейское имя, соответствующее в греческом и латинском Петру.) Большинство из них были иудеи, пытавшиеся учить, что человек все же должен соблюдать иудейский закон. Это были законники, превозносившие закон и, тем самым, преуменьшавшие значение благодати,

4) И были там такие, которые утверждали "я *Христов*". Это можно объяснить по-разному: а) В греческих рукописях вовсе отсутствует пунктуация, и между словами нет никакого интервала. Вполне возможно, что здесь не выделена особая группа, а что это комментарий самого Павла. Может быть, он диктовал так: я Павлов; я Аполлосов; я Кифин - но я Христов. Возможно, это комментарий Павла к сложившемуся крайне неприятному положению. б) Если же такое предположение неверно, и все же описывается существовавшая группа, то это должна была быть маленькая стойкая группа людей, утверждавших, что лишь они являются истинными христианами в Коринфской церковной общине. Их реальная ошибка состояла не в том, что они заявляли о своей принадлежности Христу, но в том, что они выступали так, будто Христос принадлежит исключительно им. Такое выражение довольно четко определяет небольшую нетерпимую, уверенную в своей правоте, группу.

Не следует думать, будто Павел преуменьшает значение крещения. Люди, крещенные Павлом, были особыми новообращенными. Самым первым новообращенным, по-видимому, был Стефан (*1 Кор.* 16,15). Крисп когда-то был начальником иудейской синагоги (*Деян.* 18,8). Гай, возможно, был странноприимцем, у которого жил Павел (*Рим.* 16,23). Но самое важное заключается в том, что крещение проводилось *во имя Христа*.

По-гречески эта фраза обозначает самую тесную связь. Так, например, дать деньги во имя человека значило уплатить по его текущему счету. Продать раба во имя человека - значило отдать этого раба в его абсолютное владение. Солдат римской армии клялся в верности во имя цезаря: и он принадлежал полностью императору. Выражение *во имя кого-то* подразумевает абсолютное владение. В христианстве же эта фраза несет в себе даже большее значение: она означает, что христианин не только полностью принадлежит Христу, но и каким-то особым образом отождествляется с Ним. А, в общем, Павел хочет сказать следующее: "Я рад, что был так занят проповедованием, ибо если бы я крестил, то это могло бы дать некоторым из вас повод говорить, что я крестил вас в мое владение, а не в Христово". Павел не уменьшает значение крещения, а лишь заботится о том, чтобы ни одно его действие не могло быть истолковано превратно, будто бы он числил их за собой, а не за Христом.

Павел заявляет, что излагал людям историю распятия в самых простых выражениях. Украшать ее риторикой и остроумием он не собирался. Павел хотел привлечь внимание не к языку, а к фактам, не к автору, а к его рассказу. Цель же Павла состояла именно в том, чтобы показать людям не себя, а Христа, во всем Его величии.

Камень преткновения для иудеев и безумие для эллинов (1 Кор. 1,18-25)

И для культурных эллинов и для набожных иудеев история, которую рассказывало им христианство, казалась сущим безумием. Павел начинает тем, что свободно употребляет две цитаты из Исаии (Ис. 29,14; 33,18) с тем, чтобы показать, насколько ненадежна человеческая мудрость, как легко она может подвести. Он приводит неопровержимый факт, что при наличии всей человеческой мудрости, человечество не нашло Бога. Оно все еще слепо и на ощупь продолжает искать Его. И эти поиски были предначертаны Богом, чтобы показать людям беспомощность их положения и тем самым подготовить единственно истинный путь к Его принятию.

Что же представляло собой христианское благовествование? Если мы проанализируем содержащиеся в Деяниях Апостолов четыре знаменитые проповеди (Деян. 2,14-39; 3,12-26; 4,7-12; 10,34-43), то увидим, что в христианской проповеди содержатся определенные неизменные элементы: 1) утверждение о том, что великое обетованное Богом время наступило; 2) краткое изложение истории жизни, смерти и воскресения Иисуса Христа; 3) утверждение о том, что все это свершилось во исполнение древних пророчеств; 4) утверждение о втором пришествии Иисуса Христа; 5) настойчивый призыв к покаянию и принятию обетованного Духа Святого.

1) Для иудеев эта проповедь была камнем преткновения по двум причинам:

а) Для них было непостижимым, чтобы Тот, Кто окончил жизнь свою на кресте, мог быть Избранным Божиим. Они ссылались на свой закон, где было прямо сказано: "Ибо проклят перед Богом всякий, повешенный на дереве" (Втор. 21,13). Для иудеев сам факт распятия, не только не доказывал, что Иисус был Сыном Божиим, но напротив" окончательно опровергал его. Нам это может показаться странным, но иудеи, даже читая Исаию 53, никогда не могли бы представить себе страдающего Мессию. Крест был и остается для иудеев камнем преткновения" мешающим им поверить в Иисуса.

б) Иудеи искали знамений. Если настал золотой век, век Божий, то должны происходить поразительные события. В то самое время, когда Павел писал свои послания, выступало много ложных мессий, и все они ловили легковверных обещаниями творить чудеса. В 45 г. появился человек по имени Феудас, убедивший тысячи людей бросить свои дела и пойти за ним к реке Иордан, обещав, что по его слову воды Иордана расступятся, и он проведет их по суше через реку. В 54 г. в Иерусалиме появился человек из Египта, утверждавший, что он пророк. Он побудил тридцать тысяч человек последовать за ним на Масличную *гору*, пообещав, что по его слову падут стены Иерусалима. Именно этого ожидали иудеи. В Иисусе же они видели скромного и смиренного человека, умышленно избегающего захватывающих зрелищ, служившего людям и окончившего жизнь свою на кресте. Такой человек, по и их мнению, не мог быть Избранником Божиим.

2) Для Эллина такое благовествование казалось безрассудством по двум причинам:

а) Для эллинов определяющей чертой Бога была *анафейя*. Это не просто *апатия*, а полная неспособность чувствовать. Греки утверждали, что если бог может чувствовать радость и печаль, гнев и горе, то это значит, что в такой момент на бога оказал влияние человек, оказавшийся, следовательно, сильнее этого бога. Поэтому, утверждали они, бог должен быть лишен всяких эмоций, чтобы никто и ничто не могло повлиять на него. Страдающий бог, по мнению эллинов, это уже несовместимые понятия.

Греки считали, по заявлению Плутарха, что вовлечь бога в человеческие дела - значит нанести ему оскорбление. Бог, по необходимости, совершенно независим и беспристрастен. Эллинам казалась возмутительной сама идея *воплощения* Бога в человеческий образ. Августин, бывший крупным ученым еще задолго до принятия христианства, говорил, что он нашел у греческих философов параллели почти всем идеям христианства, но никогда не встречал у них утверждения: "Слово стало плотью и обитало с нами". Греческий философ 2-

го в. Цельс, энергично нападавший на христианство, писал: "Бог добр, прекрасен и счастлив, и он в том, что прекраснее и лучше всего. Если же, однако, он снисходит к людям, это вызывает в нем изменения, и изменения обязательно к худшему: из доброго в плохое, из прекрасного в безобразное, из счастливого в несчастное; из лучшего в худшее. А кто захотел бы подвергнуться такому изменению? Смертные меняются естественно, бессмертные же должны навсегда оставаться неизменными. Бог никогда не согласился бы на такое изменение". Мыслящий эллин не мог и представить себе воплощение Бога, и считал совсем неправдоподобным, чтобы Тот, Кто страдал так, как Иисус, мог бы быть Сыном Божиим.

б) Эллины искали мудрости. Первоначально греческое слово *софист* означало *мудрого человека* в положительном смысле слова; но со временем оно приобрело значение человека с ловким умом и острым языком, своего рода интеллектуального акробата, обладающего способностью блестяще и красноречиво доказывать, что белое есть черное, а плохое - хорошее. Оно обозначало человека, проводящего бесконечные часы в обсуждении несущественных мелочей и совершенно не интересующегося решением вопроса, а лишь наслаждающегося "интеллектуальными экскурсами". Дион Хризостом так описывает греческих софистов: "Они квакают как лягушки в болоте. Они самые никчемные люди на земле, потому что, будучи невеждами, мнят себя мудрецами; подобно павлинам, они хвастают своей известностью и числом своих учеников, как павлины своими хвостами".

Мастерство, которым обладали древнегреческие краснобаи, пожалуй, даже нельзя и преувеличить. Плутарх говорит о них так: "Они услаждали свой голос каденциями модуляциями тонов, создавая отраженный резонанс". Их мысли были не о предмете разговора, а о том, как они говорили. Мысль их могла быть наполнена ядом, а речь медоточива. Филострат говорит, что софист Адриан пользовался в Риме такой славой, что когда становилось известно, что он будет говорить перед народом, сенаторы покидали сенат, а люди свои игры, и шли толпами слушать его.

Дион Хризостом изображает этих, так называемых, мудрецов и картину их состязаний в самом Коринфе на Истмийских играх: "Можно услышать массу ничтожных негодяев-софистов, кричащих и бранящих друг друга, учеников своих противников, спорящих по пустяковым предметам, большое число писателей, читающих свои тупейшие сочинения, множество поэтов, декламирующих свои поэмы, множество фокусников, демонстрирующих свои чудеса, прорицателей, толкующих значение знамений, десятки тысяч краснобаев, занимающихся своим ремеслом". Греки были, в буквальном смысле, отравлены красноречием, а христианские проповедники со своими прямыми и малопонятными проповедями казались им грубыми и необразованными, заслуживающими насмешек, а не уважения и внимания.

На фоне образа жизни эллинов и иудеев проповедь христианства имела, казалось, мало шансов на успех; но, как сказал Павел, "немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков".

26-31

Торжество униженных (1 Кор. 1,26-31)

Павлу приятно, что в основном церковь составлялась из простых и кротких людей. Но ни в коем случае не следует думать, что ранняя церковь состояла только из рабов. Из Нового Завета видно, что христианами становились и представители высших слоев общества. Это были, например, Дионисий в Афинах (*Деян.* 17,34), Сергей Павел, проконсул острова Крит (*Деян.* 13,6-12), дамы благородного происхождения в Фессалониках и Верии (*Деян.* 17,4,12), Эраст, городской казначей, вероятно в Коринфе (*Рим.* 16,23). Во времена Нерона Помпония Гречина, супруга Плавта, завоевателя Британии, приняла мученическую смерть за то, что была христианкой. При императоре Домициане, во второй половине первого века, принял мученическую смерть за христианство Флавий Клеменс, двоюродный брат императора. В

конце второго века Плиний, правитель Вифинии, писал императору Траяну, что христиане находятся во всех слоях общества. Но все же большая часть христиан состояла из простого и скромного народа.

Приблизительно в 178 г. Цельс написал одно из самых резких когда-либо написанных сочинений против христианства. И он высмеял именно интерес простого народа к христианству. Он заявил, что христианская точка зрения, якобы, состоит в следующем: "Пусть не примет христианства ни один образованный, ни один мудрый или благоразумный человек, ибо их мы считаем злом; но если кто невежда, если кому недостает здравого смысла и культурного воспитания, если кто глуп - пусть он смело приходит к нам". О христианах же он писал: "Мы видим их в их домах: чесальщики шерсти, сукновалы и сапожники, самые необразованные и грубые люди". Он говорил, что христиане "подобны сонму летучих мышей или муравьев, выползающих из своих муравейников; они подобны лягушкам, собравшимся на философскую беседу вокруг болота".

Именно так говорили о христианстве. В Римской Империи было около шестидесяти миллионов рабов. Перед законом раб был "живым орудием", вещью, а не человеком. Хозяин мог выбросить старого раба, также как он выбрасывал старую лопату или мотыгу. Он мог развлекаться, истязая своих рабов, и мог даже убивать их. Для рабов не было законодательства о браке; как ягнята в стаде, их дети тоже принадлежали хозяину. Христианство превратило людей, являвшихся вещами, в истинных мужчин и женщин; более того, в сыновей и дочерей Бога. Оно придало тем, которых никто не уважал, чувство собственного достоинства. Оно давало жизнь вечную тем, не имел права распоряжаться собственной жизнью. Оно уверяло их, что, даже если они не значат ничего для света, они очень важны в глазах Бога. Оно свидетельствовало им, что, хотя они не представляют никакой ценности для других людей, Бог пожертвовал ради них Сына Своего единородного. Христианство было и остается самой возвышенной идеей во всем мире.

Павел завершает этот отрывок цитатами из Иеремии 9,23-24. Как выразился Бультманн: самовосхваление, или жажда быть признанным - один из самых основных грехов. Истинная вера начинается лишь тогда, когда мы осознаем, что мы сами не можем свершить ничего, но что Бог может свершить все, и что Он свершает все. Поразительно, что, именно человек, сознавший свою слабость и недостатки своей мудрости, оказывается потом сильнее и мудрее. Опыт жизни показывает, что человек, полагающий, что он сам может совладать со всем, в конечном счете, терпит крушение.

Следует особо выделить четыре характерные особенности, приданные людям Христом:

1) Христос - наша *премудрость*. Лишь следуя за Ним мы можем идти прямо, и только слушая Его, слышим мы истину. Он воистину, Всевышний в жизни.

2) Христос - наша *праведность*. Во всех посланиях Павла праведность означает правильные отношения с Богом. Мы своими усилиями сами никогда не можем достичь ее. Мы обретаем ее, лишь осознав чрез Иисуса Христа, что она дана нам не за то, что мы сделали для Бога, но за то, что Он сделал для нас.

3) Христос - наше *освящение*. Лишь в присутствии Христа жизнь наша может стать той, чем она должна быть. Эпикур говаривал своим ученикам: "Живите так, будто бы Эпикур постоянно видел вас". Но в наших отношениях к Христу нет этого "как будто". Христианин всегда идет с Ним, и лишь тогда его одежда остается незапятнанной.

4) Христос - наше *искупление*. Диоген жаловался, что люди валом валят к глазным и зубным врачам, но никогда не идут к человеку, который мог бы вылечить их душу (он имел в виду философов). Иисус Христос может освободить человека от прошлого греха, избавить его от настоящей беспомощности и от страха перед будущим. Он освобождает человека от рабства своего "я" и от греха.

Глава 2

1-5

Возвещение и сила (1 Кор. 2,1-5)

Павел напоминает о времени, когда он впервые прибыл в Коринф, и при этом выделяет три момента.

1) Он пришел и говорил *просто*. Уместно отметить, что Павел пришел из Афин, где он в первый и последний раз попытался возвещать христианство, используя философскую терминологию. Там, на Марсовой горе Павел встретился с философами и говорил с ними их языком (Деян. 17,22-31) и потерпел одну из немногих неудач. Его проповедь, изложенная в философских терминах, не произвела на афинян впечатления (Деян. 17,32-34). Можно даже представить себе, что Павел сказал себе: "Никогда больше! Отныне я буду излагать историю Христа в самых простых выражениях. Никогда больше не попытаюсь облачить ее в человеческие категории. Я знаю только Иисуса Христа и притом распятого". Вовсе не приукрашенная история жизни Иисуса Христа обладает уникальной силой глубоко трогать сердца людей. Доктор Джеймс Стюарт приводит такой пример: Христианские миссионеры пришли ко дворцу франкского короля Кловикса. Они рассказывали ему историю о распятии, и рука старого короля потянулась к рукоятке меча. "Если бы я и мои франки были там, - сказал он, - мы бы штурмом взяли Голгофу и освободили Его из рук Его врагов". На простых здравомыслящих людей живая правдивая картина производит такое впечатление, какое никогда не может произвести жесткая цепь логических доказательств. Путь в глубинную сущность большинства людей лежит не через разум, а через сердце.

2) Он пришел *в страхе*. Важно знать, в чем здесь дело. Он не боялся за себя, еще меньше он стыдился Евангелия, которое он проповедовал. Это, собственно, не страх, а "трепетное опасение, забота о том, как получше исполнить свой долг". Выражение, употребляемое здесь Павлом по отношению к себе, употребляется им также для характеристики состояния и поведения добросовестных рабов, как они должны служить своим господам и повиноваться им (Еф. 6,5). Человек, приступающий к великому делу без душевного трепета, не сможет выполнить его безукоризненно. Действительно великий актер входит в роль еще до начала спектакля; и лишь тот проповедник, сердце которого билось сильнее перед проповедью, благотворно "оживит слушателей".

Человек, выполняющий порученное дело без нервной дрожи и напряжения, может образцово выполнить его; но лишь человек, выполняющий свою роль с трепетным волнением, может произвести такой эффект, который никогда не достигается одной артистичностью.

3) Работа Павла в Коринфе не ограничивалась одними словами. Его проповеди изменяли жизнь людей. По словам Павла правдивость его проповеди была неопровержимо доказана в явлении духа и силы, употребляя при этом слово, обозначающее самое веское, неопровержимое доказательство, против которого нет аргументов. Каково же оно? Этим доказательством была изменившаяся жизнь людей. Новая освежающая струя влилась в развращенную и оскверненную жизнь Коринфа. Джон Хаттон любил рассказывать такой случай: Один развратник и пьяница, услышав однажды историю Христа, был ею пленен. Его коллеги по работе трясли его за плечи и говорили: "Ну, конечно, такой благоразумный человек, как ты, не может верить во все чудеса, о которых рассказано в Библии. Ведь нельзя же поверить в то, что этот их Иисус превратил воду в вино". "Не знаю, превращал ли он воду в вино или нет, - отвечал он, - но у меня в доме я увидел, как он превращает пиво в мебель".

Никто не может опровергнуть такое доказательство, если человек изменил свою жизнь. В своей слабости мы часто пытались убедить кого-либо на словах, вместо того, чтобы доказать им христианство примером своей жизни, показывая людям Христа. Кто-то сказал: "святой тот, в ком Христос ожил".

Премудрость Божия (1 Кор. 2,6-9)

В этом отрывке Павел показывает разницу между различными способами наставлений в христианской вере и различными степенями христианской жизни. В раннехристианской Церкви ясно различали между двумя методами наставлений на путь веры.

1) Существовала так называемая *керигма*, то есть *царское сообщение*, переданное через *вестника*, и она заключалась в простом изложении основных фактов и принципов христианства, фактов из жизни, смерти, воскресения Иисуса и о Его втором пришествии.

2) Существовала и так называемая *дидаке*, то есть обучение, что включало и объяснение уже изложенных фактов. Как видно, эта форма проповедования христианства представляла вторую ступень для тех, кто уже прошел ступень *керигмы*.

Вот о чем идет речь. До сих пор Павел говорил об Иисусе Христе и притом распятом; это было основное изложение христианского вероучения; но он говорит далее, что мы не останавливаемся на этом: проповедь христианского вероучения продолжается в обучении не только фактам, основам веры, но и в объяснении их значения. Павел говорит, что такая проповедь проводится между *телейои*, т.е., *совершенными*. В Библии слово *совершенный* действительно представляет собой одно из значений греческого слова *телейои*, но, кажется, оно неуместно в данном контексте.

Греческое слово *телейос* характеризует чаще всего физическое состояние человека или животного, достигших высшей степени или формы своего развития. Но оно употребляется и в интеллектуальном значении. Пифагор делил своих учеников на детей и *телейои*, то есть зрелых студентов. Вот дословный перевод, употребленный и в синодальном издании, а вот как Павел употребляет его здесь и что он, собственно, хочет сказать: "На улицах и вновь пришедшим в Церковь мы говорим об основах христианского вероучения; но более зрелых людей мы обучаем основательней значению этих фактов вероучения". Павел не намекает на какое-либо кастовое различие между христианами. Различие состоит лишь в том, в какой стадии усвоения христианского вероучения они в данное время находятся. Трагедия христиан часто заключается в том, что они довольствуются познанием элементарных основ и остаются в этой стадии, в то время как они должны были бы напряженно сами продумать и решить для себя все важные вопросы христианского вероучения.

Павел употребляет здесь слово, имеющее техническое значение. В каноническом переводе Библии оно переведено так: "Но проповедуем премудрость Божию, тайную". Греческое слово *мустерион* обозначает нечто, значение которого ясно членам этого общества, но непонятно постороннему человеку. Павел как бы говорит: "Потом мы объясняем положения, понятные только тем, кто отдал свое сердце Христу".

Он настаивает на том, что такой метод обучения не связан с различием в умственных способностях верующих: это дар Божий, нисшедший в мир с Иисусом Христом. Все наши открытия - не столько открытия нашего ума, сколько откровение Божие. Это, конечно, ни в коем случае не освобождает нас от ответственности прикладывать все усилия. Лишь усердно занимающийся ученик может подготовиться к восприятию учения великого учителя. Именно таковы отношения между нами и Богом. Чем больше мы стараемся понять, тем больше Бог может показать нам. И этот процесс бесконечен, потому что сокровища Господа неисчерпаемы.

10-16

Духовное - духовным людям (1 Кор. 2,10-16)

В этом отрывке содержатся положения фундаментальной важности.

1) Павел утверждает, что лишь Дух Божий может проявлять нам Бога. Он применяет здесь

аналогию из жизни. У каждого человека есть ему одному присущие чувства, личные моменты и интимные переживания, которые известны лишь ему одному. Павел заявляет, что это верно и для Бога. В Нем обитают глубоко скрытые интимные чувства, известные лишь собственному Духу; и лишь Дух Божий может ввести нас в истинно интимное познание Бога.

2) Но даже в этом случае не каждому человеку оно доступно. Павел говорит, что он возвещает... "соображая духовное с духовным". (В тексте Баркляя это звучит так: "*возвещается духовное духовным людям*"). Он различает два типа людей: а) один тип он называет *пневматикой*. Слово *пневма* означает Дух, а *пневматос* - человека, восприимчивого к Духу, жизнь которого направляется Духом, б) другой тип Павел называет *психикос*. *Психе* часто переводят как душа, но это не совсем точное значение этого слова. Собственно, оно означает основу плотской жизни. Все животные имеют *психе*: собака, кошка, любое животное, но оно не имеет *пневмы*. *Психе* - физическая жизнь, сближающая человека с любой живой тварью, а *пневма* как раз и отличает его от всех прочих живых тварей и роднит его с Богом.

В стихе 14 Павел говорит о человеке типа *психикос*. Это человек, живущий так, будто вся жизнь сводится единственно к ее физической стороне и помимо материальных и физических ценностей ничего не существует. Такой человек просто не поймет духовных ценностей жизни. Человек, считающий удовлетворение плотских потребностей самым важным в жизни, не поймет значение целомудрия.

Тот кто стремится копить материальные богатства, не сможет понять, что такое щедрость и великодушие, а человек, мысли которого никогда не выходили за пределы материального мира, никогда не сможет понять божественного.

Очень легко настолько погрузиться в мирское, что покажется, будто за его пределами ничего нет. Будем же молиться, чтобы разум Господень был с нами, ибо только тогда, когда Он живет в нас, защищены мы от посягательств материального мира.

Глава 3

1-9

Высшее знание Бога (1 Кор. 3,1-9)

Павел только что говорил о двух типах людей и о различии между ними: о *пневматикос*, духовном типе, способном понимать духовное, и *психикос*, интересы и цели которого не выходят за пределы плотской жизни, и который, поэтому, неспособен понимать духовные истины. И вот теперь он упрекает коринфян в том, что они все еще находятся на плотской стадии жизни. Но для этого он употребляет два новых слова.

В стихе первом он называет коринфян - *саркиной*. Это слово происходит от слова *саркс*, то есть плоть, которое является таким типичным для Павла. А все греческие прилагательные, оканчивающиеся на *-иное*, означают *сотворенный из того-то*. Итак, Павел начинает с заявления, что коринфяне плотские. Само по себе, это не укор; человек действительно сотворен из плоти, но он не должен оставаться только таковым. К сожалению, коринфяне не были только *саркиной*, но и *саркикой*. Они не просто были плотскими, *сотворенными по плоти*, но *плотское преобладало* в них. В понимании Павла *плоть* - нечто большее, нежели просто физическое начало; оно означает *человеческую природу вне Бога*, то есть все то духовное и плотское в человеке, которое служит целям греха. Поэтому, Павел видит недостаток коринфян не в том, что они сотворены из плоти - все люди сотворены из нее, - но в том, что они допустили этой низменной части человеческого начала доминировать во всех их взглядах и действиях.

Что же в их поведении и жизни побудило Павла к такому упреку? Их споры, разделения и раздоры. Это важно, потому что *можно охарактеризовать отношения каждого человека к*

Богу, наблюдая его отношения к своим братьям. Если он находится в противоречиях со своими братьями, если он сварлив, часто спорит, труден в общении, то - даже если он регулярно посещает церковь, даже если он должностное лицо в церкви - он все же не человек Господень. Но человек, единоклубный с братьями, отношения которого к ним определяются любовью, единением и согласием, - находится на верном пути, чтобы стать человеком Божиим.

Человек, любящий Бога, любит и своих братьев. Эту мысль Ли Хант взял из восточного предания и развил в своем стихотворении Абу Бен Адем, содержание которого [по восточному мировоззрению] следующее:

Проснувшись однажды ночью от сладкого сна,

Абу Бен Адем увидел при лунном свете ангела,

записывающего что-то в золотой книге.

Будучи миролюбивым человеком, Абу дерзнул спросить его,

что он пишет. Ангел ласково ответил, что записывает имена тех,

которые любят Господа.

"Есть ли мое имя среди них?" - спросил Абу.

"Нет, еще нет", - ответил ангел.

Понизив голос, Абу все еще бодро попросил:

"Запиши меня к тем, кто любит своих братьев".

Кончив писать, ангел исчез.

В следующую ночь ангел явился в ярком свете и

показал Абу имена людей, благословенных Господом.

И, к изумлению Абу, его имя стояло на первом месте.

Павел продолжает подчеркивать несостоятельность разногласий и прославления отдельных учителей. Один насадил, другой поливал, но возрастил Бог. Но никто не может претендовать на то, что растение росло лишь благодаря его заботам. Это совершил Бог, и только Он. Человек, посадивший растение и человек, поливавший его - равны, их участие одинаково важно; ни тот, ни другой не могут претендовать на большие заслуги; они трудятся для одного Господа - Бога. Бог используется человеком, чтобы довести до людей весть о Своей истине и любви; но лишь Он Один пробуждает сердца людей к новой жизни. Он Один сотворил сердце, и лишь Он Один может возродить его.

10-15

Основание и строители (1 Кор. 3,10-15)

В этом отрывке речь Павла основана на личном опыте. Ему пришлось быть основателем, постоянно находящимся в дороге. Правда, он пробыл восемнадцать месяцев в Коринфе (Деян. 18,11) и три года в Ефесе (Деян. 20,31), но в Фессалониках он, вероятно, пробыл менее месяца, и это было более типичным для него. Нужно было пройти столько земель: ведь столько людей еще не слышали имени Иисуса Христа; и чтобы успеть положить благоприятное начало евангелизации мира, Павел мог только заложить основание и уже должен был идти дальше. Лишь когда он находился в тюрьме, его неутомимый дух пребывал в одном месте.

И куда бы он ни приходил, он закладывал одно и то же основание. Познакомить людей с Иисусом Христом - вот цель и задача Павла, потому что лишь в Нем Одном может человек найти:

а) *прощение прошлых грехов*. Человек вступает в новые отношения с Богом, и внезапно осознает, что Он ему не враг, а друг. Он видит, что Бог подобен Иисусу Христу; и там, где человек когда-то видел ненависть, он видит любовь, а где он прежде видел бесконечную отдаленность, он видит заботливую близость.

б) *силы для преодоления насущных трудностей*. Присутствие и помощь Христа придает ему мужество выдержать удары и требования жизни, ибо он больше не изолированный человек, ведущий одинокую борьбу с враждебным миром. Теперь он живет жизнью, в которой его ничто не может разобщить с Богом в Иисусе Христе, его Господе. Он идет по жизненным путям вместе с Иисусом Христом и ведет свою борьбу с Его помощью.

в) *надежду на будущее*. Верующий не живет больше в мире, в котором ему страшно смотреть вперед, а в мире, который направляет Бог, ведущий все к лучшему. Он живет в мире, где смерть больше не является концом, а лишь вступлением к великой славе. Без основания, которое есть Иисус Христос, человек ничего из этого не может обрести.

Но на основании Христа строили другие. Павел здесь не предполагает, что будут строить плохо, но что построят неполноценное. Человек может представить своим собратьям разбавленную версию христианства - одностороннее учение, в котором одним принципам будет придано слишком большое значение, а другим - слишком малое. Поэтому они будут недостаточно уравновешены. То есть искаженное, деформированное учение, в котором даже его величайшие и основополагающие положения будут извращены.

День, о котором Павел говорит в стихе 13 - это день второго пришествия Иисуса Христа. Вот тогда дело каждого окончательно обнаружится. Все ложное и недостойное будет сметено. Но, по милосердию Бога даже недостойные строители будут спасены, потому что они, по крайней мере, сделали попытку создать что-то для Христа. Даже в идеальном случае, все наши версии христианства несовершенны, но мы смогли бы избежать многих ошибок и заблуждений, если бы мы руководились не своими предрассудками и предположениями, не умозаключениями того или иного богослова, а светом Нового Завета, и - что превыше всего, - светом распятия. Крупный греческий литературный критик Лонгинус предлагает студентам проверять себя: "Когда вы что-то пишете, спросите себя, как бы стали писать Гомер или Демосфен, и еще более, как реагировали бы Гомер и Демосфен, слушая вас". Когда мы говорим о Христе, мы должны говорить так, как будто Он слушает нас, что, собственно, Он и делает. Такая проверка убережет нас от многих ошибок.

16-23

Мудрость и безумие (1 Кор. 3,16-23)

Для Павла Церковь - храм Божий, потому что в ее общине обитает Дух Божий. Как сказал позже Ориген: "Скорее всего, мы являемся храмом Божиим, когда мы готовимся к принятию Святого Духа". А люди, вносящие раздор и раскол в среду церкви, разрушают храм Божий в двух направлениях:

а) Они лишают Духа возможности действовать. Горечь входит в церковь, а любовь покидает ее. В этой атмосфере уже не говорят и не слышат истины. "Где любовь, там и Бог", где ненависть и ссора, там Бог стоит и стучится в дверь и не получает ответа. Символом Церкви является любовь к братьям. Кто разрушает эту любовь, разрушает Церковь и, тем самым, разрушает храм Божий.

б) Они производят раскол в Церкви и сводят ее к ряду не связанных между собой развалин. Ни одно здание не может продолжать стоять прочно, если вынуть из него отдельные части. Самой важной слабостью Церкви еще и сегодня являются ее внутренниеделения. Они тоже разрушают ее.

Павел продолжает указывать на коренную причину этих разногласий и связанное с ними разрушение Церкви, видя ее в преклонении перед интеллектуальной, мирской мудростью. Он

напоминает, что такая мудрость была осуждена еще в Ветхом Завете, приводя цитаты из *Иов. 5,13* и *Пс. 3,11*. Но коринфяне определяли различных своих руководителей и учителей по их интеллектуальной мудрости. Гордыня человеческого ума приводит их к оценке и к критике формы проповеди, риторики, меткости аргументации учителей, вместо того, чтобы прислушиваться к самому содержанию благовествования. Особые трудности связаны с такой лжемудростью потому, что она всегда зиждется на двух элементах:

а) *любви к спору*. Люди с интеллектуальной гордыней не могут хранить молчание и восхищаться; они должны говорить и критиковать, но сами не терпят возражений; они должны доказывать, что они, и только они, правы. Они никогда не могут быть настолько скромными, чтобы чему-то научиться; им всегда надо устанавливать нормы и законы.

б) *специфической исключительности*. Эти мудрецы обычно смотрят свысока на других, и не сядут рядом с ними. Они считают, что, кто не согласен с ними, тот ошибается. Когда-то давно Кромвель писал шотландцам: "Заклинаю вас страданиями Христа, допускайте иногда, что вы можете ошибаться". Именно этого не может допустить интеллектуальная гордыня. Ее намерение - разобщать, а не объединять людей. Павел советует братьям стать безумными, чтобы быть мудрыми. Иначе говоря, это живой способ убедить человека быть настолько скромным, чтобы стать способным учиться. Никто не может научить человека, думающего, что он все уже знает. Платон говорит: "Тот самый мудрый, кто знает, что он плохо подготовлен к познанию мудрости". Квинтиллиан говорил о некоторых учениках: "Они, несомненно, стали бы отличными учеными, если бы не были столь убеждены в своей учености". Старая поговорка гласит: "Тот, кто не знает, и не знает, что он не знает - дурак: избегай его. Но тот, кто не знает, и знает, что он не знает - мудрый человек: учи его". Единственный путь к знанию - признание своего невежества.

В стихе 22, как это часто случается в посланиях Павла, проза его внезапно обретает крылья и становится страстной лирикой и поэзией. Коринфяне делают что-то совершенно непонятное Павлу. Они стремятся отдать себя в руки какого-нибудь учителя. Павел объясняет им, что, в действительности, не они принадлежат ему, а он им. Это отождествление с какой-то группой есть своего рода рабство, которое принимают те, кто должны быть королями. В действительности же они являются хозяевами всех вещей, потому что они Христовы, а Христос - Божий. Человек, отдавший свои силы и свое сердце какой-то группе, отказался от всего ради какого-то пустяка, хотя он и мог бы приобщиться к братству и любви, столь же необъятным, как и вселенная. Он сам выбрал узкие границы жизни, которые должны были стать беспредельными.

Глава 4

1-5

Три суда (1 Кор. 4,1-5)

Павел настоятельно просит коринфян не думать об Аполлосе, о Кифе, и о себе самом как о руководителях партий, но думать о них как о служителях Христовых. Для выражения понятия "служитель" Павел употребляет интересное слово - *хиперетес*, первоначально означавшее гребца, сидящего на нижней скамье триремы. Некоторые комментаторы подчеркивали именно это, с тем, чтобы изобразить картину, на которой Христос является лоцманом, направляющим путь судна, а Павел слугой, получающим указания лоцмана и работающим лишь по указаниям своего Господина.

Потом Павел употребляет другую аллгорию. Он представляет себя и других своих собратьев-проповедников *домостроителями* тайн Божиих, которые Бог хочет открыть людям. На домостроителя возложена была ответственность и управление всем домом или имением; он контролировал работу всего штата слуг и выдавал припасы; несмотря на это, он все же оставался рабом там, где дело касалось господина. Какое положение человек ни

занимает в церкви, какую властью он в ней ни обладает, каким уважением он ни пользуется, - он все же остается служителем Христовым.

Это приводит Павла к мысли об суждении. Важнейшей чертой домостроителя *ойкономос*, является его верность. Уже то, что он располагает такою независимостью и ответственностью, требует, чтобы господин мог полностью доверять ему. Коринфяне же, разделившись на группы, присвоив себе имя одного из учителей Церкви, вынесли свое суждение относительно каждого из них. И поэтому Павел говорит о трех суждениях, выпадающих на долю каждого человека.

1) Осуждение своих *собратьев*. Павел не придает ему большого значения. Но человек не может полностью игнорировать суждение своих братьев. Как это ни странно, даже при многих серьезных ошибках, осуждение со стороны братьев часто бывает верным. Это объясняется тем, что человек инстинктивно восхищается основными человеческими качествами: благородством, чувством чести, честностью, верностью, щедростью, великодушием, жертвенностью, и любовью. Философ-циник Антисфен любил говорить: "Только два человека могут сказать правду о тебе - выведенный из себя враг и обожающий тебя друг". Конечно, человеческие суждения никогда не должны отвлекать нас от истины. Но также верно и то, что в человеческих суждениях часто бывает больше правды, чем бы нам того хотелось, потому что люди инстинктивно восхищаются благородными чертами характера.

2) *Суждение человека о самом себе*. Павел и этому суждению не придает особого значения. Он хорошо знал, что суждение человека о самом себе часто искажено самодовольством, гордостью и тщеславием. Но каждый человек обязательно судит о себе. Один из основных этических законов древних греков гласит: "Человек, познай себя". Циники утверждали, что "способность ладить с самим собой" характеризует настоящего человека. Человек не может расстаться с собой, и, если он потеряет самоуважение, жизнь его становится невыносимой.

3) Он должен будет предстать *перед судом Божиим*. В конечном счете, именно этот суд является единственно правильным. Важным для Павла было не суждение каждого человеческого дня, но, именно, суждение в День Господа. Суд Божий является окончательным по двум причинам: а) Лишь Богу известны все сопутствующие *обстоятельства*. Он знает, какую борьбу человеку пришлось вести. Он знает те тайны, которые человек не может поверить кому-либо. Он знает, насколько этот человек мог погрязнуть в грехе, и Он также знает, как высоко он мог бы подняться. б) Лишь один Бог знает все *мотивы и побуждения*. "Человек видит деяния, а Бог - намерения". Многие деяния, кажущиеся с виду благородными, были совершены из самых эгоистических и неблагородных побуждений, а многие деяния, кажущиеся плохими, могли быть выполнены из самых благородных побуждений. Лишь Он, Кто сотворил человеческое сердце, знает его и достоин судить его.

Было бы хорошо, если бы мы всегда помнили две вещи: во-первых, даже если мы избежим всех других суждений и осуждений, или закроем на них глаза, мы не сможем избежать Суда Божьего. И, во-вторых, суд - дело Бога, и нам лучше всего не судить других людей.

6-13

Апостольское уничижение и нехристианская гордыня (1 Кор. 4,6-13)

Все, что говорил Павел о себе и Аполлосе, верно не только по отношению к ним, но и по отношению к коринфянам. Не только он и Аполлос должны держаться покорно и скромно, помня, что не суд и суждение человека ожидает их, но суд Божий. Коринфяне должны соблюдать такую же покорность. Павел выбрал очень учтивую манеру, включив себя самого в свои предупреждения и осуждения. Настоящий проповедник редко употребляет местоимение *вы*, а вместо него *мы*; он не говорит свысока, а так, будто сидит вместе с ними, и будто у всех такие же чувства и страсти. Если мы действительно хотим помочь людям и спасти их, мы

должны не проклинать, а умолять их, и относиться к ним не критикански-придирчиво, а с чувством сострадания. Когда Павел говорит, что коринфяне не должны мудрствовать сверх того, что написано, он говорит не свои слова, а повторяет слова Божьи, осуждающего гордыню.

После этого Павел задает коринфянам самый главный вопрос, имеющий непосредственное к ним отношение: "Что ты имеешь, - спрашивает он, - чего бы не получил?" В этом предложении Августин видел все учение о милосердии. Одно время Августин мыслил в свете человеческих свершений, но потом переменял свои взгляды. "Для решения этого вопроса мы много трудились, чтобы решить вопрос о свободе воли человека, но милосердие Божие одержало верх". Никто ничего не узнал бы о Нем, если бы Бог не явился людям; никто не заслужил бы спасения; человек не может спасти себя, его спасение от Бога. Стоит лишь подумать о том, что мы сделали, и что Бог сделал для нас, и гордыне не остается места, а пребывает лишь покорная благодарность. Главная ошибка коринфян состояла в том, что они забыли, что их души принадлежат Богу.

Далее следует один из тех взлетов, которые мы вновь и вновь встречаем в посланиях Павла. Он изливает на коринфян едкую иронию, сравнивая их гордыню, их самодовольство, их чувство превосходства, с жизнью апостола. Он выбирает для этого яркую картину. Римскому полководцу, одержавшему значительную победу, устраивался триумфальный парад. Он проходил со своей победившей армией по улицам города со всеми захваченными трофеями. В конце парада находилась небольшая группа пленников, обреченных на смерть; после их выводили на арену цирка, где они должны были драться с дикими зверями и умереть. Коринфяне, в их вопиющей гордыне, подобны победоносному полководцу, демонстрирующему трофеи своей доблести, а апостолы - маленькой группе обреченных на смерть пленников. Христианская жизнь в представлении коринфян заключалась в бахвальстве своими привилегиями и в ведении счета своим свершениям; для Павла же она означала скромное служение Христу и готовность умереть за Него.

Перечисляя трудности и унижения, выпадающие в жизни на долю апостолов, Павел упоминает два очень важных факта:

1) Они *терпят побои - колафиссфай*. Это слово употреблялось специфически при наказании рабов. Плутарх пишет о том, как один свидетель в споре о принадлежности раба определенному человеку, основывался на том, что он бил этого раба. При этом Плутарх употребляет именно это слово. Ради Христа Павел был готов выносить все, что приходится выносить рабу.

2) Он говорит далее: "Злословят нас - *лоидоресфай*, мы благословляем". Мы, может быть, просто не можем себе представить, насколько поразительным было такое заявление для язычника. Аристотель заявляет, что высочайшей добродетелью человека является *мегалопсухиа - великодушие*, то есть добродетель человека, имеющего благородную душу; и он определяет эту добродетель как неспособность выносить оскорбление. Для античного мира такая христианская скромность была совершенно новой добродетелью. Такое поведение, конечно, казалось людям безумно глупым, хотя именно это безумие и является мудростью Божией.

14-21

Отец в вере (1 Кор. 4,14-21)

Этим отрывком Павел заканчивает часть послания, касающуюся, собственно, споров и разногласий в Коринфе. Он пишет так, как пишет отец. Само слово, употребленное Павлом в стихе 14 для передачи значения *вразумляю - ноуфетейн*, употреблялось в значении предостережений и наставлений, которые отец дает детям (*Еф.* 6,4). Если даже при этом он говорит сурово, это не та суровость, с которой карают провинившегося раба, а с которой направляют блудного сына на путь истины.

Павел понимал, что по отношению к Коринфской церкви он занимал особое положение. Наставник - *педагогос* (сравни *Гал. 3,4*) - детоводитель, не был учителем ребенка, а был им старый и доверенный раб, который провожал ребенка в школу, наставлял его в вопросах морали, заботился о его характере, стараясь сделать из него человека. Ребенок мог иметь много наставников, но лишь одного отца. В будущем у коринфян, может быть, будет еще много наставников, но никто из них уже не сможет сделать того, что сделал Павел: никто из них уже не сможет более родить их к жизни во Христе Иисусе.

После этого Павел говорит поразительную вещь. Она сводится к следующему: "Я призываю детей следовать за отцом" Редкий отец может вымолвить это. Чаще всего надежды и молитвы отца сводятся к тому, чтобы его сын стал тем, чем ему самому никогда не суждено было стать. Большинство из нас, обучающихся других, не может сказать: "Делай, как я делаю", а лишь: "Делай, как я говорю". Павел же, не от гордыни, а с уверенностью может призвать своих детей следовать ему в вере.

Потом он делает коринфянам тонкий комплимент. Он пишет, что послал к ним Тимофея, "который напомним вам о путях моих во Христе Иисусе". В сущности же он говорит, что все их ошибки и заблуждения вызваны не сознательным бунтом, а забывчивостью. Это так типично для человеческой природы. Часто мы вовсе не восстаем против Христа, а просто забываем о Нем. Часто мы вовсе не преднамеренно отворачиваемся от Него, а просто забываем, что Он вездесущ. Большинству из нас нужно, прежде всего и больше всего, одно - жить в постоянном присутствии Иисуса Христа. Не только во время богослужений, но в каждый момент каждого дня Иисус Христос говорит нам: "Помни обо Мне".

И Павел продолжает вызовом. Пусть они не говорят, что он не придет к ним, потому что он посылает к ним Тимофея. Он придет, если угодно будет Господу; и тогда он испытает их. Да, коринфянам хорошо говорить, но их возвышенно звучащие слова ничего не значат, значение же имеют их деяния. Иисус не говорил: "По словам их узнаете их", а "По плодам их узнаете их". Мир полон разговоров о христианстве, но одно деяние стоит тысячи слов.

В заключение Павел спрашивает коринфян, придти ли ему для того, чтобы назначать наказания, или же для того, чтобы проводить с ними время в любви. Любовь Павла к своим чадам во Христе звучит в каждом его послании, но это не слепая сентиментальная любовь. Любя, он понимал, что наказание может быть необходимостью, и был готов назначить его. Бывает любовь, которая приводит человека к краху. Она игнорирует его недостатки. Но бывает любовь, способная изменить человека, исправить его, разглядывая его светлыми глазами Христа. Любовь Павла подсказывала ему, что иногда нужно причинять боль человеку для исправления его.

Павел разбирал вопрос о ссорах и разногласиях в церкви Коринфа, а теперь он переходит к разбору определенных практических проблем и серьезных проблем внутренней жизни церкви, новости о которых дошли до него. Этот раздел охватывает главы 5 и 6. В 5,1-8 Павел касается блуда. В 5,9-13 он определяет наказание за блуд и иные грехи. В 6,1-8 Павел говорит о том, что братия Коринфской церкви обращаются в суд неверных по делам между собой, а в 6,9-20 он подчеркивает необходимость непорочности.

Глава 5

1-8

Грех и самодовольство (1 Кор. 5,1-8)

Павел касается здесь проблемы, с которой ему приходилось неоднократно сталкиваться. Для язычников вообще не существовало непорочности. Они удовлетворяли свое вожделение, где и когда у них возникало желание. Христианам было очень трудно избежать этой заразы. Они представляли собой маленький остров, окруженный морем язычников. Ведь они только что приняли христианство, и им было трудно отучиться от свободы половой жизни, ставшей

частью их жизни; и все же, чтобы содержать Церковь в чистоте, они должны были навсегда распрощаться со старым языческим образом жизни. В церкви в Коринфе произошел особенно неприятный случай. Мужчина вступил в негласную связь со своей мачехой. Такая вещь могла возмутить даже язычника, и была четко и определенно запрещена иудейским законом (*Лев. 18,8*). Из текста можно заключить, что эта женщина была уже разведена со своим мужем. Сама она, вероятно, была язычницей, так как Павел вовсе не пытается говорить о ней. На нее, по-видимому, не распространялась подчиненность церкви.

Как Павел ни был потрясен самим фактом греха, еще больше поражало его отношение Коринфской церкви к грешнику. Они самодовольно приняли это как должное и не предприняли ничего против сложившегося положения, тогда как они должны были быть поражены горем. Для выражения горя, которое должно было охватить Коринфскую церковь, Павел употребляет слово *пенфейн*, означающее плач по покойнику. Небрежное отношение к греху всегда является опасным симптомом. Кто-то сказал однажды, что единственное спасение от греха - испытывать его ужас. Карлейль сказал, что люди должны видеть беспредельную красоту святости и бесконечный ужас греха. Когда мы перестаем обращать серьезное внимание на грех, мы оказываемся в опасном положении. Недостаточно относиться к греху критически и осуждать его; грех должен причинять боль и поражать. Это грех распял Иисуса Христа, Он умер, чтобы освободить людей от греха. Как христиане могли спокойно смотреть на это?

Павел пишет, что против такого человека нужно принять серьезные меры. В образной фразе он заявляет, что его следует предать сатане. Он подразумевает под этим, что этого человека необходимо отлучить от церкви. Павел смотрит на мир как на царство сатаны (*Иоан. 12,31; 16,11; Деян. 26,18; Кол. 1,13*), а на Церковь как на царство Бога. Пошлите этого человека назад в царство сатаны, к которому он и принадлежит - решает он. Но следует отметить, что даже такое серьезное наказание не является просто карающим. Оно было направлено на то, чтобы уничтожить этого человека, укротить и искоренить похоть, чтобы все же спасти его дух. Благодетели практикуют не просто, чтобы наказать человека, но чтобы разбудить его, и это решение Павла надлежало выполнить не с холодной садистской жесткостью, но с чувством печали, как по умершему. Раннехристианская Церковь наказывала не с тем, чтобы сломить, а чтобы исправить грешника.

И далее Павел дает практический совет. В стихах 5,6-8 он в метафорической форме призывает Коринфскую церковь очиститься, используя при этом примеры из иудаизма. За исключением очень небольшого числа случаев, дрожжи в иудейской литературе всегда обозначают злое влияние. Это было тесто, оставленное от прошлого печения хлебов, закваска, забродившая во время хранения. Иудеи отождествляли брожение с разложением, поэтому закваска означала вредное влияние.

Пасхальный хлеб, опять же, был пресным (*Исх. 12,15; 13,7*). Более того, в законе сказано, что накануне Пасхи иудей должен зажечь свечу и по особому ритуалу обыскать свой дом в поисках закваски, и каждый маленький кусочек выбросить (ср. картину осмотра Богом Иерусалима со свечой) (*Соф. 1,12*). (Кстати, эти поиски проводились 14 апреля, и с ними связывают происхождение весеннего очищения.) Павел использует эту метафору. Он говорит: наша жертва была принесена Христом; именно Его жертва освободила нас из-под власти греха, как Бог освободил иудеев из Египта. Поэтому, продолжает он, наша жизнь должна быть очищена от последних остатков зла. Если допускать грешное влияние в церкви, оно может испортить все общество, как дрожжи вызывают брожение всего теста.

И в этом важная практическая истина. Иногда следует наказывать ради блага Церкви. Закрывая глаза на нарушение благочестия, можно лишь разрушить то, что есть. Яд надо удалить, прежде чем он распространится по всему телу, сорную траву нужно вырвать, прежде чем она испортит всю землю. Здесь изложена полная система применения благодетели. Оно никогда не должно служить удовлетворению чувств людей, выносящих его,

но всегда содействовать исправлению грешника и благу Церкви. Благочиние никогда не должно мстить, но предохранять и исцелять.

9-13

Церковь и мир (1 Кор. 5,9-13)

Очевидно Павел уже писал коринфянам письмо, в котором он убеждал их избегать общения со всеми зловредными людьми. Это относилось только к нечестивым братьям по церкви, которых следует наказать, исключив их из церкви до тех пор, пока они не изменят своего поведения. Но некоторые христиане поняли это указание как абсолютный запрет, который можно было соблюдать лишь при полном отречении от мира. Но в таком городе как Коринф вообще было невозможно нормально жить без ежедневных деловых отношений с теми, образ жизни которых был окончательно заклеимен.

Но Павел ничему подобному не учил; он никогда не предлагал христианам полностью отгородиться от мира - по его убеждению, христианство подтверждается жизнью. "Бог, - сказал однажды Джону Уэсли опытный христианин, - не сторонник религии уединения". И Павел согласился бы с ним.

Интересно рассмотреть выбранные Павлом три типичных греха трех групп людей:

1) *Блудники*. Только христианство может дать силу людям жить непорочно. Основная причина половой аморальности заключается в ошибочности человеческих взглядов, рассматривающих людей как зверей. Согласно этому, увлечения и инстинкты, общие для людей и зверей, следует удовлетворять без всякого чувства стыда, а особа другого пола является лишь инструментом личного удовлетворения. Христианство же рассматривает человека как дитя Божие. Как Его создание, верующий живет в мире, но его взгляд всегда устремлен за его пределы. Поэтому он отказывается подчинить свою жизнь исключительно физическим потребностям и страстям, ибо он обладает и телом, и душой. Если бы люди рассматривали себя как дочерей и сыновей Божиих, аморальность, конечно, исчезла бы из их жизни.

2) *Лихоимцы и хищники*. И опять же, лишь христианство может освободить верующих от этих пороков. По чисто материальным нормам нет ничего предосудительного в стремлении к обогащению. Но дух христианской веры направлен за пределы материальной жизни, а не внутрь ее. Для христианина любовь - величайшая ценность жизни, а служба - величайшая честь. Если любовь Божия вселилась в сердце человека, он найдет радость не в том, чтобы брать, а чтобы давать.

3) *Идолослужители*. Это древнее суеверие аналогично современному. Редко когда-нибудь амулеты, талисманы, астрологи и гороскопы пользовались таким интересом, как в нынешнем веке. Причина этому в одном из основных законов жизни: человек обязательно должен быть к чему-то привязан, должен кому-то поклоняться. Если не истинному Богу он будет поклоняться, то непременно - божкам и идолам, ожидая от них счастья. Там, где вера слаба, усиливается суеверие.

Следует отметить, что эти три основных греха демонстрируют и те три основные пути, по которым идут грешники:

а) Блуд - грех против *самого себя*. Впадая в этот грех, человек унижает себя до уровня животного; он согрешил против горящего в нем света и против самого высокого идеала. Он позволил низшему в своей природе одержать верх над высшим, божественным, и опустился ниже человека.

б) Лихоимство и хищничество - грехи по отношению к *нашим соседям и нашим братьям*. Они рассматривают человека скорее как объект эксплуатации, нежели как собрата во Христе, которому нужно помочь. Алчный человек забывает, что единственным доказательством нашей любви к Богу является то, что мы любим ближнего своего, как самого себя.

в) Идолослужение - грех против Бога. При этом кумиры захватывают место Господа. Идолопоклонник отказывает Богу в первенстве.

Павел считает, что не нам судить тех, кто не принадлежит к Церкви. "Внешние", - иудейская фраза для характеристики всех тех, кто не принадлежит к избранному народу. Пусть их судит Бог, Который Один знает сердца людей. Но "внутренние", имеют определенные преимущества и несут ответственность. Они дали клятву Христу, поэтому их можно призвать к ответственности.

Посему Павел заключает отрывок приказом: "Итак, извергните развращенного из среды вас". Это цитата из *Втор.* 17,7 и 24,7. Назревает время, когда приходится удалять раковую опухоль хирургическим путем. Иногда же нужно принять решительные меры, дабы предотвратить вспышку инфекции. Нежелание причинить боль, либо продемонстрировать свою власть, стремление защитить детей Христовых от вечно угрожающей опасности греха привело Павла к этим мерам.

Глава 6

1-8

Глупость судебных разбирательств (1 Кор. 6,1-8)

Теперь Павел разбирает проблему, которая относится к эллинам. Иудеи обычно не ходили в публичный суд судиться; вопрос решался старейшинами деревни или старейшинами синагоги; в их понимании справедливость была скорее делом, требующим семейного разрешения, нежели судебного. В действительности, иудейский закон вообще запрещал иудеям обращаться с тяжбой в неиудейский суд; такой поступок рассматривался как богохульство и нарушение священного закона Божия. У эллинов же дело обстояло совершенно иначе: они были специфически привержены к судебным разбирательствам. Суды были для них одновременно и одним из основных развлечений.

Изучая детали афинского законодательства, мы видим, какую большую роль суды играли в жизни каждого афинского гражданина, а ситуация в Коринфе мало чем отличалась от Афин. В Афинах возникший спор сначала пытались разрешить в частном третейском суде - арбитраже. В этом случае каждая сторона выбирала по одному арбитру, а третьего выбирали по согласию обеих сторон. Он должен был быть беспристрастным судьей. Если арбитраж не мог решить спор, дело переходило в суд под названием сорок. Суд сорока передавал дело на рассмотрение общественного арбитража, а в качестве общественных арбитров выступали все афиняне в возрасте старше шестидесяти лет; любой из них, выбранный в качестве арбитра, был обязан выступать, нравилось ему это или нет, под страхом наказания - лишения избирательного права. Если же дело не могло быть решено и в этой инстанции, оно передавалось в суд присяжных, состоявший из двухсот одного человека и рассматривал споры и претензии на сумму, эквивалентную 50 фунтам стерлингов и менее. Суд же четырехсот одного человека рассматривал споры и претензии на сумму свыше 50 фунтов стерлингов. Конечно, бывали и другие присяжные суды с числом присяжных от одной тысячи до шести тысяч афинских граждан в возрасте от тридцати лет. Они получали плату за свою службу. Граждане Афин, имевшие право выступать в качестве присяжных, собирались утром, и жребий решал, кто будет сидеть в суде при слушании дела.

Очевидно, в греческих городах каждый гражданин был в той или иной степени юристом и проводил большую часть своего времени, сидя в суде в качестве слушателя, либо решая спор. Греки были известны своей страстью ходить по судам. Поэтому естественно, что некоторые греки ввели судебные разбирательства в церковь, чем явно шокировали Павла. Его иудейское прошлое и воспитание вызвали в нем бурный протест против такой практики, а его христианские принципы укрепили его в этом мнении. "Как, - спрашивал он, - смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых?"

Еще более поражало Павла во всем этом то, что в будущем Мессия будет судить народы, а святые примут участие в суде. В *Премудрости Соломона* 3,8 сказано: "Они будут судить племена и владычествовать над народами". В *Книге Еноха* 108,12 сказано: "Я вознесу тех, кто любил Мое Имя, облаченное ярким светом, и Я посажу каждого на его трон чести". Поэтому Павел спрашивает: "Если вы собираетесь когда-нибудь судить мир, если даже ангелы, высшие создания, будут подвержены вашему суду, как можете вы, во имя всего этого, отдавать ваши дела на суд людей, и притом язычников?"

Если уж вы должны делать это, - говорит он, - делайте это внутри церкви, а оставляйте суд людям, о которых вы невысокого мнения, потому что никто, кому предназначено судить мир, не возьмется за решение мелких будничных склок".

И вдруг Павел переходит к великому и чрезвычайно важному принципу. Вообще ходить в суд, а особенно судиться с братом во Христе, значит пасть намного ниже норм, установленных христианством. Задолго до этого Платон сказал, что благочестивый человек предпочтет страдать несправедливо, нежели поступать несправедливо. Если в сердце христианина обитает хотя бы тень Христа, то он скорее перенесет оскорбление, утрату и причиненный ему вред, нежели сделает попытку обернуть все это против другого. Тем более, если этот другой - его брат во Христе. Мсть - вообще не христианское дело. Деловые отношения христианина определяются не желанием получить вознаграждение. Он не прибегает к судебным нормам для достижения справедливости, а руководствуется духом любви, который напоминает ему, чтобы он жил в мире с братьями во Христе, и не позволит ему пасть столь низко, чтобы пойти с тяжбой в суд.

9-11

И такими были некоторые из вас (1 Кор. 6,9-11)

Павел приводит ужасный список грехов, представляющий собой мрачный комментарий к той распутной и развратной цивилизации, в которой выросла Коринфская церковь. О некоторых грехах вообще говорить неприятно, но нам необходимо рассмотреть их, чтобы увидеть, в каком окружении возникала и развивалась раннехристианская церковь, и чтобы убедиться в том, что человеческая природа не очень-то изменилась с тех пор.

Среди них *блудники и прелюбодеи*. Мы уже видели, что половая аморальность являлась нормой языческой жизни, а добродетель целомудрие и девственность были им почти неизвестны. Особенно непристойно слово *блудники*, означающее протитирующих мужчин. В развращенной атмосфере Коринфа, очевидно, было трудно быть христианином.

Были среди них *идолопоклонники*. Самым большим зданием Коринфа был храм Афродиты, богини любви, в котором идолослужение и аморальность процветали, шествуя рука об руку. Идолослужение представляет собой печальный пример того, что происходит, когда мы пытаемся упростить религию. Ведь идол первоначально не был богом, а лишь символом бога. Его функция состояла в том, чтобы упростить поклонение богу путем создания материального предмета, в который он воплощался. Но очень скоро люди стали поклоняться не богу, стоявшему за идилом, а самому идиолу. В этом заключается одна из постоянных опасностей, что люди начинают поклоняться символу, а не стоящей за ним реальности.

Там были *малакии*. Слово *малакос* означает мягкого, изнеженного, женоподобного человека, утратившего мужественность и живущего ради наслаждения тайными пороками. Можно сказать, что он погряз в роскоши и потерял всякую способность противиться пороку наслаждения. Одиссей и его моряки, прибыв на остров Цирцей, вышли на берег, где росли цветы лотоса. Человек, съевший такой цветок лотоса, забывал свой дом и своих любимых, и желал жить вечно там, где "был вечный полдень". У него больше не было тех здоровых радостей, которые человек получает "взбираясь на громоздящиеся друг на друга волны". *Малакия* - сластолюбец, стремящийся к жизни, где всегда полдень.

Там были *воры*, бич античного мира. Было очень просто обкрадывать дома, ибо они были плохо защищены. Воры и грабители чаще всего нападали на бани и на спортивные залы, где они крали одежду купающихся или занимающихся спортивными упражнениями. Часто также крали рабов, обладавших особыми ценными качествами. Законодательство показывает нам, насколько сложной была эта проблема. Смертью карались три вида краж: 1) Кражи, ценностью свыше 50 драхм; 2) кражи из бань и спортивных залов, ценностью в 10 драхм; 3) ночные кражи. Христиане жили среди этого воровского населения.

Там были *пьяницы*. Павел употребляет слово *мефос*, означающее безудержное пьянство. Ведь в древней Элладке даже маленькие дети пили вино. Завтрак у эллинов назывался *акратисма* и состоял из смоченного в вине хлеба. Широкое употребление вина было вызвано, кроме того, плохим водоснабжением. Но греки были трезвым народом, потому что их напиток состоял на три части из вина и на две части из воды. Но в богатом и роскошном Коринфе необузданное питье вина стало нормой.

Там были *хищники и грабители*. Оба эти слова интересны: для передачи понятия *хищники* Павел употребляет слово *плеонектес*, что означает по определению эллинов, "дух, постоянно стремящийся подчинять себе все больше и больше, хватающий и то, на что он не имеет права". Это агрессивное приобретательство. Это не дух скряжничества, ибо хищник стремится приобрести с тем, чтобы тратить так, чтобы жить в еще большей роскоши и удовольствии. Хищника вовсе не волнует, у кого он отнял, лишь бы приобрести. Слово *грабители* - *хапракс*, означает *захватывать*. Интересно отметить, что это слово употребляется по отношению к особому виду волков, а также к абордажным крюкам, посредством которых захватывали борта кораблей во время битвы. Это дух захватчика, применяющего зверскую жестокость. Самый противоестественный грех упомянут в завершении. Грех *мужеложства* пронизал Грецию, как раковую опухоль, а из Греции захватил и Рим. Нам трудно представить, сколь распространен был этот грех в античном мире. Даже такой великий человек как Сократ был гомосексуалистом. Известно, что диалог Платона (Симпозиум) одно из величайших в мире произведений о любви, посвящен не естественной, а противоестественной любви. Четырнадцать из первых пятнадцати римских императоров предавались этому пороку. Когда Павел писал это послание, в Риме правил император Нерон, который взял себе мальчика по имени Спор и кастрировал его, потом он женился на нем с соблюдением всей брачной церемонии, привез его в свадебной процессии в свой дворец и жил с ним как с женой. В своей безудержной порочности Нерон вышел замуж за другого мужчину по имени Пифагор, и называл его своим мужем. Когда император Нерон был устранен и на престол взшел Оттон, он первым делом взял Спора в свое владение. Позже имя императора Адриана связывали с юношей из Вифинии по имени Антиноус. Он жил с ним неразлучно. После его смерти император Адриан воздал ему божественные почести, украсил мир его статуями, и назвал его именем звезду. Так он увековечил этот грех. В этом пороке мир во времена раннехристианской церкви потерял всякое чувство стыда. Несомненно, этот порок был одной из важнейших причин вырождения и окончательного упадка этой цивилизации.

Приводя этот ужасный список естественных и противоестественных пороков, Павел торжествующе восклицает: "и такими были некоторые из вас". О христианстве можно судить по его силе. Христианство могло превратить в людей отбросы человечества. Оно могло сделать детьми Божьими людей, прежде потерявших всякое чувство стыда. В Коринфе, как и во всем мире, имелись люди - живые свидетели силы Христа. Власть Господня сильна, как и прежде. Никто не может сам изменить себя, лишь Христос в силах изменить его. Между языческой и христианской литературой того времени видно поразительнейшее отличие. Сенека, современник Павла, взывает, что люди жаждут "опустившейся руки, которая подняла бы их". "Люди, - пишет он, - в высшей степени сознают свою слабость и неспособность совладать с самыми насущными проблемами". "Люди любят свои пороки, - говорит он в отчаянии, - и одновременно ненавидят их". Он сам называл себя *хomo non голерабилис*, то

есть невыносимым человеком. И в этот мир, сознавший свой неизбежный упадок, который уже ничто не могло остановить, вошла сияющая сила христианской религии, обладавшая победоносной способностью обновлять все.

12-20

Куплены дорогою ценою (1 Кор. 6,12-20)

Павел приступает к решению целого ряда проблем, и заканчивает боевым кличем: "Прославляйте Бога и в телах ваших".

Эллины всегда несколько свысока относились к телу. У них была поговорка: "Тело - могила". Эпиктет говорил: "Моя бедная душа скована телом". Важной считалась душа, дух человека; тело же греки считали несущественным элементом. Из этого устанавливался один из двух взглядов: У одних он выражался как суровый аскетизм, который делал все для подавления и унижения всех физических желаний и инстинктов. Другие же - и в Коринфе господствовала эта вторая точка зрения, - сводили все к тому, что, если тело не представляет никакой ценности и важности, с ним можно делать все, что заблагорассудится, можно удовлетворять все его желания. Еще больше эту картину осложнила теория христианской свободы, которую проповедовал апостол Павел. Ведь если христианин самый свободный из всех людей, то разве он не может делать все, что ему угодно, особенно же со своим телом, не обладающим никакой ценностью?

Поэтому коринфяне рассуждали, как им казалось, очень умно и обоснованно: пусть тело живет по своему усмотрению. Но для чего же оно предназначено? Желудок предназначен для переваривания пищи, а пища - для желудка. Пища и желудок естественно и неизбежно предназначены друг для друга. Точно так же тело предназначено для удовлетворения инстинктов, то есть для свершения полового акта, а половой акт предназначен для тела. Так что пусть желания поступают, как им предназначено по их усмотрению.

Ответ Павла ясен: желудок и пища - вещи преходящие. Придет день, когда и чрево, и пища уйдут в небытие. Но тело человеческое, человек, личность, как целое, не уйдет в небытие. Человек создан для единства с Христом в этом мире и для еще более тесного единства в потустороннем. Что произойдет, если человек совершит грех блуда? Он отдаст свое тело блуднице, ибо в Писании сказано: "два будут одна плоть" (*Быт. 2,24*). Это значит, что тело, в действительности принадлежащее Христу, отдано кому-то другому.

Заметим, что Павел пишет не систематический труд, а проповедует, умоляет с горящим сердцем, используя каждый подходящий аргумент. Он говорит, что из всех грехов блуд - самый ужасный грех, поражающий человеческое тело и унижающий его. В сущности, пьянство может сделать то же самое. Но Павел пишет не контрольную работу по логике, а чтобы спасти души и тела коринфян. Поэтому он утверждает, что все иные грехи являются внешними по отношению к телу, а этим грехом человек грешит против своего собственного тела, предназначенного для соединения с Христом.

Потом Павел взывает: именно потому, что Дух Божий живет в нас, мы стали храмом Божиим, и поэтому само тело наше священно. Это тем более, потому что Христос умер не для того, чтобы спасти какую-то долю человека, а его всего, тело и душу. Христос умер, чтобы дать человеку искупленную душу и очищенное тело. Поэтому тело человека не принадлежит ему самому, и он не может делать с ним, что ему угодно; оно принадлежит Христу, и посему человеку нужно употреблять свое тело не для удовлетворения собственной похоти, а во славу Христа. В этом две важные мысли:

1) Павел настаивает на том, что, хотя христианин свободен делать все, он не позволит чему-то поработить себя. Суть христианской веры не столько в том, что она освобождает человека от греха, а что она дает ему свободу *не* грешить. Ведь так просто позволить привычкам завладеть нами, но христианская вера дает нам силу справляться с ними. Когда

человек действительно обратился, он перестает быть рабом тела, и становится его хозяином. Человек часто говорит: "Что хочу, то и сделаю", подразумевая, что он будет предаваться своим привычкам или страстям, овладевшим им. Лишь когда человек обретет силу Христа, он может сказать: "Я сделаю, что захочу", а не "я удовлетворю те желания, которые владеют мной".

2) Павел заявляет, что мы не принадлежим самим себе. В этом мире нет человека, который бы сотворил самого себя.

Христианин думает не о своих правах, а о своем долге. Он никогда не может делать то, что он хочет, потому что принадлежит не себе; он всегда будет делать то, что хочет Христос, потому что Христос купил его ценой Своей жизни.

Главы 7-15 к Коринфянам посвящены ряду проблем, о которых Павлу писала Коринфская церковь, спрашивая его совета. Этот раздел Павел начинает фразой: "О чем вы писали ко мне, то..." На современном языке это звучало бы так: "ссылаясь на ваше письмо..." Мы рассмотрим каждую проблему в отдельности, когда подойдем к ней. В главе 7 рассматриваются вопросы о *браке*. Вот краткий перечень вопросов, интересовавших Коринфскую церковь, на которые Павел ответил.

Стихи 1 и 2: совет тем, кто думал, что христиане вообще не должны вступать в брак. Стихи 3-7: совет тем, кто настаивает на том, что даже находящиеся в браке должны воздерживаться друг от друга. Стихи 8 и 9: совет неженатым и вдовам. Стихи 10 и 11: совет тем, кто считает, что состоящие в браке должны развестись. Стихи 12-17: совет тем, кто думает, что, если один из супругов христианин, а другой язычник, то этот брак следует расторгнуть. Стихи 18-24: советы ведения христианской жизни, независимо от того, в каком состоянии христианин находится. Стихи 25 и 36-38: советы относительно девственниц. Стихи 26-35: призыв к тому, чтобы ничто не мешало христианам сосредотачиваться в их служении Христу, потому что времени осталось мало, и Он вскоре вновь придет. Стихи 38-40: советы желающим сочетаться браком вновь.

Эту главу следует изучать основательно по двум причинам:

1) Павел писал в Коринф, бывший самым аморальным городом тогдашнего мира. Живя в таком окружении, лучше было придерживаться более строгих, нежели более свободных правил.

2) В каждом ответе, доминирует убеждение, что Второе пришествие Христа должно произойти в ближайшее время. Хотя это ожидание не сбылось, Павел был убежден в том, что он дает советы лишь временного характера. Если бы он знал, что он дает советы на длительное время, они, несомненно, звучали бы иначе. Давайте рассмотрим главу подробно.

Глава 7

1-2

Полнейший аскетизм (1 Кор. 7,1-2)

Мы уже видели, что в образе мышления эллинов доминировала тенденция презрительно относиться к телу и к его функциям. Такая тенденция могла привести к установке: "Тело человеческое не имеет никакого значения. Поэтому мы позволим ему делать все, что ему угодно". Но эта же самая тенденция могла привести к абсолютно противоположной установке: "Тело суть зло, поэтому мы должны подчинить или же полностью уничтожить его, а если это невозможно, мы должны отказаться от инстинктов и желаний, свойственных его природе". Здесь Павел рассматривает вторую установку. Коринфяне, или, по крайней мере, некоторые из них, предполагали, что человек, намеревающийся стать христианином в истинном смысле этого слова, должен отказаться от всех инстинктов и желаний плоти и от брака.

Ответ Павла весьма практичен. В сущности, он говорит: "Помните, где вы живете; помните, что вы живете в Коринфе, где даже не можете пройти по улице без того, чтобы соблазны не искушали вас со всех сторон. Помните также свою физическую природу и здравые в ней инстинкты. Лучше вступайте в брак, нежели вам впадать в грех".

Это звучит так, как будто Павел невысокого мнения о браке; будто он рекомендует христианам вступать в брак, чтобы избежать худшей судьбы. В действительности он изложил всеобщее правило: человек не должен пытаться вести такой образ жизни, к которому он неспособен по своей природе, он не должен ступать на тропу, на которой его, несомненно, будут окружать соблазны. Павел хорошо знал, что не все люди одинаковы: "Испытайте себя и выберите такой образ жизни, по которому вы лучше всего можете жить жизнью христианина, и не пытайтесь применять к себе неестественные нормы жизни, которые для вас невозможны и даже неправильны".

3-7

Брак - это союз (1 Кор. 7,3-7)

Вот ответ Павла на предложение, содержащееся в письме Коринфской церкви Павлу, что состоящие в браке люди, желающие быть истинными христианами, должны уклоняться друг от друга. Это еще одно выражение упомянутой выше точки зрения, согласно которой человеческое тело, его инстинкты и желания, в сущности, злы. Павел излагает здесь принцип чрезвычайной важности. Брак - союз двух людей. Муж не может поступать независимо от жены, как и жена не может поступать независимо от мужа. Они должны поступать по обоюдному согласию. Муж не должен рассматривать жену как средство для удовлетворения своих желаний. Весь комплекс брачных супружеских отношений, как физических, так и духовных, должен обоим доставлять и физическое наслаждение, и высшее удовлетворение всех их желаний. Во время особых епитимий, во время долгих и серьезных молений вполне уместно уклоняться друг от друга; но это следует делать по обоюдному согласию и лишь на время, иначе оно может привести к соблазнам и искушениям.

И опять складывается впечатление, будто Павел принижает значение брака. Он заявляет, что сказанное не идеальное указание, а лишь разумная уступка человеческой слабости. В идеале же он предпочел бы, чтобы все были такими, как он. Что под этим подразумевал Павел? Мы можем лишь предполагать.

Мы можем предполагать, что одно время Павел был женатым. 1) Наше предположение основывается на общих соображениях. Павел был когда-то раввином и утверждал, что он выполнял все требования и обязательства, налагаемые иудейским законом и иудейскими традициями. А ортодоксальная иудейская вера налагала обязательство вступить в брак. О человеке, который не женился и не имел детей говорили, что он "убил свое потомство" - "принизил образ Бога в мире". Рай был закрыт для грешников, совершивших один из семи грехов, и список этот начинался так: "Иудей, у которого нет жены, или есть жена, но нет детей". Бог сказал: "плодитесь и размножайтесь". И поэтому не жениться и не иметь детей - значило нарушить одну из заповедей Бога. Надлежащим возрастом для вступления в брак считались восемнадцать лет, и поэтому в высшей степени вероятно, что верующий и ортодоксальный иудей, каким когда-то был Павел, был женат. 2) Есть и другие основания полагать, что Павел был когда-то женат. Он, должно быть, был членом синагог, так как он говорит, что отдавал свой голос против христиан (*Деян.* 26,10). Существовало правило, что членами синагог должны были быть женатые мужчины, так как считалось, что женатые более сострадательны.

Возможно, что жена Павла умерла, но еще вероятней, что она покинула его, когда он стал христианином, так что он действительно буквально отдал все ради Христа. Как бы то ни было, брак и жена не упомянуты в его жизни, и он не женился вновь. Женатый человек никогда не смог бы вести жизнь пилигрима, которой жил Павел. Его желание, чтобы все

другие были бы такими же, как он, основывалось на том, что он ожидал в скорейшее время Второго пришествия Христа. Времени, по его мнению, оставалось настолько мало, что нужно исключить из жизни все мирское и физическое. Павел вовсе не относится пренебрежительно к браку, но вместе с тем он скорее настаивает на том, чтобы люди сосредоточили свое внимание и свои помыслы на приготовление к Пришествию Христа.

8-16

Связь, которую не должно разрывать (1 Кор. 7,8-16)

Здесь Павел затрагивает три различные группы людей:

1) неженатых и вдовых. Павел считал, что в данных обстоятельствах, когда, по его мнению, близок конец света, этим людям лучше не связывать себя узами брака; но он опять же предостерегает их не подвергать себя опасным соблазнам. Если они по природе своей чувственные, лучше им вступать в брак. Он всегда сознавал, что никто не может установить для всех одни и те же правила жизни. Многое зависит от самого человека.

2) женатых. Павел запрещает разводы, заявляя, что Иисус запретил их (*Мар. 10,9; Лук. 16,18*). Если же кто все-таки разведется, ему запрещено вторично вступать в брак. Эта установка может показаться жесткой, но в Коринфе, с характерной для него распушенностью, было разумнее установить такие высокие требования, чтобы эта распушенность не проникла в церковь.

3) брак христиан с язычниками. В этом вопросе Павел не может опираться на специальную заповедь Христову, и поэтому он должен решить его сам. Предполагают, что этот вопрос возник, потому что в Коринфской церкви были люди, считавшие, что христианин не может жить с язычником, и что - если один из супругов принимает крещение и христианство, а другой остается язычником, - они должны быть немедленно разведены.

И действительно, одна из самых частых жалоб язычников по отношению к христианству заключалась именно в том, что христианство разрушает семьи и оказывает разрушительное воздействие на общество. "Разложение домашних отношений", - вот одно из первых обвинений в адрес христиан (*1 Петр. 4,15*).

Иногда христиане действительно устанавливали очень высокие стандарты. "Кто твои родители?" - спросил судья Лукиана Антиохийского. "Я христианин", - ответил Лукиан, - "а единственными родственниками христианина являются святые".

Смешанные браки, несомненно, вызывали различные трудности. Тертуллиан написал о них книгу, в которой описал язычника-мужа, сердитого на свою жену, потому что "ради посещения братьев она ходила по городу, от улицы к улице, посещая дома других мужчин, в особенности бедных... Он не желает позволять ей пропадать целыми ночами на ночных собраниях и пасхальных празднествах... и не потерпит, чтобы она пробиралась украдкой в тюрьму, чтобы поцеловать оковы мученика или даже чтобы обменяться поцелуем с одним из братьев". (В эпоху раннего христианства христиане приветствовали друг друга святым целованием.) И действительно, не трудно посочувствовать мужу-язычнику.

Эту проблему Павел решает в духе практической мудрости. Он знал эти трудности и не хотел усугублять положение. Поэтому он заявляет, что, если оба супруга могут вести совместную супружескую жизнь, то следует всеми средствами содействовать их желанию, но если же они решили расстаться и находят совместную жизнь невыносимой, то пусть они разводятся, потому что христианин никогда не должен быть рабом.

Павел излагает два соображения, имеющие непреходящую ценность и сегодня.

1) Он выражает благословенную мысль, что неверующий супруг освящается верующим супругом. Ведь они оба стали одна плоть, и чудо в том, что в этом случае победу одерживает не порок язычества, а милосердие христианства. Христианство облагораживает все, что

приходит в соприкосновение с ним; а ребенок, родившийся в доме христианина, даже если только один из супругов христианин, рождается в семье Христа. В брачном союзе язычника и христианина имеет значение не то, что верующий вступает в среду господства греха, а, что неверующий язычник соприкасается с ореолом милосердия.

2) Он лелеет еще одну столь же благословенную мысль, что такой союз может послужить путем ко спасению неверующего супруга. Для Павла проповедование Евангелия начинается в семье. На неверующего язычника не надо смотреть как на нечистого, которого следует избегать, а как на другого сына или дочь, которых нужно привести ко Христу. Павел знал ту святую правду, что часто любовь к человеку приводит на путь любви к Богу.

17-24

Служить Богу там, где он призвал нас (1 Кор. 7,17-24)

Павел излагает одно из первых правил христианства: "Будь христианином там, где находишься". По-видимому, часто бывало так, что человек, ставший христианином, желал бросить свою работу, уйти из своего социального окружения, начать новую жизнь. Но Павел настаивает: задача состоит не в том, чтобы дать человеку новую жизнь, а в том, чтобы изменить его прежнюю жизнь, сделать ее иной. Пусть иудей остается иудеем, язычник язычником; расовая принадлежность и ее признаки не имеют никакого значения. Значение имеет образ жизни человека. Когда-то давно киники утверждали, что человек не может быть рабом по природе, хотя он и может быть рабом по социальному положению, лживый же человек никогда не может быть действительно свободным человеком, а всегда остается рабом. Павел напоминает им, что независимо от того, являются ли они рабами или свободными людьми, они рабы Христовы, потому что Христос дорого заплатил за них.

В воображении Павла рисуется картина. В античном мире раб мог, ценой больших усилий, откупиться от рабства и стать свободным. В то незначительное свободное время, которым он располагал, он брался за любую работу и зарабатывал несколько медяков. Его хозяин имел право требовать свою долю даже из этих скудных заработков. Но раб откладывал каждый заработанный им грош в храме какого-нибудь бога. И вот, может быть, через много лет, собрав наличными полную покупную стоимость в храме, он приводил туда своего хозяина, жрец выдавал хозяину эти деньги, и после этого раб символически становился собственностью бога, и поэтому свободным от зависимости хозяина. Вот об этом Павел и думает. Христианин был куплен Христом; и поэтому не имеет никакого значения, каково его действительное положение, он свободен от всех людей, потому что он принадлежит Христу.

Павел настаивает на том, что христианство не выбивает человека из жизненной колеи и не вызывает в нем постоянное недовольство действительностью. Оно наставляет человека, где бы он ни находился, вести себя как раб Христа. Даже самую незначительную работу человек теперь делает не для людей, а для Христа.

25

Мудрый совет по трудному вопросу (1 Кор. 7,25.36-38)

Стихи 25-38, хотя они и образуют один абзац, распадаются на две части, которые проще рассмотреть отдельно.

Стихи 25 и 36-38 рассматривают проблемы в связи с девственностью дочерей, а в стоящих между ними стихах 26-35 обосновывается совет, изложенный во всей главе. Но отрывок, касающийся девственниц, всегда представлял собой проблему. Было дано три различных толкования этого отрывка:

1) его рассматривали просто как совет отцам в вопросе брака их незамужних дочерей. Трудно понять, почему Павел в оригинале употребляет слово *девственница*, если он имеет в виду дочь, и почему предлагает отцу говорить "о своей девственнице", когда он имеет в виду свою дочь.

2) считали также, что в нем рассматривается проблема, ставшая очень острой позже, и которую безуспешно пытался рассмотреть не один Церковный собор. Конечно, позже стало нормой, что мужчина и женщина жили вместе, в одном доме, деля друг с другом даже постель, хотя между ними не было никаких физических отношений. Идея заключалась в том, что, если они могут настолько владеть собой и так сблизиться духовно и разделять друг с другом эту духовную жизнь, совершенно исключив из этих отношений все телесное, то это считалось в высшей степени похвальным. Мы можем понять заключающуюся в этом идею: очистить человеческие отношения от всех страстей, но мы также понимаем, насколько опасно была такая практика, и к каким безысходным положениям она могла приводить. Женщина, поддерживавшая такие отношения с мужчиной, называлась его девственницей. Возможно, что этот обычай практиковался и в церкви в Коринфе. Если это действительно было так, и мы предполагаем, что так оно и было, то Павел говорит в этих стихах следующее: "Если вы можете выдержать это трудное положение, если у вас достаточно самодисциплины и самоконтроля для того, чтобы поддерживать его и дальше, то лучше так и делать; но если вы попытались сделать это и нашли, что эта практика является чрезмерным напряжением для человеческой природы, то оставьте эту практику и женитесь. Такой поступок не будет поставлен вам в упрек".

3) Хотя мы и думаем, что приведенное выше толкование этого отрывка верно, существует и несколько иное толкование, которое мы должны упомянуть. Предполагают, что в Коринфе были и такие мужчины и женщины, которые прошли через церемонию бракосочетания, но не воплотили его в жизнь и решили жить в абсолютном воздержании, чтобы посвятить себя всецело духовной жизни. Возможно, что, сделав такой шаг, они осознали впоследствии, что задуманное ими налагает на них слишком большое напряжение. В этом случае Павел сказал бы: "Если вы можете сдержать ваш обет, вы поступите в высшей степени хорошо; но если вы не можете, открыто признайтесь в этом и вступите в нормальные отношения друг с другом".

Нам такие отношения кажутся опасными, неестественными и даже вредными; в действительности они и были такими, и в свое время церковь вынуждена была отвергнуть такие отношения. Но в данной ситуации совет Павла был мудрым. Павел, в сущности, говорит о трех принципах:

1) Самодисциплина - отличная вещь. Любой путь, следуя которым человек обузывает себя и достигает полного контроля над своими страстями, отличный путь; но искоренение естественных инстинктов не является составной частью христианского вероучения: скорее, напротив, христиане должны ими прославлять Бога.

2) Фактически, Павел говорит: "Не делайте из своей религии нечто противоестественное". В конечном счете, именно это и делают монахи, отшельники, пустыnnики и монахини. Они считают необходимым изгнать нормальные человеческие инстинкты и чувства, чтобы быть воистину религиозными, они даже считают необходимым обособляться от нормальной жизни мужчин и женщин ради служения Богу. Но христианство никогда не предполагало упразднить нормальную человеческую жизнь, оно имеет своей целью окружить ее прославлением Творца.

3) В заключение Павел говорит: "Не делайте свою религию страданием". Нокс рассказывает, как в юности он находил, что религия оказывает на человека давление и напряжение, и как однажды к нему подошел всеми любимый священник и сказал: "Слушай, молодой Нокс, не делай из религии мучение". О Роберте Бернсе говорили, что его вера скорее "преследовала его, нежели помогала ему". Человек не должен стыдиться тела, данного ему Богом, сердца, вложенного ему Богом, и инстинктов, живущих в нем. Христианство учит человека не искоренять их жизни, а пользоваться ими так, чтобы страсти были чистыми, а человеческая любовь - самым благородным творением Божиим.

Время уже коротко (1 Кор. 7,26-35)

Очень жаль, что Павел не начал главу этим отрывком, потому что в нем он излагает суть своей позиции. На протяжении всей главы у нас росло впечатление, что Павел несколько принижает брак. Вновь и вновь у нас складывалось мнение, что Павел допускает брак лишь как уступку, дабы избежать блуда и прелюбодеяния, как бы считая брак меньшим злом.

Мы видели, что иудеи прославляли брак и считали его своим святым долгом. По иудейской традиции могла быть только одна важная причина не вступать в брак: изучение закона. Раввин бен Азай спрашивал: "Зачем мне жениться? Я влюблен в закон. Пусть другие заботятся о продолжении расы". В греческом мире Эпиктет, философ-стоик, не женился. Он говорил, что он делает намного больше для мира как учитель, нежели бы он сам произвел на свет одного-двух "курносых отпрысков" и продолжает: "Кто может ожидать от человека, задача которого состоит в том, чтобы учить человечество, чтобы он бежал за каким-то сосудом для подогрева воды купать своего ребенка?" Но эту точку зрения не разделяли ни иудеи, ни христиане.

Да и Павел, в конечном счете, не был такого мнения. Спустя несколько лет в Послании к Ефессянам он изложил другую точку зрения; там он использует отношения между мужем и женой как символическую иллюстрацию отношений между Христом и Церковью (Еф. 5,22-26). Во время написания Послания к Коринфянам на взгляды Павла оказал существенное влияние тот факт, что он в любой момент ждал Второго пришествия Христа. Поэтому он излагает здесь нормы поведения в эпоху кризиса. "Проходит образ мира сего". Он верил в столь скорое пришествие Христа, что, по его мнению, следовало все отложить, чтобы в грандиозном усилии подготовиться к нему. Следует отказаться от важнейшей деятельности или от самых дорогих человеческих отношений, если они угрожают нарушить или ослабить эту концентрацию усилий. Человека не должны связывать никакие узы в момент, когда Христос прикажет ему встать и идти. Он должен думать лишь о том, как угодить Христу. Если бы Павел мог подумать, что он и его новообращенные живут в длительной стабильности, он бы не написал бы такого. Во время написания Послания к Ефессянам Павел осознал стабильность жизни человечества и рассматривал брак как самое драгоценное в человеческой жизни, как единственное, что могло хотя бы отдаленно сравниться с отношениями между Христом и Церковью. Полезно помнить, что дом наш имеет две важные функции: он является местом самой благородной возможности вести христианский образ жизни. Как жаль, что в нем мы часто недовольны, критиканствуем и грубим, и обращаемся с любящими нас людьми так, как бы мы никогда не посмели обращаться с незнакомым человеком. Дом также место, дающее нам силы и спокойствие жить как можно ближе к этому миру.

В этой главе Павел рассматривает брак и супружество как наименьшее из двух зол, потому что он верил в то, что для жизни остались считанные дни. Но пришел тот день, когда он увидел в браке самые лучшие человеческие отношения в мире.

36-38

Комментарий к 1 Кор. 7,36-38 смотрите в разделе 1 Кор. 7,25.

39-40

Второй брак (1 Кор. 7,39.40)

Павел вновь занимает последовательную позицию. Брак обязывает к отношениям, которые может разорвать только смерть. Повторный брак вполне допустим, но он предпочел бы, чтобы вдова осталась вдовой. Мы уже знаем, что Павел говорил это для эпохи кризиса, в ожидании скорейшего Второго пришествия Христа, в которой, по его мнению, жили люди в то время.

Второй брак с различных точек зрения представляет собой замену оставшегося в живых

супруга умершему. Это показывает, что без умершего супруга или супруги жизнь супруга или супруги стала настолько одинокой, что ее нельзя было бы более поддерживать. Это значит, что брак был настолько счастлив, что в него можно без колебаний вступить вновь. Поэтому, вместо того, чтобы представлять собой акт неуважения к умершему, второй брак может быть знаком чести для умершего супруга.

Павел устанавливает одно условие: "только в Господе". То есть, это должен быть брак между христианами. Смешанные браки редко бывают удачными. Очень давно Плутарх сказал, что "брак не может быть счастливым, если супруги не исповедуют одну религию". Высшая любовь приходит тогда, когда супружеская чета любит друг друга и их любовь освящена общей любовью к Христу. Ибо тогда они не только живут вместе, но и молятся вместе. Их жизнь и любовь соединяются и становятся непрерывным действием поклонения Богу.

Глава 8

1-13

Главы 8, 9 и 10 посвящены проблеме, которая может показаться не очень важной, но она имела огромное значение для Коринфа и требовала разрешения. Можно или нельзя есть мясо, принесенное в жертву идолам? Прежде чем приступим к подробному изучению этих глав, уместно изложить проблему и в общих штрихах обрисовать предлагаемые Павлом решения в тех случаях, в которых они вторгались в жизнь коринфян.

Приношение жертв богам было неотъемлемой частью жизни античного мира. Эти жертвоприношения были двух видов: частные и публичные. В обоих случаях на алтарь всесожжения приносилось не все животное, а, чисто символически, лишь небольшая часть, не более, чем срезанные со лба волосы.

При *частных* жертвоприношениях животное, так сказать, делили на три части. Первая, символическая часть, сжигалась на алтаре. Вторую - ребра, бедро и левую часть головы получали, как законную долю, жрецы. Третью часть мяса получал сам молящийся. Этим мясом он справлял пир. Особенно часто это делали в день свадьбы. Иногда пиры проводились в доме хозяина, а иногда они даже проводились в храме бога, которому была принесена жертва. В нашем распоряжении, например, есть написанное на папирусе приглашение к обеду, которое гласит: "Антоний, сын Птолемея, приглашает вас отобедать с ним у стола нашего Господа Сераписа". Серапис - бог, которому он принес жертву.

Коринфянина занимал вопрос: "Может ли он принимать участие в таких пирах? Может ли он вообще взять в рот мясо, принесенное в жертву идолу?" Если нет, то он почти полностью закрывал себе доступ на все общественные праздники.

Во время *общественных* жертвоприношений, то есть, в жертвоприношениях, устраиваемых государством, а такие жертвоприношения были обычным явлением, после сожжения символической части мяса, и после того, как жрецы получили свою долю, остатки мяса доставались городским чиновникам и другим гражданам. Остатки же они продавали лавкам и на рынке. Поэтому, даже если мясо куплено на рынке, оно могло быть мясом, принесенным в жертву идолу.

Вера в демонов и бесов еще более осложняла всю проблему в ту эпоху. Воздух был наполнен ими, и они постоянно пытались вселиться в человека. Если им это удавалось, они вредили телу и расстраивали его ум. Одним из специфических способов, которыми духи и демоны проникали в человека, была пища. Они садились на пищу и таким образом попадали во внутрь. Одним из способов избежать этой напасти было посвятить эту пищу какому-нибудь хорошему богу, который препятствовал бы злему духу. По этой причине почти все животные перед забоем посвящали какому-нибудь богу. Если это не было сделано, мясо благословляли именем бога, прежде чем его съесть.

Это означало, что едва ли можно было купить или съесть мясо, которое так или иначе не было бы связано с именем того или иного языческого бога. Мог ли христианин есть его? Для нас эта проблема представляет лишь исторический интерес, но для христиан Коринфа или любого древнегреческого города, эта проблема в значительной степени определяла всю жизнь и требовала решения.

Ответ Павла распадается на несколько частей:

1) Христианину не следует делать ничего такого, что может оскорбить собрата, сознание которого еще не пробуждено, который сам еще не столь силен в своей вере, - заявляет Павел в главе 8. Это верно даже в том случае, если освященный христианин чувствует себя в безопасности от заразы языческих идолов или считает, что идол всего лишь символ чего-то несуществующего.

2) В главе 9 Павел обращается к сторонникам принципа христианской свободы, указывая при этом, что он сам хорошо знает этот принцип, но ради церкви сознательно воздерживается от многого. Он знает принцип христианской свободы, но, в то же время, и принцип христианского долга.

3) В главе 10, стихи 1-13 он обращается к тем, кто заявляет, что их христианская принадлежность и привилегированное положение надежно защищают их от заразы. Он приводит в пример народ Израиля, имевшего все привилегии Избранного Богом народа и впавшего в грех.

4) В главе 10, стихи 14-22 он заявляет, что человек, сидевший за столом Господа, не может сидеть за столом языческого бога, даже если этого бога и нет. И в самом деле, ведь нечто греховное заключается уже в том, чтобы в уста, вкушавшие прежде трапезу Господню, положить мясо, пожертвованное какому-то ложному богу.

5) В главе 10,23-26 он предупреждает против чрезмерной суетливости и избыточной придирчивости. Человек может покупать в лавках и на рынке без вопросов то, что там продается.

6) В главе 10,27.28 он советует, как вести себя в чужом доме. В нем христианин может есть все, что перед ним поставят, не задавая вопросов; но, если ему умышленно скажут, что мясо идолопожертвенное, то он должен отказаться есть его, так как это противоречит его христианскому принципу.

7) Наконец, в главах 10,29-33 и главе 11,1 Павел излагает принцип, что поведение христиан должно быть настолько безукоризненным, чтобы как-то не оскорблять ни иудеев, ни неиудеев. Лучше пожертвовать каким-либо правом, нежели, воспользовавшись им, причинить кому-либо оскорбление.

А теперь мы можем рассмотреть эти главы подробно.

Совет мудрым (1 Кор. 8)

Мы видели, как трудно было в греческом городе избежать проблем, если кто-то отказывался принимать идоложертвенные яства. Лишь для немногих коринфян это не составляло проблемы. Они считали, что их высшее знание говорит им определенно, что языческие боги попросту не существуют, и, поэтому, христианин может без угрызений совести есть мясо, принесенное в жертву идолам. В сущности, на это у Павла два ответа. Один приведен в 10,20, где Павел говорит, что, хотя он полностью согласен с точкой зрения, что языческие боги не существуют, он уверен в том, что эти духи и бесы существуют и стоят за идолами, пытаясь отвратить людей от веры в истинного Бога.

В данном же отрывке он использует более простой аргумент. Он напоминает, что в Коринфе живут люди, которые всю жизнь верили в языческих богов, и верят в них еще и в настоящее время; и эти люди, простые души, не могут полностью освободиться от

предрассудков, что идол действительно нечто реальное, хотя и ложная реальность. Когда же они едят мясо, пожертвованное идолам, они испытывают угрызения совести. Они не могут избавиться от этого, инстинктивно чувствуя, что это нехорошо. Поэтому заявления о том, что нет ничего предосудительного в употреблении мяса, пожертвованного идолам, оскорбляют и сбивают с толку сознание этих простых душ. Наконец, Павел заявляет: если ничто не причиняет вам никакого вреда, но оно оскорбительно или вводит в соблазн кого-то, то его вовсе не следует оставить, ибо христианин никогда не должен делать ничего такого, что может явиться камнем преткновения для своего брата.

В этом отрывке, посвященном, казалось бы, столь далекому для нас вопросу, Павел высказывает три важных принципа, истинность которых непреходяща:

1) Одно и то же может быть безопасным для одного человека, и очень опасным для другого. Говорят, и это святая истина, что у Бога есть свой тайный ключик к сердцу каждого человека. Но верно и то, что и у дьявола также есть свой особый ключик к нему. У нас может быть достаточно сил устоять перед некоторыми соблазнами, но у другого - нет. Одно дело может не представлять никакого соблазна для нас, но явиться непреодолимым искушением для другого. Поэтому, прежде чем решить что делать, надо подумать не только о том, как это отразится на нас, но также и о том, как оно повлияет на ближнего.

2) Ничто не следует судить только с точки зрения знаний. Следует судить также с позиции любви. Более либеральные коринфяне утверждали, что они достаточно просвещены, чтобы не считаться с идолами. Они, собственно, ушли далеко от таких предрассудков. Знание делает человека надменным и придает ему чувство превосходства. Он смотрит свысока на менее образованных людей. Но такое знание, не есть истинное знание. Уже само сознание умственного превосходства опасно. Наше поведение должно определяться не чувством нашего превосходства в знаниях, но чувством любви к людям. И, может статься, что, ради блага брата нашего во Христе, нам придется отказаться от каких-либо действий или слов.

3) Отсюда вытекает очень важная истина. Никто не должен предаваться удовольствию или требовать для себя свободы, если это может соблазнять другого. Силой своего духа он, возможно, в состоянии справиться с желанием. Христианин должен думать не только о себе, а и о более слабом собрате. Удовлетворение своих желаний, которые могут привести к гибели другого человека, является не наслаждением, а грехом.

Глава 9

1-14

Непредъявленные права (1 Кор. 9,1-14)

На первый взгляд может показаться, что эта глава совершенно не связана с тем, что написано раньше, но, в действительности, это не так. Вся проблема состояла в том, что коринфяне, считавшие себя зрелыми христианами, утверждали, что они могут есть мясо, пожертвованное идолам. Они считали, что христианская свобода разрешает делать то, что непозволительно меньшим братьям. На это Павел отвечает перечислением привилегий, которыми он мог бы воспользоваться, но не воспользовался, дабы они не стали камнем преткновения для других и преградою благовествованию Христову.

Во-первых, Павел предъявляет свои права на апостольство, что сразу же ставит его в особое положение. Для доказательства своего апостольства он приводит два аргумента:

1) *Он видел Господа, Иисуса Христа.* Книга Деяния святых Апостолов неоднократно показывает, что высшее доказательство апостола заключается в том, что он является свидетелем воскресения Христова (Деян. 1,22; 2,32; 3,15; 4,33). Это факт чрезвычайной важности. Вера в Новом Завете - не просто согласие с вероучением, но почти всегда вера в человека, персонифицированная вера. Павел не говорит: "Я знаю, во что я поверил", а "Я

знаю, Кому я поверил" (2 Тим. 1,12). Когда Иисус призвал своих учеников, он не говорил: "Я создал философскую систему; изучайте ее", или: "Я составил этическую систему, которую предлагаю вам рассмотреть", либо же: "Я предлагаю вам обсудить мое кредо веры". Он говорит: "Идите за Мною". Все христианство начинается с этих личных отношений к Иисусу Христу. Быть христианином означает знать Его лично. Как это однажды сказал Карлейль при выборах нового священника: "Церкви нужен человек, знающий Христа не из чужих рук".

2) Павел утверждает, что *его благовествование было плодотворным*. Коринфяне сами служат тому доказательством. Он называет их своей *печатью*. Когда отправляли грузы с зерном, финиками или чем-то другим, то накладывали печать на сосуды, дабы засвидетельствовать, что в них действительно находится то, что было сказано. Когда составлялось завещание, его заверяли семью печатями. Оно не имело юридической силы, если по предъявлении на нем не было семи неповрежденных печатей. Печать являлась гарантией подлинности. Сам факт существования Коринфской церкви являлся гарантией апостольства Павла. Решающим доказательством, что человек знает Христа, является его дар Божий приводить к Нему других. Говорят, что однажды молодой солдат, лежавший в госпитале, сказал Флоренс Найтингейл, наклонившейся над ним: "Вы для меня Христос". Лучшей иллюстрацией христианства человека является его помощь другим людям быть христианами.

Павел мог бы претендовать на поддержку от церкви. Эту привилегию он мог бы ожидать не только для себя, но и для жены. Другие апостолы получали ее. Эллина презирали физический труд: ни один свободный эллин не стал бы добровольно работать. Аристотель заявлял, что люди делятся на два класса: на образованных и на дровосеков-водоносов, существующих лишь для выполнения поручений и услужения другим. Он утверждал что, желание образовывать последних не просто ошибочно, но и вредно. Враги Сократа и Платона, в буквальном смысле слова, преследовали их лишь за то, что они не брали денег за обучение, утверждая, что за их обучение действительно не стоит платить денег. Правда, каждый иудейский раввин должен был учить своих учеников бесплатно, а для своего пропитания иметь какое-либо ремесло. Но эти же раввины всячески старались внушать людям, что нет более добродетельного деяния, нежели обеспечить его средствами к существованию. Лучший способ обеспечить себе удобное место в раю - обеспечить все потребности раввина, утверждали они. Павел имел все основания получать материальную поддержку от церкви.

Он проводит при этом чисто человеческие аналогии. Ни один воин не служит на своем собственном содержании. Почему же это должен делать Христов воин? Насадивший виноградник берет долю его плодов. Почему же человек, насадивший церкви, не может делать то же? Пастух питается от стада. Почему же христианский пастырь не может делать то же самое? Ведь даже в Писании сказано, "Не заграждай рта волу, когда он молотит", то есть ему следует дать поесть зерна. (Втор. 25,4). Павел проводит аналогию и переносит ее на христианского учителя.

Жрец, служащий при храме, получает свою долю жертвы. В греческом жертвоприношении, как мы видим, получает жрец ребра, бедро и левую часть головы. Интересно знать, что получали жрецы во времена Ветхого Завета в Иерусалимском Храме.

Приносились пять основных видов жертв: 1) *Жертва всесожжения*. Лишь эта жертва сжигалась полностью, за исключением желудка, внутренностей и сухожилия бедра (ср. Быт. 32,32). Но даже в этом случае жрецы получали кожу и продавали ее. 2) *Жертва за грех*. В этом случае сжигались только сальники, а оставшееся мясо получали жрецы. 3) *Жертва повинности*. И здесь на алтаре сжигались только сальники, а остальное получали жрецы. 4) *Жертва хлебная*. Она состояла из муки, вина и растительного масла. На алтаре приносилась в жертву лишь малая часть, а большая часть предназначалась для священников. 5) *Жертва мирная*. На алтаре сжигались сальники и внутренности. Жрецы получали грудь и правое бедро, а остальное возвращали жертвовавшему.

Существовали и иные подношения: 1) Священники получали *начатки плодов семи сортов* - пшеницы, ячменя, виноградной лозы, фигового дерева, гранатного дерева, оливкового дерева и меда. 2) *Терумах* - жертва лучших фруктов всякого растения. Священникам в среднем причитались 1/50 любого урожая. 3) *Десятина*. Господу следовала "всякая десятина на земле из семени земли и из плодов дерева" (Лев. 27,30). Эта десятая часть отдавалась Левитам, и священники получали десятую часть того, что получали Левиты. 4) *Шалах* - это было жертвование замешанного теста. Если кто-то замешивал тесто из пшеницы, ячменя, ржи, полбы или овса, он должен был отдать 1/24 долю, а общественному пекарю 1/48 часть.

Вот на этом фоне нужно рассматривать отказ Павла принять от церкви даже необходимое для жизни. Отказался же Павел по двум причинам: 1) Священники вошли в поговорку. В то время как простая иудейская семья ела мясо раз в неделю, священники страдали профессиональной болезнью, вызванной употреблением в пищу слишком большого количества мяса. Их привилегии, роскошь их жизни, их прожорливость пользовались дурной славой; Павел все это знал. Он знал, как часто они использовали религию как средство наживы, и поэтому он решил не брать ничего. 2) Второй причиной этому была его крайняя независимость. Может быть, он зашел слишком далеко в этом, потому что складывается впечатление, что коринфяне были оскорблены его отказом от всякой помощи. Но Павел был одной из тех независимых душ, которые предпочтут умереть с голоду, нежели быть обязанным кому-либо.

В конечном счете, его поведение определялось одним. Он не стал бы делать то, что могло дискредитировать благовествование Христово, либо поставить ему преграды. Люди судят о благовествовании по жизни и характеру человека, принесшего его. Павел решил, что его руки должны быть чистыми. Он не допустил бы ничего в своей жизни, что противоречило благовествованию, идущему с его губ. Однажды одному священнику сказали: "Я не слышу, что вы говорите, когда я слышу, кто вы есть". Павлу никто никогда не мог сказать чего-нибудь подобного.

15-23

Привилегии и обязанности (1 Кор. 9,15-23)

Вот краткое изложение всей системы проповедования, которой придерживался Павел.

1) Он рассматривает возложенную на него задачу проповедования Евангелия как *привилегию*. И он решил не брать деньги за труд для Христа. Один известный американский профессор, уходя на пенсию, произнес речь, в которой поблагодарил университет за то, что ему все эти годы платили жалованье за работу, за выполнение которой он был бы рад платить сам. Но это не значит, что человек всегда должен работать без вознаграждения; определенные обязательства невозможно выполнять, не получая за них вознаграждения. Но это не значит, что он должен работать в первую очередь лишь ради денег. Надобно рассматривать свою работу не как источник обогащения, а как возможность служения людям. Нужно помнить, что главной обязанностью является не самоудовлетворение, а служба ради Христа, которую Павел рассматривает как привилегию.

2) Павел рассматривал свое проповедование как *обязанность*. Он считал, что, если бы он сам решил стать проповедником Евангелия, он мог бы законно требовать платы за свою работу. Но не он выбрал себе работу, а работа выбрала его; он также не может прекратить ее, как он не может прекратить дышать, и, поэтому, о плате не могло быть и речи.

Рамон Лулл, великий испанский святой и мистик, рассказывает, как он стал миссионером. Он жил беспечной жизнью, полной удовольствий и наслаждений. И вот однажды, когда он был в одиночестве, пришел Христос, неся свой крест, и попросил его: "Понеси его за Меня". Но он отказался. И в другой раз, когда он находился в большом тихом соборе, пришел Христос и попросил понести его крест, но он снова отказался. В минуту одиночества Христос пришел в третий раз; и на этот раз, говорит Рамон Лулл: "Он взял свой крест и,

посмотрев на меня, положил его в мои руки. Что мне оставалось делать, кроме как взять его и, нести дальше?" Павел сказал бы: "Разве я мог делать что-нибудь иное, кроме проповеди благовествования Христова?"

3) Несмотря на отречение от платы, Павел знал, что каждый день получает *большую награду*. Он радовался тому, что нес безвозмездно Евангелие людям, которые примут его. И вечна та истина, что настоящей наградой за выполненную обязанность является не денежное вознаграждение, а удовлетворение от хорошо выполненной работы. Вот почему главное в жизни не высокооплачиваемая работа, а такая, которая даст наибольшее удовлетворение.

Альберт Швейцер описывает такой момент, доставивший ему величайшее счастье. В его госпиталь доставили тяжело больного. Он успокаивал больного, говоря, что ему дадут наркоз, он будет прооперирован, и все кончится хорошо. После операции врач сел около больного, в ожидании его пробуждения. Наконец, больной открывает глаза и шепчет в полном удивлении. "У меня больше ничто не болит!" Вот момент вознаграждения. Не было никакой материальной награды, но удовлетворение, такое глубокое. Не больше ли оно награды?

Исправить поломанную жизнь, направить путника на истинный путь, залечить разбитое сердце, привести чью-то душу ко Христу - это нельзя компенсировать деньгами.

Наконец, Павел говорит о том, *как он проповедует*, став всем для всех людей. Это не значит быть лицемерным в одном с одним, а в другом с другим. На современном языке это означает ладить со всеми. Человек, который не видит ничего, кроме своей идеи и никогда не пытается даже понять точку зрения других, никогда не сможет стать священником, миссионером или другом.

Босвел говорил где-то о "способности находить подход к людям". Именно такой способностью обладал доктор Джонсон, ибо он не только чудно говорил, но и хорошо слушал, и в высшей степени обладал способностью ладить с людьми. Один из его друзей говорил о нем, что он обладал способностью "подводить людей к разговору на их любимые темы и о том, что они лучше всего знали". Когда один сельский священник жаловался на тупость своих прихожан, дескать, они говорят лишь о телятах, ему ответили, что господин Джонсон научился бы говорить и о телятах. С сельским жителем он был бы сельским жителем. Роберт Линд приводит примеры, как Джонсон говорил с сельским священником о пищеварительных органах собаки, с управителем фермы, о том, как крыть соломой крышу. Он мог говорить о производстве пороха, о процессе солодования, о дублении. При этом он подчеркивает готовность Джонсона погрузиться в интересы собеседника и других людей. Это был человек, которому доставляло наслаждение обсуждать технологию изготовления очков с мастером-оптиком, закон - с юристом, выращивание свиней - со свиноводом, болезни - с доктором, судостроение - с судостроителем. Он знал, что в разговоре блаженней давать, нежели получать.

Мы никогда не сможем добиться чьей-либо дружбы или успехов в миссионерской деятельности, если не будем говорить с людьми и вникать в интересы других людей. Кто-то назвал обучение, лечение и проповедование "тремя опекунскими профессиями". Но если мы будем опекать людей и не будем пытаться понимать их, мы не сможем добиться от них ничего положительного. Павел, большой мастер проповедования, приведший к Христу больше людей, чем кто-либо другой, видел, как необходимо - стать всем для всех людей. Как важно научиться ладить с людьми, а ведь мы подчас даже и не пытаемся делать этого.

24-27

Настоящая борьба.(1 Кор. 9,24-27)

Павел подходит здесь с другой позиции. Он убеждает коринфян, желавших пойти по легкому пути, что без серьезной самодисциплины никто не дойдет к цели. Павел всегда восхищался спортсменами. Спортсмен, желающий победить на соревновании, должен

усиленно тренироваться; в Коринфе знали, какими захватывающими могут быть соревнования, потому что в Коринфе проводились народные празднества, уступавшие по значению только Олимпийским. Далее, спортсмен подвергает себя суровой самодисциплине и тренировке ради того, чтобы завоевать лавровый венок, который уже через несколько дней увянет. Сколь строже должна быть самодисциплина христианина, чтобы получить венок, дающий ему жизнь вечную.

В этом отрывке Павел дает что-то вроде краткого изложения философии жизни:

1) Жизнь - борьба. Как выразился Уильям Джеймс: "Если бы эта жизнь не была соревнованием, в котором победа прибавляет что-то ко вселенной, то она была бы не лучше любительского спектакля, с которого вы можете когда угодно уходить. Но мы *ощущаем* ее как битву - как будто во вселенной существует действительно что-то дикое, которое мы, со всеми нашими идеалами и верой, должны искупить". А Кольридж выразил это так: "Мир вовсе не богиня в юбке, а скорее дьявол в узком жилете". Нерешительный воин не может выиграть битвы; опустивший поводья тренер не выиграет скачки. Мы всегда должны чувствовать себя в боевом походе; людьми, стремящимися вперед к цели.

2) Чтобы выиграть битвы и победить на скачках, нужна дисциплина. Мы должны усмирять свое тело; на это в духовной жизни часто обращают мало внимания: ведь часто духовные депрессии - следствие физической слабости. Человек, намеревающийся отличиться, тренирует свое тело, чтобы быть в наилучшей физической форме. Мы должны также дисциплинировать свой ум; опасно, если люди до тех пор отказываются думать, пока они вообще не способны к этому. Проблем никогда не разрешить, отказываясь или убегая от них. Мы должны также усмирять наши души, встречая опасности жизни со спокойной выдержкой и терпением, искушения - с данной Богом силой, а разочарования - с мужеством.

3) Необходимо знать свою цель. Как печально, что жизнь многих людей, очевидно, не имеет никакой цели. Они пассивно плывут по течению жизни, вместо того, чтобы идти по назначенному направлению к поставленной себе цели. У Мартена Мартенса есть такая притча: "Жил был когда-то человек-старик. Когда друзья убили его, пришли люди и стояли вокруг его тела, возмущенно говоря: "Он считал весь земной шар своим футбольным мячом. И он бил по нему". "Но, - сказал мертвый, открыв один глаз, - всегда в ворота". Кто-то нарисовал когда-то карикатуру, где два Марсианина смотрят сверху на нашу Землю, на людей, суетливо бегущих туда и сюда во всех направлениях. "Что они делают?" - спросил один. "Они ходят", - отвечает другой. "Но куда они идут?" - спрашивает первый. "Ах, - отвечает другой, - никуда, они просто ходят". Такая ходьба никуда не приведет.

4) Мы должны понимать важность нашей цели. Призыв Христа очень редко опирался на наказания и кары. Он основан на заявлении: "Посмотрите, чего вы лишаетесь, если вы не пойдете по указанному Мною пути". Цель - *жизнь вечная*, и ради достижения этой цели можно сделать все.

5) Мы не можем спасти других, если мы не владем собой. Фрейд сказал однажды: "Психоанализ в первую очередь изучают на себе, изучая свою личность". Эллины заявляли, что первое правило жизни гласит: "Человек, познай себя". Действительно, невозможно служить другим, если не владем собой; нельзя учить тому, чего сами не знаем; мы никого не можем привести к Христу, если сами не нашли Его.

Глава 10

1-13

Опасность самоуверенности (1 Кор. 10,1-13)

Павел продолжает рассматривать проблему употребления мяса, принесенного в жертву идолам. Кроме того, он говорит и о чрезмерной самоуверенности некоторых коринфских

христиан. Они утверждали: "Мы крещены и, поэтому, мы едины с Христом; мы причащались плоти и крови Христовой; мы в Нем и Он в нас; поэтому мы защищены от всякой опасности. Мы можем есть мясо и это не причинит нам никакого вреда". Поэтому уместно предупреждение об опасности, которой чревата чрезмерная самоуверенность.

Когда Оливер Кромвель обдумывал образование своего сына, он сказал: "Я хотел бы, чтобы он изучал историю". Павел тоже обращается к истории, показывая, что произошло с народом, которому самым Богом были даны величайшие привилегии. Он обращается к тем дням, когда израильтяне скитались в пустыне. В те дни с ними случались чудесные вещи. У них было облако, указывавшее им путь и защищавшее их в минуту опасности (*Исх.* 13,21; 14,19). Бог провел их чрез воды Красного моря (*Исх.* 14,19-31). Оба эти события настолько прочно связали их с Моисеем, величайшим из руководителей и законодателей, что можно было сказать, что они были крещены в Моисея, как христиане крестятся в Иисуса Христа. Они ели манну небесную в пустыне (*Исх.* 16,11-15). В стихе 4 Павел говорит, что пили они из духовного последующего камня. Это взято не из Ветхого Завета, а из традиции раввинов. В *Числ.* 20,1-11, говорится о том, что Бог сказал Моисею добывать воду из скалы, чтобы напоить жаждущий народ. Согласно утверждениям раввинов эта скала потом следовала за народом и всегда давала им воду для питья. Эта история была хорошо известна каждому иудею. Сыны Израилевы имели эти привилегии, но, несмотря на это, они потерпели поразительную неудачу. Когда народ из страха отказался продолжать путь в Землю обетованную, ибо все разведчики, за исключением Иисуса Навина и Халева, приносили мрачные сведения, Бог решил что целое поколение должно умереть в пустыне (*Числ.* 14,30-32). Когда Моисей находился на горе Синай, народ совратил Аарона сотворить золотого тельца и поклонялся ему (*Исх.* 32,4). Даже в пустыне они впали в прелюбодеяния с дочерьми Моава и Мадиянитянками, и тысячи их погибли по суду Божьему (*Числ.* 25,1-9). (Кстати, нужно отметить, что в *Книге Чисел* 25,9 сказано: двадцать четыре тысячи погибло, Павел же говорит двадцать три тысячи. По-видимому, Павел цитирует по памяти. Он редко цитирует Писание дословно. В те времена никто этого не делал, потому что не было чего-либо подобного симфонии, позволявшей быстро найти нужное место. Писание было записано не в книгах, которые не были еще изобретены, а на громоздких свитках). Иудеи умирали от укусов змей, потому что они роптали против Бога на своем пути (*Числ.* 21,4-6). Когда Корей, Дофан и Авирон восстали, кара постигла многих (*Числ.* 16).

История Израиля показывает нам, что люди, наделенные величайшими привилегиями Божьими, не были искушаемы. Павел напоминает коринфянам, что особые преимущества не являются гарантией полной безопасности.

Особое внимание следует обратить на упомянутые искушения:

1) Искушение идолопоклонства. Теперь не так явно поклоняются идолам. Но если человек обожествляет то, чему он отдает большую часть своего времени, своей мысли и энергии, он больше почитает произведения рук своих, чем Бога.

2) Искушение прелюбодеяния. Пока человек остается человеком, его животное начало искушает его. Лишь страстная преданность Христу может спасти человека от блудодействий.

3) Искушение Бога. Сознательно или бессознательно многие люди спекулируют на милосердии Божиим. В глубине своего ума человек думает: "Все обойдется. Бог простит". На свой собственный риск он изгоняет мысль, что существует и святость Божья, и любовь.

4) Искушение ропота. И сегодня еще многие люди встречают жизнь хныканьем, а не улыбкой.

Поэтому Павел призывает к бдительности: "Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть". Не раз падали крепости, потому что их защитники считали их неприступными. В *Откр.* 3,3 воскресший Христос предупреждает Сардисскую церковь быть на страже. Сардисский акрополь был построен на горном выступе, который считался

неприступным. Когда Кир осаждал его, он обещал особую награду тому, кто найдет путь в него. Один воин, однажды наблюдая за крепостью, увидел, как один из защитников крепости случайно уронил свой шлем со стены и как он полез за ним. Он запомнил тропу и ночью с отрядом воинов взобрался на гору, где они увидели, что в этом месте крепость не охранялась. Они вошли и захватили крепость, считавшуюся совершенно неприступной. Случайность играет огромную роль в жизни, и мы всегда должны быть на страже.

Павел заканчивает этот отрывок тремя соображениями относительно искушения:

1) Он уверен в том, что искушения являются неизбежной частью жизни. Но греческое слово, переведенное на русский язык как *искушение*, скорее означает *испытание*. Его предназначение заключается не в том, чтобы ввести нас в грехопадение, а чтобы испытать нас, с тем, чтобы мы вышли из него устойчивее прежнего.

2) Искушение, которому мы подвергаемся, не представляет собой что-то особенное. Люди до нас подвергались ему и успешно прошли через испытания. Однажды в Норвегию везли благочестивого епископа Лайтфута в коляске по очень узкой горной дороге. Она становилась такой узкой, что иногда между колесами и краем обрыва оставались лишь считанные сантиметры. Тогда кучер предложил сойти с коляски и пойти пешком, сказав, что это безопаснее. Епископ осмотрел дорогу и сказал: "Ведь другие же экипажи ездили по этой дороге. Поезжай дальше". В Греческой антологии есть эпиграмма - эпитафия, записанная, может быть, даже с его слов, "Моряк, потерпевший на этом берегу кораблекрушение просит вас поднять паруса". Его ладья, наверное, затонула, но многие устояли перед штормом. Проходя через испытание, мы проходим через то, что многие перенесли и победили по милости Божией.

3) Всегда есть выход из искушения. Павел употребляет очень живое слово *экбасис*, означающее путь, выход из ущелья, горный проход. Можно представить себе, будто уже окруженная армия внезапно находит выход к спасению. Никто не должен поддаваться искушению, потому что есть путь к его преодолению, а это вовсе не путь отступления или капитуляции, а путь победы силою милосердия Божия.

14-22

Священная обязанность (1 Кор. 10,14-22)

Эти стихи следует читать, имея в виду три идеи. Две из них являются специфическими для той эпохи, одна же имеет непреходящее значение.

1) Мы уже видели, что часть пожертвованного идолу мяса возвращалась жертвователю для устройства пира. Считалось, что на таком пире присутствовал в качестве гостя и бог, которому была принесена жертва. Более того, считалось, что после того, как мясо было пожертвовано, бог сам был в нем и во время пира входил в самое тело и в самую душу отведавших это мясо. Точно так же как людей, деливших хлеб и соль, скрепляет прочная связь, так и жертвенный пир побуждал к общению между богом и его почитателем. Жертвующий был в прямом смысле слова участником жертвенника, его связывала с богам мистическая общность.

2) В то время весь мир верил в демонов. Демоны могли быть хорошими, но в большинстве случаев они были плохими. Это были духи, являвшиеся посредниками между богами и людьми. Эллины считали, что всякий пруд, каждое место или дерево, каждая ветвь и роща, гора, скала или река имели своего демона. "Были боги в каждой горной вершине, боги, дышащие в ветре, сверкающие в молнии. Бог был в лучах солнца и далеких звезд, боги колыхали землю при землетрясении и вздымали волны в шторм". Мир был населен демонами. У иудеев были *шедимы* - злые духи, населявшие пустые дома, скрывавшиеся всегда "в крохах на полу, в масле, в сосудах, в питьевой воде, в болезнях, в воздухе, в комнате".

Павел верил в этих демонов, он называет их *"Началами и Силами"*. Он считал, что идола - ничто, и за ними ничего нет, но поклонение идолам - дело рук бесов, ибо через него отвращались люди от Бога. Поклоняясь идолам, люди думали, что они поклоняются богам, на самом же деле их вводили в заблуждение злые демоны.

Поклонение идолам приводит людей не к Богу, а к демонам. Все, что с ним связано, несет на себе демонический порок. Мясо, пожертвованное идолам, ничем не грозило, но оно уже послужило целям и намерениям бесов, и поэтому оскверняло человека.

3) Из этих древних предрассудков и верований можно вывести принцип, имеющий вечное значение: человек, сидевший за столом Иисуса Христа, не может садиться за стол, служащий орудием в руках бесов и демонов. Человек, приобщающийся к Телу и Крови Христа, не может более прикасаться к греховным вещам.

Одна из величайших статуй Христа создана Торвальдсеном. После того, как он изваял ее, ему был сделан заказ на статую Венеры для Лувра. "Рука, изваявшая формы Христа, уже никогда не сможет изваять форму языческой богини", ответил Торвальдсен.

Когда принц Чарльз бежал от грозившей ему смерти, он нашел убежище у восьми разбойников и уголовников из Гленмористона. За его голову было назначено вознаграждение в 30 000 фунтов стерлингов; у них же не было ни гроша, но неделями они скрывали и оберегали его, и ни один не предал его. Прошли годы, и о восстании остались лишь печальные воспоминания. Один из этой восьмерки, по имени Хью Чисхольм, добрался до Эдинбурга. Людей интересовала история принца Чарльза, и они говорили с ним. Он был беден, но иногда ему давали деньги. Но Хью Чисхольм отвечал на все рукопожатия левой рукой. Хью поклялся, что он никогда никому не подаст руки, которую он подал своему принцу.

То, что было важно для Коринфа, важно и сегодня: человек, приобщающийся "Тела и Крови" Христа, не может пачкать свои руки низкими и недостойными вещами.

23-33

Границы христианской свободы (1 Кор. 10,23-11,1)

Павел заканчивает обсуждение проблемы идоложертвенного практическими советами.

1) Он советует христианину, покупать все необходимое и не задавать никаких вопросов. Возможно, что купленное мясо было частью жертвоприношения, либо животное было забито в честь какого-нибудь бога, дабы бесы и демоны не вселились в него; но возможно и то, что люди станут чрезмерно суетливыми и создадут трудности там, где их вовсе не должно бы быть. В конечном счете - все Божие.

2) Если христианин принимает приглашение на обед в дом язычника, пусть ест, что ставят на стол, и не задает вопросов. Но если ему умышленно сообщат, что мясо является частью жертвоприношения, он не должен есть его. Предполагается, что это говорит один из братьев, не могущий в своем сознании избавиться от чувства, что нельзя есть такое мясо. Дабы не смущать такого человека христианин не должен есть его.

3) И снова из далекого от нас во времени к нам доходит важная истина: человеку лучше отказаться от чего-то, если оно может стать камнем преткновения для кого-то. Нет ничего более реального, чем христианская свобода; но христианской свободой следует пользоваться так, чтобы она помогала другим, а не шокировала или оскорбляла их. Человек имеет определенные обязательства по отношению к себе, но еще большие обязательства по отношению к другим.

Следует отметить здесь, как далеко простираются эти обязательства.

1) Павел настаивает на том, что коринфскому христианину подобает быть хорошим примером для *иудеев*. Даже для врагов христианину надлежит быть примером

безукоризненного поведения.

2) Коринфский христианин имеет обязательства по отношению к *эллинам*. А это значит подавать хороший пример совершенно безразличным к христианству людям. Именно через примеры многие стали последователями Христа. Один священник сделал все возможное, чтобы помочь далекому от христианства человеку, и спас его из трудного положения. И вот он начал ходить в церковь и, в конце концов, высказал удивительную просьбу: он попросил назначить его церковным старостой, чтобы он мог служить, выражая благодарность Христу за то, что Он совершил в его душе через Своих слуг.

3) Коринфский христианин имеет обязательства по отношению к своим *братьям по вере*. Для кого-то мы явно являемся примером в поведении. Зачастую молодой или слабый брат во Христе часто ищет в нас опору, наставление. Наш долг - оказать помощь, которая вселила бы уверенность в колеблющегося, придала бы силы слабому и спасла бы искушаемого от греха.

Мы можем трудиться во славу Божию лишь тогда, когда мы исполним обязательства по отношению к нашим братьям. Мы справимся с ними лишь в том случае, если будем помнить, что наша христианская свобода дана не ради нас самих, но для других.

Глава 11

1

Комментарий к 1 Кор. 11,1 смотрите в предыдущем разделе.

Главы 11-14 представляют, пожалуй, наибольшую трудность для понимания современного западноевропейского христианина. Но они принадлежат одновременно и к числу наиболее интересных во всем Послании, потому что там рассматриваются проблемы, возникшие в коринфской церкви в связи с церковными службами. Мы видим в них зарождающуюся церковь, занятую решением проблем, возникших в борьбе с жертвоприношением и связанных с созданием истинного богослужения. Этот раздел мы легче поймем, если с самого начала выделим его различные составные части.

1) 11,2-11,16 рассматривает вопрос, могут ли женщины присутствовать на богослужении с непокрытыми головами.

2) 11,17-23 обсуждает проблему, возникшей в связи с пиром любви, то есть общими трапезами или *агапе*, которые праздновались каждую неделю коринфскими христианами.

3) Стихи 24-34 касаются правильного соблюдения в Коринфской церкви таинства причастия (евхаристии).

4) В главе 12 Павел рассматривает проблему слияния в единое гармоничное целое людей, наделенных различными дарованиями. В этой главе Павел изобразил церковь как Тело Христово, а христиан - как составные части этого Тела.

5) Глава 13 является великим гимном любви, указывающим людям превосходнейший путь в жизни.

6) 14,1-23 посвящены проблеме "языков", различным дарам общения с Богом и людьми.

7) 14,24-33 посвящены проблеме порядка и организации в церкви и на богослужении; здесь Павел пытается навести порядок и дисциплину в бурном энтузиазме новорожденной церкви.

8) 14,34-36 обсуждается место женщины в церковном богослужении в Коринфе.

2-16

О необходимой скромности (1 Кор. 11,2-16)

Это один из тех отрывков, которые не имеют универсального значения. На первый взгляд может показаться, что они представляют лишь исторический интерес, потому что в них

рассматриваются проблемы и ситуации, неактуальные для нас. Но, тем не менее, такие места представляют для нас громадный интерес, так как они проливают свет на внутренние проблемы и дела раннехристианской церкви; они представляют огромный интерес и для человека, пристально смотрящего на вещи: ведь принципы, примененные для их решения, непреложные.

Спорным был в Коринфской церкви вопрос о том, может ли женщина принимать участие в богослужении с непокрытой головой. Павел отвечает прямо и однозначно: покрывало является символом подчиненности, которое носит нижестоящий в присутствии вышестоящего. Так как мужчина есть глава в доме, женщина подчинена ему, и поэтому не может появляться на богослужении в церкви без покрывала; мужчина же не должен появляться в церкви с покрытой головой. Маловероятно, чтобы мы в двадцатом веке могли так просто принять эту точку зрения о зависимом и подчиненном положении женщины. Но эту главу следует читать не в свете двадцатого века, а в свете первого века, при этом следует помнить следующие моменты:

1) Какое значение имело покрывало на Востоке. И сегодня женщины Востока носят чадру - длинное покрывало, закрывающее ее почти до пят, оставляя открытыми лишь лоб и глаза. Во времена Павла восточное покрывало было еще более закрытым. Оно покрывало голову, оставляя открытыми лишь глаза, и шло до самых пят. Уважаемая и уважающая себя восточная женщина не могла и подумать появиться где-нибудь без покрывала. Т. У. Дейвиз пишет в *Толковом словаре Гастингса к Библии*: "Ни одна приличная женщина в восточной деревне или в городе не выходит без него из дому, а если выйдет, то рискует испортить свою репутацию. И действительно, английские и американские миссионеры в Египте рассказали автору, что их дочери и жены вынуждены, выходя, одевать покрывало".

Покрывало имело два значения: а) Оно выражало подчиненность, б) Оно обеспечивало женщине прочную защиту. Стих 10 очень трудно перевести. В Синодальном издании Библии этот стих приведен так: "Посему жена *и* должна иметь на голове *своей* знак власти над нею..." Но греческий текст буквально означает, что женщина должна иметь "свою власть на голове". Вильям Рамсей объясняет это так: "В странах Востока покрывало является властью, честью и достоинством женщины. С покрывалом на голове она может пойти всюду в безопасности и глубоком уважении. Ее не видно; наблюдать на улице за женщиной, одетой в чадру - признак крайне плохого тона. Она одинока. Все другие люди не существуют для нее, как и она для них. Она стоит над толпой... А женщина без покрывала - ничтожна, всякий может ее оскорбить. Власть и достоинство женщины исчезают вместе с покрывалом, если она его сбрасывает".

На Востоке, следовательно, покрывало имеет чрезвычайно важное значение. Оно не только указывает на зависимое положение женщины; оно является и нерушимой защитой ее скромности и целомудрия.

2) Надо также помнить, каким было положение женщины у иудеев. По иудейскому закону женщина стояла намного ниже мужчины. Она была создана из Адамова ребра (*Быт.* 2,22.23), чтобы быть помощницей мужа (*Быт.* 2,18). Существовало одно раввинское толкование, гласившее: "Бог не сотворил женщину из головы, чтобы она не возгордилась. Он не сотворил ее из глаз, чтобы она не стала похотливой. Он не сотворил ее из уха, чтобы не стала любопытной. Он не сотворил ее из уст, чтобы не стала говорливой. Он ни сотворил ее из сердца, чтобы не стала ревнивой, ни из руки - чтобы не стала алчной, ни из ноги - чтобы она не стала бродячей сплетницей. Он сотворил ее из ребра, которое всегда было скрыто. Поэтому ее главным качеством должна быть скромность".

Печален факт, что по иудейскому закону женщина была вещью и собственностью своего мужа, над которой он имел полное право. Также прискорбно, что, например, в синагоге женщины не принимали никакого участия в богослужении, а были полностью изолированы от мужчин в закрытой галерее или иной части здания. По иудейскому закону и обычаю было

немыслимо, чтобы женщины могли претендовать на равные права с мужчинами.

В 10-ом стихе есть любопытная фраза о том, что женщины должны носить покрывало "для ангелов". О значении этой фразы нет ясных толкований. Возможно, она восходит к древней истории. В *Быт.* 6,1-2 читаем о том, как ангелы, сыны Божий, стали жертвою чар смертных женщин и согрешили. Идея здесь может заключаться в том, что женщина без покрывала - искушение даже для ангелов, потому что, согласно одной старой раввинской традиции, ангелов искушала красота длинных женских волос.

3) Следует помнить, что такое положение сложилось в Коринфе, вероятно в самом распущенном городе в мире. Павел стоял на позиции, что лучше перегнуть в сторону чрезмерной скромности и строгости, нежели сделать что-нибудь, дающее язычникам повод критиковать христиан за распущенность, либо могущее стать источником искушения для самих христиан.

Было бы совершенно неправильно давать этому отрывку общечеловеческое применение; он был тесно связан с Коринфской церковью, и никоим образом не связан с проблемой, следует ли женщинам носить покрывала в церкви сегодня. Но хотя он имеет лишь местный и временный характер, в нем заключены три непреложные истины:

1) Всегда строгие нормы человеческого поведения лучше, нежели слишком лояльные. Намного лучше отказаться от своих прав, если они могут стать камнем преткновения для другого, нежели настаивать на них. Стало модным открыто осуждать обычаи и условности, но человеку всегда лучше подумать дважды, прежде чем нарушать их. Хотя он никогда не должен быть рабом условностей.

2) Даже после того, как Павел подчеркнул зависимость женщины от мужчины, он настаивает на их взаимной зависимости. Ни он, ни она не могут жить друг без друга. Если между ними и существует подчиненность, то только для того, чтобы их совместная жизнь была более продуктивной и более приятной для обоих.

3) Павел заканчивает этот отрывок упреком в адрес человека, который спорит единственно ради споров и доводов. Какие бы разногласия ни могли возникнуть между людьми, в церкви нет места для умышленно придирчивых мужчин и женщин. Иногда действительно нужно отстаивать принципы, но никогда не следует быть придирчивыми. Разве люди не могут расходиться во мнениях, но все же жить в мире?

17-22

Извращение вечери господней (1 Кор. 11,17-22)

Жизнь людей в античном мире носила во многих отношениях общественный характер в большей степени, чем наша жизнь. Люди часто собирались большими группами для пиров. У них даже был особый пир, называвшийся *эранос*, на который каждый участник приносил свою долю еды, все это складывалось вместе, чтобы пир не терял своего общественного характера. В раннехристианской церкви тоже был такой обычай: ее пир назывался *агапе* или пир любви. На этот пир все христиане приносили кто что мог, все принесенное складывалось, и все усаживались к общей трапезе. Это был прекрасный обычай; мы многое потеряли, когда он исчез. Это был один из путей создания и взращивания братства.

Но в Коринфской церкви все было иначе, к великому сожалению Павла. В церкви были богатые и бедные. Были такие, которые могли принести с собой много, а другие - едва могли принести что-нибудь вообще. В сущности, пир любви для многих рабов, должно быть, был единственной приличной трапезой за всю неделю. Но в Коринфе исчез этот обычай делить между собой еду. Богатые не делились своею пищей и поедали ее в небольших обособившихся группах с торопливой жадностью, дабы им не приходилось делиться ею, в то время как у бедных почти ничего не было. Поэтому трапеза, которая должна была сглаживать социальные различия, лишь привела к их углублению. Павел резко и беспощадно осуждает

это.

1) Могло быть и так, что эти разные группы образовывали люди, придерживающиеся различных мнений. Один великий ученый сказал: "Иметь религиозное рвение, не становясь при этом религиозным фанатиком - лучшее доказательство истинной преданности". Если наше мнение расходится с мнением другого, то со временем мы, возможно, будем понимать его и, даже симпатизировать ему, если мы будем поддерживать с ним дружеские отношения, и поговорим на разделяющие нас темы. Но нам нельзя надеяться на лучшие взаимоотношения, если мы отгораживаемся друг от друга в замкнутых группировках,

Он создал круг, исключивший меня -

Мятежника, противника, еретика.

Но Любовь и я победили в том,

Что создали круг, включивший его.

2) Раннехристианская церковь была единственным местом в древнем мире, где были разрушены социальные и классовые барьеры. В античном мире общество было очень четко разделено: на свободных и рабов, эллинов и варваров - людей, говоривших по-гречески, на иудеев и язычников; римских граждан и неполноценных подданных, на которых не распространялось римское право; на культурных, образованных и невежественных. Церковь была единственным местом, где люди, принадлежавшие к разным классам и расам, собирались вместе. Один крупный историк раннего христианства писал об этих церковных приходах и прихожанах: "В своих границах они почти мимоходом решили социальную проблему, сотрясавшую Рим, и до настоящего времени сотрясающую Европу. Христиане подняли женщину на должную высоту, возвратили физическому труду его достоинство и уважение, упразднили нищету, освободили человека от мук рабства. Сущность произошедшего в сознании людей переворота заключается в том, что в таинстве Тайной Вечери был забыт классовый и расовый эгоизм, а любовь видимого образа Бога в людях, за которых умер Христос, явилась новой основой для общества".

Церковь, в которой продолжают существовать социальные и классовые различия - вовсе и не церковь. Истинная церковь - это группа людей, объединенных между собой своим единством со Христом. Само слово, обозначающее таинство, указывает на это. Мы называем его вечерей Господней. Но слово "*вечеря*" уводит нас до некоторой степени в сторону от истинного смысла таинства. Для нас обычно ужин не является главной трапезой дня. В греческом же оригинале употребляется слово *дейпнон*. У эллинов завтрак состоял из ломтика хлеба, смоченного в вине. Обедали где угодно, даже на улице или в городском сквере, а *дейпнон* - ужин, представлял собой основную трапезу дня. Люди усаживались без всякой спешки, и не только утоляли свой голод, но и подолгу говорили друг с другом. Само греческое название этой трапезы показывает, что люди подолгу засиживались, проводя время в общении друг с другом. Церковь, в которой пренебрегают долгом делиться друг с другом - не истинная церковь. Люди, старающиеся сохранить вещи лишь для себя, или для своего круга людей, еще не поняли суть христианства.

3) Истинному христианину невозможно обладать многим, когда другие испытывают нужду. Главное преимущество он видит не в сохранении своих привилегий, а в том, чтобы делиться ими с другими.

23-34

Вечеря Господня (1 Кор. 11,23-34)

Во всем Новом Завете нет более интересного места чем это: с одной стороны, в нем дано нам уложение одного из самых сокровенных действий церковного богослужения - таинства Вечери Господней. С другой стороны мы фактически находим здесь первую запись слов Иисуса, потому что Послание к Коринфянам было написано до самого раннего Евангелия.

Святой дар никогда не воспринимается всеми людьми одинаково. Но нет необходимости полностью понимать его, чтобы оно принесло человеку благо. Ведь кто-то сказал: "Нам не нужно знать о химических свойствах хлеба, чтобы усвоить его и насытиться им". Тем не менее полезно, если мы попытаемся, по крайней мере, понять что-нибудь из того, что имел в виду Иисус, когда Он говорил о хлебе и вине.

"Сие есть Тело Мое", - сказал Он о хлебе. Один простой факт не позволяет нам понимать это в буквальном смысле слова. Когда Иисус говорил это, Он был еще - во плоти: было совершенно ясно, что в тот момент Его Тело и хлеб не были идентичны. Он также и не хотел сказать просто: "Он символизирует Мое Тело". Но до некоторой степени это верно. Преломленный хлеб символизирует в причастии Тело Христово. Но это значит больше. Для того, кто берет его в руки и в уста с верою и любовью, это не только средство вспомнить Иисуса Христа, но и способ установить с Ним прямой контакт. Для неверующего это ничего не значит; для любящего Христа это путь в Его присутствие.

"Сия чаша", - говорит Иисус согласно обычной версии, - "есть новый завет в Моей Крови". Более точный перевод звучит несколько иначе: "Эта чаша есть новый Завет, и он оплачен Моею Кровью". Греческий предлог "*ен*" чаще всего значит "*в*". Но этот предлог может обозначать, и обычно обозначает, *ценою*, особенно в том случае, когда употреблен в переводе для передачи иудейского предлога "*бе*". А завет устанавливает отношения и обязательства между двумя контрагентами. В Ветхом Завете Бог дал заповеди, основанные на законе, избрал и приблизил к себе народ Израиля и стал их единственным Богом, но при условии, что эти отношения будут продолжаться до тех пор, пока они соблюдают Его закон (*Исх.* 24,1-8). Иисус открывает новые отношения, основанные не на законе, а на любви; основанные не на способности человека соблюсти закон, - а на бескорыстном милосердии, любви Божией, Которую Он предлагает людям.

По Ветхому Завету у человека не оставалось иного выхода, как вечно бояться Бога, ибо он всегда был виновен перед Богом, потому что он никогда не мог добиться абсолютного исполнения закона; по Новому Завету человек приходит к Богу как дитя к отцу. Но как бы мы ни посмотрели на это, *такие отношения могли быть достигнуты ценою жизни Иисуса*. "Кровь есть душа", сказано в Законе (*Втор.* 12,23); за это Иисус заплатил своей жизнью и кровью, как сказал бы иудей. И поэтому красное вино таинства представляет Кровь Христа, без которой Новый Завет, эти новые отношения с Богом, не могли бы быть достигнутыми.

Павел говорит о тех, кто недостойно ест этот хлеб и пьет это вино. Недостойность заключалась в том, что тот, кто так ест и пьет, "тот ест и пьет осуждение себе". Эта фраза может иметь два значения, причем каждое из них столь реально и важно, что Павел, вероятно, вложил в нее оба значения.

1) Эта фраза может означать, что человек, который ест и пьет недостойно, не осознает значения этих символов, что он ест и пьет без всякого благоговения, не понимая, символом какой великой любви, является то, что он ест и пьет, и какие обязательства это на него накладывает.

2) Но она может иметь и следующее значение. Фраза "Тело Христа" снова и снова означает у Павла Церковь. Она имеет такое значение, как мы увидим, во главе 12. Павел только что упрекал тех, которые своим обособлением и подчеркиванием классовых различий ведут к расколу Церкви. Поэтому это может означать, что ест и пьет недостойно тот, кто никогда не осознавал, что вся Церковь - Тело Христово. Поэтому он согрешил против своих братьев. Каждый, в сердце которого ненависть, горечь, презрение к своему собрату, придя к столу Господа, ест и пьет недостойно. Поэтому есть и пить недостойно - значит не сознавать значения и величия того, что мы делаем, и это тем сложнее, что он находится в разногласии со своими братьями, за которых также умер Христос.

Далее Павел говорит, что несчастья, постигшие Коринфскую церковь, возможно вызваны

только тем, что верующие приходят на Вечерю Господню в то время, как между ними существует разделение. Но эти невзгоды не должны разрушить церковь, а напротив, вызвать покаяние, воспитать в них чувства порядка и дисциплины и вновь поставить их на правильный путь.

Мы должны уяснить одно: запрет принимать чашу недостойно, не исключает человека, который грешит и знает об этом. Один старый священник, увидев, что старая женщина колеблется брать чашу причастия, протянул ее со словами: "Возьми ее, женщина. Она для грешников, она для тебя". Если бы трапеза Господня предназначалась только для идеальных людей, то никто не мог бы принять ее. Путь туда никогда не закрыт для кающегося грешника. Этот путь открыт для того, кто любит Бога и своих собратьев, и грехи его, даже если они алые, станут белыми как снег.

Глава 12

1-3

Исповедь духа (1 Кор. 12,1-3)

В Коринфской церкви самые поразительные события происходили через воздействие Святого Духа, но в век экстатических порывов и энтузиазма могут иметь место как случаи истерического возбуждения и самообмана, так и действительные проявления Духа. Посему, в этой и в следующей главе Павел рассматривает случаи истинного проявления Духа Святого.

Этот отрывок очень интересный, потому что мы встречаем в нем две фразы, звучащие как боевой клич.

1) Здесь мы встречаем фразу "...не произнесет анафемы на Иисуса". Такое могло произойти в четырех случаях:

а) Ее могли произнести иудеи. В синагогах молитва всегда содержала проклятие всем вероотступникам, а Иисус принадлежал к ним. Кроме того, как это было хорошо известно Павлу (*Гал. 3,13*), иудейский закон гласил: "Проклят всяк, висящий на древе". А ведь Иисус был распят на кресте. Было обычным явлением слышать, как иудеи произносили анафему этому еретику и преступнику, которому поклоняются христиане.

б) В высшей степени маловероятно, чтобы иудеи стали побуждать новообращенных, привлеченных христианством произносить это проклятие либо отлучать их от синагоги. Когда Павел рассказывал Агриппе о днях своего гонения, он сказал: "И по всем синагогам я многократно мучил их и *принуждал хулить Иисуса*" (*Деян. 26,11*). Может быть, люди получали возможность остаться в синагоге при условии, что они произнесут проклятие Иисусу.

в) То, что было истиной во время написания Павлом этого Послания, было, несомненно, истиной в тяжелые времена гонений. Христиане должны были либо проклинать Христа, либо умереть. Во времена императора Траяна правитель Вифиний Плиний в проверке людей, обвинявшихся в принадлежности к христианам, требовал от них проклинать Христа. Когда был арестован Поликарп, епископ города Смирны, проконсул Статий Квадрат потребовал от него: "Скажи: Прочь безбожники. Клянись божественному кесарю и проклинай Христа". Но стареющий епископ ответил с достоинством: "Восемьдесят шесть лет я служил Христу, и он никогда не причинил мне вреда. Как могу я проклинать моего Царя, спасшего меня?" Вот, несомненно, наступило время, когда человек был поставлен перед выбором: либо проклинать Христа, либо умереть.

г) Возможно также, что в самой церкви какой-то полусумасшедший безумец мог выкрикнуть: "Анафема Иисусу". В той истерической атмосфере все могло случиться, и люди могли объяснять это действием Святого Духа. Павел заявляет, что ни один человек не может сказать что-нибудь против Христа и объяснять это воздействием Духа.

2) Кроме того, в этом отрывке приведен и христианский боевой клич: *Иисус - Господь!* Если раннехристианская церковь имела символ веры, то им была именно эта фраза (ср. *Фил.* 2,11). Господь, по-гречески *куриос*, слово чрезвычайное.

Оно было официальным титулом римского императора. Гонители христиан всегда требовали: "Скажи: Кесарь - Господь (*куриос*)". Этим словом при переводе Ветхого Завета на греческий язык переводили священное имя Иеговы. Если человек мог сказать "Иисус Господь", это означало, что Ему он был предан превыше всего в жизни и Ему поклонялось его сердце.

Следует отметить, что Павел верил в то, что человек может произнести эту фразу "Иисус Господь" лишь в том случае, если Дух Святой давал эту возможность. Признание высшей власти Господа Иисуса - не столько акт самостоятельного открытия, сделанного Павлом, сколько нечто, открытое ему Богом в Его милосердии.

4-11

Различные дары Божьи (1 Кор. 12,4-11)

Основная идея Павла в этом отрывке - подчеркнуть существенное единство Церкви. Церковь есть Тело Христово, а характерной особенностью здорового тела является отличное выполнение каждым членом своей функции для блага целого; но единство не означает единообразия, и, поэтому, внутри церкви представлены различные дарования и различные функции. Но каждый член - дар того же Духа, и предопределен он не к славе отдельного христианина, но ко благу всего целого.

Павел начинает с заявления, что все особые человеческие дарования (*харизматы*) от Бога, и он, поэтому, верит в то, что эти дарования должны быть использованы для служения Богу. Ошибка церкви, по крайней мере в последнее время, заключается в том, что слишком узко толкуется идея об особых дарованиях. Церковь часто исходила из очевидного предположения, что особые дарования, которые она может использовать, - ораторское, проповедническое, педагогическое, писательское, - более или менее интеллектуальные дарования. Было бы хорошо, если бы Церковь осознала, что дарования людей, работающих своими руками, такие же особые дарования Божьи. Каменщик, плотник, электрик, маляр, инженер, водопроводчик - у каждого особое дарование, полученное им от Бога, которое он может употребить на службу Ему.

Громадный интерес представляет рассмотрение данного Павлом перечня особых дарований, потому что из него мы можем многое узнать о характере и работе раннехристианской церкви.

Павел начинает этот перечень двумя очень похожими друг на друга феноменами: *слово мудрости* и *слово знания*. *Мудрость* - по-гречески *софия*; Это слово толковалось Климентом Александрийским как "знание предметов человеческих и божественных, а также их причин". Аристотель толкует его как "стремление достичь наилучших результатов, используя наилучшие средства". Это - высшая мудрость. Она идет не столько от мышления, сколько от общения с Богом. Эта мудрость знает Бога. *Знание* - по-гречески *гнозис*, намного более практичное явление. Это знание знает, как поступать в каждой конкретной ситуации. Оно практически применяет *мудрость* - *софию* в человеческой жизни и в делах. Оба эти качества необходимы как отдельному человеку, так и Церкви в целом. *Мудрость*, знающая из общения с Богом глубины божественного, и *знание*, способное воплотить эту мудрость в будничную жизнь, в мир, и в Церковь.

Следующим дарованием в перечне стоит *вера*. У Павла она нечто большее, нежели наше обычное понятие о вере. Его вера дает видимые результаты. Она не просто убеждение, что вещь якобы истинна. Это страстная вера в духовные ценности, побуждающая человека вложить в них все, что он имеет, и чем он является. Эта вера закаляет волю человека и

приводит в действие мышцы его.

Боже, когда сердце горит

И разум открыт святым Словом Твоим,

Трудиться дай мне,

Чтобы воля Твоя сбылась на земле.

Далее Павел говорит *об особом даровании исцеления*. Раннехристианская Церковь жила в мире, где чудесные исцеления были обычным явлением. Если болел иудей, то он скорее шел к раввину, нежели к доктору, и, очень вероятно, что он исцелялся. Греческим богом исцеления был Эскулап. Люди шли в его храмы, проводя там целые ночи, чтобы быть исцеленными, и часто они исцелялись. И доныне мы находим в руинах таких храмов исполненные по обету дощечки с надписями, увековечившими исцеления; а ведь никто не будет тратить свое время и труды для того, чтобы написать подобное без достаточных на то оснований. В храме Эпидавра имеется надпись, повествующая о том, как некто Алкетас, хотя он и был слепым, видел сон: "Бог, казалось, пришел к нему и своими пальцами открыл ему веки, и он увидел деревья, находившиеся в храме. С наступлением дня он ушел из храма исцеленный". В одном римском храме есть такая надпись: "Валерию Аперу, слепому солдату, бог дал пророчание, чтобы он пошел и взял кровь белого петуха и мед и смешал их в мазь и мазал ею свои глаза три дня, к нему вернулось зрение, он пришел и публично принес благодарность богу". Это был век исцелений.

Нет ни малейшего сомнения в том, что дар исцеления существовал и в раннехристианской Церкви. Павел иначе не упоминал бы он этом. В Послании апостола Иакова (5,14) содержится указание, что больной человек должен прийти к пресвитерам и они помажут его елеем.

Исторически установлено, что до 9 века обряд помазания предназначался для лечения, и лишь позже он получил название таинства соборования. Он выполнялся для приготовления к смерти. Церковь никогда не утрачивала полностью этот дар исцеления; и в наше время он частично открыт заново. Монтень, один из самых мудрых когда-либо писавших авторов, сказал по поводу обучения мальчика: "Я хотел бы, чтобы его члены были обучены не меньше, чем его ум. Мы обучаем не мозг, не тело, мы обучаем человека. И нельзя делить его на две части". Церковь слишком долго делила человека на душу и тело, и брала на себя ответственность лишь за его душу, а не за тело. Хорошо, что теперь мы снова научились смотреть на человека как на единство души и тела.

Далее Павел приводит *чудотворения*. Можно почти с достоверностью сказать, что он имеет в виду заклинания, изгнание духов. В те времена многие болезни, часто даже все и, в особенности, душевные, объясняли действиями демонов, и одна из функций Церкви заключалась как раз в изгнании этих демонов. Было ли это действительно так или нет, одержимый ими человек был убежден в том, что они действительно существовали, и Церковь могла помочь ему, и она помогала. Изгнание злых духов часто и сегодня занимает заметное место в деятельности миссионеров; и во все времена задача Церкви - помогать больному и расстроенному уму.

Далее Павел напоминает о даровании *пророчества*. Мы лучше поймем мысль Павла, если переведем его слова как *проповедование*. Слово *пророчество* у нас слишком часто ассоциируется с предсказанием грядущего. Но во все времена *пророчество* было чаще не предсказанием, а вещанием. Пророк живет в столь тесной близости с Богом, что он знает Его мысли, желания и волю, и, таким образом, может сообщить их людям. Вследствие этого он выполняет двойную функцию, а) Он возвещает обличения и предупреждения, сообщая людям, что их поведение не соответствует воле Божией, б) Он предлагает совет и руководство, пытаясь направить людей на путь, по которому Бог хочет, чтобы они шли.

Далее Павел упоминает *способность различать духов*. В обществе, в котором атмосфера была напряжена, необходимо было различать реальные проявления от чисто истерических, божественные и бесовские. И в наше время бывает чрезвычайно трудно определить разницу, выходит ли случай за пределы обычной жизни - от Бога он или нет. Однако мы всегда должны придерживаться одного важного принципа: надо постараться понять это проявление.

Последним в перечне Павла стоят *способность к разным языкам и способность к их истолкованию*. Проблема языков вызывала большие затруднения и недоумения в Коринфской церкви. А имело место следующее: во время церковного богослужения кто-нибудь впадал в исступление и изливал поток неразборчивых звуков на никому не известном языке. Это было чрезвычайно таинственное дарование, ибо считалось, что оно вызывается непосредственным влиянием Духа Божьего. Само собой разумеется, что в общине не видели в этом никакого значения и смысла. Иногда ввергнутый в такое состояние прихожанин мог сам растолковать значения своих собственных излияний, но обычно для этого нужен был кто-то другой, обладавший дарованием к истолкованию. Павел никогда не ставил под сомнение реальность дарования к разным языкам, но он ясно сознавал, что в нем заложена определенная опасность, ибо бывает трудно отличить исступление от самогипноза.

Перед нами предстала живая картина того, что происходило в те времена в церкви. В ней происходили подчас удивительные вещи. Жизнь была интенсивной и напряженной. В ней не было ничего скучного и будничного. Павел знал, что эта живая и мощная деятельность была результатом деяния Духа, давшего каждому человеку дарование, с тем, чтобы употребить его во благо церкви и братьев.

12-31

Тело христово (1 Кор. 12,12-31)

Это одна из самых известных когда-либо описанных картин единства Церкви. Люди всегда восхищались тем, как взаимодействуют различные органы человеческого тела. В древнее время Платон нарисовал картину, где, как он говорил, голова - крепость, шея - перешеек, связывающий голову с телом, сердце - фонтан тела, поры - проходы, вены - каналы тела. А Павел изобразил Церковь, как тело человека. Тело состоит из многих членов, но между ними существует важное единство. Уже Платон указывал на то, что мы не говорим: "У моего пальца боль", а мы говорим: "У меня болит". Существует некое *Я*, личность, дающая единство многочисленным и различным частям тела. Чем это *Я* для тела, тем же является Христос для Церкви. Именно в Нем все различные части находят свое единство.

Павел идет дальше и смотрит на это с другой точки зрения: "Вы, - говорит он, - тело Христово". В этой фразе потрясающей важности мысль. Христос более не находится в этом мире в теле; поэтому, если Ему нужно выполнить в этом мире какую-нибудь задачу, Он должен найти для нее человека. Если Ему нужно учить ребенка, Он должен найти учителя, который научил бы его; если Ему нужно вылечить человека, Он находит врача или хирурга, который сделал бы Его дело; если Он хочет рассказать Свою жизнь, Ему нужно найти человека, который рассказал бы ее. Мы, в буквальном смысле слова, должны быть телом Христовым, Его руками, чтобы делать Его дело; Его ногами, чтобы бегать по Его поручениям; Его голосом, чтобы говорить за Него.

У Него нет рук, кроме наших рук,

Чтобы трудиться на ниве Его;

У Него нет ног, кроме наших ног,

Чтобы приводить других на стезю Его;

У Него нет голоса, кроме нашего голоса,

Чтобы рассказать людям о смерти Его;

У Него нет помощников, кроме нас,

Чтобы вести их к Нему.

Быть членом тела Христова на земле - высшая слава христианина.

Таким должно быть, по мнению Павла, единство христианской Церкви, чтобы она могла выполнить свою задачу. Тело чувствует себя здоровым и работоспособным только тогда, когда каждый его орган работает отлично. Отдельные органы и члены тела не завидуют друг другу и не претендуют на функцию друг друга. На нарисованной Павлом картине мы видим некоторые моменты, которые должны существовать в Церкви, теле Христовом.

1) Мы должны осознать, что *мы нужны друг другу*. В Церкви не может быть ничего похожего на изоляционизм. Слишком часто люди в Церкви так поглощены своей работой и настолько уверены в ее чрезвычайной важности, что они пренебрегают или даже критикуют других, делающих другое дело. Для того, чтобы Церковь была здорова телом, нам нужна посильная работа каждого.

2) *Мы должны уважать друг друга*. Тело не знает проблемы относительной важности. Если его член или орган перестает работать, все иные в разладе. Подобно этому и Церковь. "Всякий труд одинаков для Бога". Когда мы начинаем думать о нашей собственной важности в христианской церкви, мы лишаемся возможности истинно христианского труда.

3) *Мы должны сочувствовать друг другу*. Если поражен один орган или член тела, все другие страдают вместе с ним, потому что они не могут противостоять этому. Церковь тоже единое целое. Тот, кто не видит ничего далее своей организации, кто не видит ничего кроме своей общины, кто не видит, что еще хуже, далее своего семейного круга, - еще ничего не осознал о действительном единстве с Церковью.

В конце этого отрывка Павел говорит о различных формах служения в Церкви. Некоторые он уже упоминал раньше, а некоторые достаточно новы.

1) Превыше всех Павел ставит апостола. Они, несомненно, были величайшими людьми в Церкви. Их влияние не было ограничено географически; у них не было постоянной и определенной области деятельности. Их послания распространялись во всей Церкви. Почему это? Важной особенностью апостола было то, что он общался с Иисусом во время Его земной жизни и был свидетелем воскресения Его (Деян. 1,22). Иисус Сам не оставил ни одного слова записанного на бумаге, но Он запечатлел Свое Слово в людях, и этими людьми были апостолы. Никакой обряд не дает человеку истинную власть, она является следствием непосредственного общения с Христом. Однажды после церковной службы Александру Уайту сказали: "Доктор Уайт, сегодня вы проповедовали так, как будто вы находились в непосредственном присутствии Христа". "Возможно, что я там и находился", - ответил мягко Уайт. Человек, приходящий оттуда, где находится Христос, обладает властью апостола, независимо от того, каков его церковный сан.

2) Мы уже говорили выше о пророках, но теперь Павел добавляет еще, *учителей*. Их важность трудно преувеличить. Их обязанность - укрепить в вере людей, обращенных трудами евангелистов и апостолов. Учителя учат о христианстве. И они выполняют чрезвычайно важное дело - они учат людей Евангелию. Евангелие от Марка было написано не ранее 60 г., то есть лишь через 30 лет после распятия Иисуса. Следует при этом вспомнить времена, когда не существовало книгопечатания, когда книги писались и переписывались от руки, и книга такого объема, как Новый Завет, стоила больших денег. Простые люди не смели и мечтать иметь книгу. Поэтому в начале история об Иисусе передавалась устно. И это входило в задачу учителей, и важно помнить, что ученый узнает от хорошего учителя много больше, чем из книги. В настоящее время у нас много книг, но все еще остается истиной - человек узнает о Христе от людей.

3) Павел говорит о тех, которым *даны дары вспоможения*. Это были люди, долгом которых

было оказать помощь и поддержку бедным и сиротам, вдовам и странникам. Христианство с самого начала было в высшей степени практичным. Человек может быть плохим оратором, бездарным обучать других, но оказывать помощь ближнему может каждый.

4) Далее Павел говорит о людях, которым даны, как переведено в Синодальном издании Библии, *дары управления (кубернесеис)*. По-гречески это слово очень интересно: оно относится к работе лоцмана, проводящего суда меж скал и отмелей в гавань. Павел имеет в виду людей, управляющих церковью. Это в высшей степени важное дело. Проповедник и учитель никогда не могли бы выполнить свои обязанности, если бы позади них не стояли другие, принявшие на себя будничную работу по управлению Церковью. Есть такие органы тела, которые выглядят не очень значительными, но которые выполняют очень важные функции. Есть также и такие люди, служение которых не приносит им популярности, но без трудов их Церковь не могла бы идти вперед.

Но после всего этого Павел намеревается сказать о даровании, которое намного важнее, нежели все другие.

Всегда возможна опасность, что люди с разными дарованиями могут расходиться во мнениях. Это затрудняет работу всего организма. И одна только любовь может сплотить Церковь в единый организм. Поэтому Павел поет хвалу любви.

Глава 13

1-3

Хвала любви (1 Кор. 13)

Многие считают, что эта глава - самая прекрасная во всем Новом Завете, и будет хорошо, если мы отведем не один день на изучение данных стихов, полный смысл которых мы, по-видимому, не сможем постичь всю нашу жизнь.

Павел сначала говорит, что человек может обладать любым даром, но если он не находится в единстве с любовью, то он бесполезен.

1) Он может обладать даром *разных языков*. Особенности языческих культов, в особенности Диониса и Киббелы, был звон кимвал и труб. Даже заветный дар языков не лучше грохота языческих культов, если он не наделен любовью.

2) Человек даже может обладать *даром пророчества*. Мы уже говорили, что слова *пророчествовать, проповедовать* очень близки по значению. Существует два типа проповедников. Один проповедник видит свою задачу в том, чтобы спасти души вверенных ему людей, и проповеди его дышат любовью. Таким был, в первую очередь сам Павел. В поэме "Святой Павел" Майерс рисует портрет апостола, опечаленный неверием в мире.

Вдруг в мучениях страстной любви

Зарыдал голос его, как звук трубы:

"Желал бы я быть отлученным от Христа за братьев родных,

Чтоб спасти их - пожертвовать собой ради них! . . ."

Другой проповедник постоянно разжигает перед глазами своих слушателей пламя ада и, кажется, ему все равно, будут ли они осуждены или спасены. Говорят, Адам Смит, спросив однажды одного греческого христианина, очень много пострадавшего от рук мусульман, почему Бог создал столько магометан, получил такой ответ: "Чтобы заполнить ад". Проповедование, содержание которого заполнено угрозами, в котором отсутствует любовь, может вселить ужас, но не сможет спасти.

3) У него может быть *дар познания*. Постоянной опасностью интеллектуального

превосходства является интеллектуальный снобизм. Образованный человек подвергается серьезной опасности развить в себе дух презрения. Познание лишь в том случае может спасти людей, если его холодная беспристрастность согрета огнем любви.

4) Он может быть наделен *страстной верой*. Ведь бывает же и такое, что вера бывает жестокой. Однажды один человек узнал от доктора, что у него слабое сердце и ему нужно отдохнуть. Он позвонил своему начальнику, знатному деятелю христианской церкви, чтобы сообщить ему эту неприятную новость и услышать его мнение. "У тебя есть внутренние силы, которые позволяют тебе продолжать работу", - услышал он в ответ. Это были слова веры, но веры, не знающей любви.

5) Он может заниматься *благотворительностью*, распределяя свое добро между бедными. Но нет ничего более унижительного, чем благотворительность без любви. Давать, исполняя неприятный долг, давать, испытывая презрение, стоять в позе превосходства и снисходительно бросать объедки кому-то как собаке, давать, сопровождая дар самодовольной моралистической лекцией, или сокрушительным упреком - это вовсе и не благотворительность, а гордость, а она не знает любви.

6) Он может отдать тело свое на сожжение. Возможно, мысли Павла обратились опять к Седраху, Мисаху, Авденаго и к раскаленной печи (*Дан. 3*). Еще вероятней, что он вспомнил об известном в Афинах памятнике, названном "Индийская гробница". Один индеец подверг себя публичному самосожжению на погребальном костре и велел выгравировать на памятнике хвастливую надпись: "Зармано-шегас, индеец из Баргосы, по индийской традиции обессмертил себя и похоронен здесь". Может быть, он даже думал о тех христианах, которые сами искали мученичества. Если человек из чувства гордости отдает свою жизнь за Христа, то даже такое мученичество бессмысленно. Не цинично здесь и напомнить, что многие деяния, выглядевшие как самопожертвование, были вызваны чувством гордости, а не преданностью. Едва ли есть в Писании еще такой отрывок, который требует от благочестивого человека такого серьезного самоанализа.

4-7

Природа христианской любви (1 Кор. 13,4-7)

Любовь *долготерпит*. Соответствующее греческое слово (*макрофумет*), употребляемое в Новом Завете, всегда означает терпение в отношениях с людьми, а не терпение в определенных обстоятельствах. Христом говорил, что это слово применимо к несправедливо обиженному человеку, который мог бы легко отомстить за обиду, но все же не делает этого. Оно характеризует человека, в котором трудно вызвать гнев и это присуще Самому Богу в Его отношениях с людьми. В наших отношениях с людьми, сколь бы упрямыми и недобрыми они ни были и как бы оскорбительно они себя не вели, мы должны проявлять то же долготерпение, какое Бог проявляет к нам. Такое долготерпение - признак силы, а не слабости; это не пораженчество, а скорее единственный путь к победе. Фоздик говорил, что никто не относился к Линкольну с таким презрением, как Стэнтон, называвший Линкольна "низким коварным клоуном". Он дал ему кличку "подлинная горилла" и говорил при этом, что Дю Шэлю поступил неразумно, отправившись в Африку и исколесив ее, чтобы поймать гориллу. Эту гориллу, говорил Стэнтон, можно было просто найти здесь в Америке, в Спрингфилде, в штате Иллинойс. Линкольн ничего не ответил. Он только назначил Стэнтона министром обороны, потому что он лучше всех знал это дело. Прошли годы. В ночь, когда Линкольн был убит в театре, в комнате, где положили тело президента, стоял тот же самый Стэнтон, и, смотря сквозь слезы на президента, говорил: "Здесь лежит величайший из руководителей, какого когда-либо видел мир". В конечном счете, победила долготерпеливая любовь.

Любовь *милосердствует*. Ориген считал, что это значит, что любовь "ласкова, мила ко всем". Джером же говорил о "добrote любви". Много в христианстве похвального, но без

доброты. Не было более религиозного человека, чем Филипп Второй Испанский. А ведь это он создал инквизицию, и думал, что служит Богу, убивая всех тех, кто думал не так, как он. Один из кардиналов заявил, что убийство и прелюбодеяние не идут ни в какое сравнение с ересью. В стольких людях живет дух критиканства. Ведь много благочестивых христиан стали бы на сторону правителей, а не на сторону Иисуса, если бы им пришлось решать дело совершившей прелюбодеяние женщины.

Любовь *не завидует*. Кто-то сказал, что люди делятся на два класса: "тех, кто уже миллионер, и тех, кто хотел бы стать миллионером". Существует два вида зависти. Одна из них жаждет того, что принадлежит другим; и такую зависть трудно изжить, потому что она есть нормальное человеческое чувство. Другой вид зависти хуже: она недовольна уже самим фактом, что другие имеют то, чего нет у нее; она не столь желает сама иметь эти вещи, сколько, чтобы другие не получили их. Это самое низкое свойство человеческой души.

Любовь *не превозносится*. Любви присуще определенное чувство самоунижения. Истинная любовь предпочтет согласиться с тем, что она недостойна, нежели претендовать на свои заслуги и достоинства. В одном из своих рассказов Барри описывает как Сентиментальный Том приходит домой к матери после успеха, достигнутого в школе, и говорит: "Мама, разве я не вундеркинд?" Некоторые люди любят так, как будто делают одолжение. Но истинно возлюбленный никогда не перестает удивляться тому, что его любят. Любовь пребывает в скромности, сознавая, что она никогда не сможет предложить возлюбленному в дар, что было бы достойно его.

Любовь *не гордится*. Наполеон всегда защищал святость домашнего очага и обязательство посещать церковные богослужения - но только для других. О себе же он говорил: "Я не такой человек, как все. Законы морали не применимы ко мне". Истинно великий человек никогда не думает о своей значительности. Карей, начавший жизнь сапожником, был одним из величайших миссионеров и, несомненно, одним из величайших лингвистов, каких когда-либо знал мир. Он перевел, по крайней мере, части Библии на тридцать четыре языка Индии. Когда он прибыл в Индию, на него смотрели с неприязнью и презрением. На одном из обедов, какой-то сноб, думая унижить его, обратился к нему в таком тоне, который мог слышать каждый: "Я полагаю, господин Карей, вы когда-то работали сапожником". "Нет, ваша светлость, - ответил Карей - я не был сапожником, я лишь чинил обувь". Он даже не претендовал на то, что он делал туфли, он лишь починял их. Никто не любит "важных" персон.

Любовь *не бесчинствует*. Примечательно, что в греческом языке для передачи *милосердия* (милость) и *обаяния* употребляются одни и те же слова. В христианстве есть люди, находящие удовольствие быть резкими и даже грубыми. В какой-то степени это выражение силы, но не обаяния. Лайтфут Дурбанский сказал об Артуре Ф. Симе, одном из своих студентов: "Куда бы он ни пошел, уже одно лицо его будет само по себе проповедью". Христианская любовь милосердна и она никогда не забывает об учтивости и такте.

Любовь *не ищет своего*. В конечном счете, в мире живут лишь две категории людей: одни всегда добиваются своих привилегий, а другие всегда помнят о своих обязанностях. Одних всегда беспокоит, что они должны получить от жизни; других всегда тревожит, чем они обязаны жизни. Если бы люди меньше заботились о своих правах и больше о своих обязанностях, то были бы решены почти все настоящие проблемы. Как только мы начинаем думать "о своем месте в жизни", мы уходим от христианской любви.

Любовь *не раздражается*. Значение этого состоит в том, что христианская любовь не сердится на людей, не раздражается при общении с людьми. Раздражение - всегда признак поражения. Когда мы выходим из себя, когда мы теряем над собой контроль, мы теряем все. Киплинг говорил, что, если человек не теряет головы, когда все другие потеряли ее и винят его во всем, и если он сам не проявляет ненависти к другим, когда его ненавидят - это лучшее испытание для человека. Человек, владеющий собой, может владеть всем.

Любовь *не мыслит зла*. Греческое слово *логиешфай*, (переведенное в Библии как мыслит), происходит из бухгалтерии. Оно означает заносить в гроссбух какой-нибудь факт, чтобы позже не забыть его. Именно так поступают очень многие люди.

В жизни очень важно научиться забывать то, что лучше забыть. Один писатель рассказывает о том, как "в Полинезии, где туземцы проводят много времени в сражениях и пирах, существует такой обычай, что каждый мужчина хранит остатки своей ненависти. К крышам своих хижин подвешивают они разные предметы, напоминающие им о причиненных им несправедливостях, действительных или воображаемых". Точно также многие люди пестуют свою ненависть, непрерывно подогревая и освежая ее в памяти; они до тех пор раздумывают о своих обидах, пока их уже невозможно забыть. Христианская любовь учит прощать и забывать.

Любовь *не радуется неправде*. Может быть, эту фразу было бы лучше перевести так, что любовь не радуется всему, что дурно. Ведь здесь не столько говорится о наслаждении от причиненного зла, которое ощущают многие, услышав что-нибудь унижительное о другом человеке. Странная особенность человеческой природы заключается в том, что мы предпочитаем слышать о неудачах других людей, нежели об их счастливой судьбе. Намного проще плакать с плачущими, нежели радоваться с радующимися. Христианская любовь свободна от этой человеческой злобы, радующейся дурным известиям о других.

Любовь *сорадуется истине*. Это не так просто, как может показаться. Бывают моменты, когда мы определенно не хотим, чтобы восторжествовала истина, еще чаще мы бы совсем не хотели слышать о ней. Христианская любовь не заинтересована скрывать истину; ей нечего утаивать и поэтому она радуется, когда побеждает истина.

Любовь *все покрывает*. Возможно, что это означает, что любовь не стремится выставить напоказ недостатки, проступки и ошибки других людей. Она скорее незаметно исправляла бы ошибки других, нежели осуждала бы их. Еще вероятней определение, что любовь может выносить любое оскорбление, обиду или разочарование. Этот стих определяет любовь, которая жила в сердце самого Иисуса.

Враги презрительно бранят,

Друзья во страхе отреклись.

Неутомим лишь Он прощать

Всем сердцем пламенной любви.

Любовь *всему верит*. Это определение имеет два значения:

1) *По отношению к Богу* оно значит, что любовь верит Богу на слово, может принять любое обещание, начинающееся со слова "Кто бы ни", и говорит: "Это для меня". 2) *По отношению к нашим братьям* оно означает, что любовь всегда верит в лучшее о человеке. Часто бывает так, что мы делаем людей такими, какими мы их считаем. Если люди чувствуют, что мы не доверяем им, мы можем сделать их ненадежными. Если же люди почувствуют, что мы доверяем им, они, вероятно, станут надежными. Когда Арнольд стал директором школы игры в регби, он установил новую методику обучения. До него в школе царила атмосфера террора и тирании. Арнольд собрал учеников и сказал им, что в будущем у них будет больше свободы и меньше порки. "Вы свободны, - сказал он, - но у вас есть чувство ответственности - вы хорошо воспитаны и порядочны. Я решил предоставить вас в большей степени самим себе и вашей чести, потому что я полагаю, что постоянная опека, наблюдение и подсматривание лишь разовьет в вас холопский страх, с которым после окончания школы вы не будете знать, как самостоятельно жить". Ученики едва смогли поверить этому. Когда он вызывал их к себе, они продолжали приводить старые отговорки и лгать. "Ребята, - сказал он, - если вы так говорите, то оно так и есть - я верю вам на слово". Но пришло в школе время, когда ученики стали говорить: "Стыдно лгать Арнольду: ведь он

всегда верит нам". Он доверял им, что способствовало развитию благородных характеров в них. Любовь облагораживает даже подлого человека, если она надеется на лучшее.

Любовь *на все надеется*. Иисус верил, что нет безнадежных людей. Адам Кларк стал одним из великих теологов, но в школе он слыл за тупого. Однажды школу посетил почтенный гость. Учитель, указывая на Адама Кларка, сказал: "Это самый глупый ученик в школе". Прежде чем покинуть школу, посетитель подошел к Кларку и дружелюбно сказал: "Ничего, мой мальчик, может быть, когда-нибудь ты будешь великим ученым. Не унывай, а старайся, и не прекращай стараться". Учитель потерял надежду, но посетитель надеялся, и - кто знает? - может именно это слово надежды и помогло Адаму Кларку стать тем великим теологом, которым он со временем стал.

Любовь *все переносит*. Глагол *хипоменеин* - одно из великих греческих слов. Обычно его переводят как *переносить* или *терпеть*, но смысл его заключается не в пассивном терпении, а в том, чтобы перенести, преодолеть, быть в состоянии победить и преобразовать. Этот глагол определяли как мужественное постоянство, подвергающееся серьезному испытанию. Джорж Матесон, потерявший зрение и разочаровавшийся в любви, написал в своей молитве, что он желает принять волю Божию "не с тупой покорностью, а в святой радости; не только без ворчания, а с хвалебной песней". Любовь может перенести все не с пассивной покорностью, но с торжествующей стойкостью, потому что она знает, что "рука Отца никогда не заставит свое дитя плакать незаслуженно".

Остается сказать лишь одно: если мы посмотрим на любовь, как ее обрисовал Павел, то мы увидим, все ее качества воплощены в жизни Иисуса.

8-13

Превосходство любви (1 Кор. 13,8-13)

1) *Ее абсолютную неизменность*. Когда все, чем человек дорожит, исчезает, остается любовь. В одном из самых прекрасных стихов *Книги Песни Песней* 8,7 говорится: "Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее". Лишь одна любовь непобедима. И это одно из главных оснований для веры в бессмертие. Когда любовь вдохновляет жизнь, она устанавливает связь, против которой бессильны все трудности жизни и смерти.

2) *Ее абсолютное совершенство*. Видимый нами мир отражается в нашем сознании как сквозь тусклое стекло. Коринфян это еще более наводило на размышления, чем нас: Коринф славился изготовлением зеркал. Но современное зеркало с его прекрасным отображением появилось только в тринадцатом столетии. Коринфские зеркала изготавливались из тщательно полированного металла, и поэтому, даже его лучшие экземпляры давали лишь несовершенное отображение. Высказывались предложения, что эта фраза означает, что мы видим все как сквозь окно из рога. В те времена так делались окна, и через них можно было видеть лишь неясные и расплывчатые очертания. В действительности же у раввинов существовало поверье, что через такое окно Моисей видел Бога.

Павел считает, что в этой жизни мы видим лишь отражение Бога и многое представляется нам таинственным и загадочным. Мы видим это отражение Божие в мире Божием, потому что созданное творение всегда говорит нам нечто о его создателе, творце; мы видим Его в Евангелии, и мы видим Его в Иисусе Христе. Даже, если мы получили в Иисусе Христе законченное откровение, наш ищущий ум может понять лишь часть, ибо конечное никогда не сможет понять бесконечное. Наше знание все еще подобно знанию ребенка.

Без любви мы никогда не достигнем этого дня, ибо Бог есть любовь, и лишь тот, кто любит, может видеть Его.

3) *Ее абсолютное превосходство*. Как ни велики вера и надежда, любовь все же больше их. Вера без любви холодна, а надежда без любви мрачна. Любовь - огонь, зажигающий веру, и свет, обращающий надежду в уверенность .

Глава 14

1-19

Ложное и подлинное богослужение (1 Кор. 14,1-19)

Но в церкви хочу *лучше* пять слов сказать умом моим, чтоб и других наставить, нежели тьму слов на *незнакомом* языке.

Эту главу трудно понять, потому что в ней идет речь о чуждом для большинства из нас феномене. Во всей главе Павел проводит сравнение двух духовных даров.

Это, во-первых, *говорить на незнакомых языках*. Этот феномен был очень широко распространен в ранней церкви. Человек возбуждался до исступления и в таком состоянии изливал бесконтрольно поток звуков на непонятном языке. Если кто-нибудь не растолковывал значения этих звуков, никто не имел представления, что они значили. Как бы странным это ни показалось нам, в раннехристианской церкви этот дар вызывал зависть у многих. Но он был опасен. Хотя, с одной стороны, он мог считаться ненормальным, им восхищались, что могло развить в человеке, обладавшем таким даром, особую духовную гордыню. С другой стороны, само желание обладать этим даром развивало, по крайней мере, у некоторых из них, своего рода самогипноз и умышленно вызванные истерики, сопровождавшиеся ложным говором на искусственном языке. Способности говорить на незнакомых языках, Павел классифицирует как дар *пророчества*. В своем тексте Барклай употребил вместо слова пророчества синоним предсказание, чтобы немного облегчить это сложное место. В данном случае, да, собственно, и всегда, это слово не указывало на предсказания будущего. Оно означало пересказ воли и вести Божией. Мы уже говорили, что слово проповедовать очень близко передает это значение, но в данном случае мы предпочли его буквальное значение: *вещать, передавать дальше весть*.

Этот отрывок Павел целиком посвящает проблеме опасностей, связанных с даром говорить на незнакомых языках; он говорит о превосходстве дара возвещения истины доступным для всех способом. Лучше всего будет проследить направление мысли Павла, анализируя этот отрывок.

Павел начинает с утверждения, что вещание на непонятных языках обращено к Богу, а не к людям, ибо люди не могут понять их. Человек, обладающий таким даром и пользующийся им, может обогатить свой духовный опыт, но он никоим образом не обогащает души слушателей, потому что они его не понимают. С другой же стороны, возвещение истины понятно каждому и обогащает душу каждого.

Далее Павел приводит определенные иллюстрации и аналогии. Он намерен прийти к коринфянам, но если он придет к ним и будет говорить на непонятном языке, не будет из этого проку. Ведь они и знать не будут, о чем он будет говорить. Взять, к примеру, музыкальный инструмент. Если соблюдаются правила гармонии, на нем можно сыграть мелодию: но если эти правила не соблюдаются, получится какофония. Если труба играет правильный сигнал, она может призвать людей к атаке, к отступлению, ко сну, к подъему. Но, если она издает беспорядочный набор бессмысленных звуков, никто не поймет, что делать. В мире много разных звуков, но, если встречаются два человека, не знающих языка друг друга, то им эти языки покажутся тарабарщиной и бессмыслицей.

Павел не отрицает существования дара говорить на незнакомых языках. Никто также не может утверждать, что Павел ополчается против этого дара. Но он настаивает на том, что ценить нужно только такой дар, который приносит пользу всей церкви, и поэтому дар говорить на незнакомых языках будет пустым метанием бисера, если смысл не будет внятно растолкован. Говорит ли человек, молится ли он, поет ли он, он должен делать это не только своим духом, но и своим *умом*. Человек должен сам знать, что происходит, и другие должны быть в состоянии понять его. И поэтому Павел приходит к прямому заключению, что в

христианской церкви лучше произнести несколько вразумительных предложений, нежели поток невразумительных звуков.

Из этого трудного места можно вывести несколько ценных истин.

В стихе 3 сжато изложена вся цель проповеди. Она тройкая: 1) Всякая проповедь должна *назидать*, то есть углублять знания человека о христианской истине, и развивать его способность вести христианский образ жизни. 2) Она должна *увещевать* (у Баркляя - ободрять). В каждой группе людей есть чем-то подавленные люди. Мечты не сбылись, все усилия принесли лишь скромные плоды. Весь процесс выявил лишь на одни недостатки. В христианском братстве человеку всегда можно найти утешения для сердца, и опору для руки. Об одном проповеднике говорили, что он проповедует так, будто объявляет о глубокой трещине морского дна в районе Исландии. Проповедь может начинаться с призыва к смирению, указывая человеку на его грех, но она окажется неудачной, если в конце ее человеку не напомнить о милосердии Божиим, которое может придать ему силы для борьбы с этими грехами и привести к победе. 3) Она должна *утешать*. "Еще не было дня, чтобы не было разбито сердце человеческое". Вергилий говорил о "слезах условий". В любой группе людей всегда найдется человек, обиженный жизнью. Среди христианских братьев он должен найти, чем утолить свои печали. Следует помочь ему возлить елей радости на печаль и найти хвалебное убранство его трудностям.

В стихе 5 Павел приводит то, что для него было основой и сущностью проповедования вообще: 1) Оно *прямое откровение Божие*. Никто не может говорить другим, если Бог не говорил с ним. Об одном великом проповеднике говорили, что он вновь и вновь умолкал, как бы прислушиваясь к чьему-то голосу. Людям или ученым мы передаем не осознанные или даже открытые нами истины, а лишь полученную нами истину. 2) Оно может дать *специальное знание*. Никто не может быть экспертом во всем, но каждый человек знает нечто особенное по определенному вопросу. Говорят, что каждый человек мог бы написать интересную книгу, если он просто-напросто совершенно откровенно изложил бы все, что пережил.

Жизненный опыт дает каждому из нас что-то специфическое, и самое убедительное проповедование заключается в свидетельстве о том, что мы уже считаем истинным. 3) Проповедование заключается в *возвещении истины*. В раннехристианской церкви первое проповедование заключалось в простом пересказе событий из истории Христа и христианства. Некоторые факты неоспоримы. "Расскажите мне о том, в чем вы убеждены, говорил Гете, "сомнений у меня достаточно". Как бы мы ни заканчивали проповедь, начать же ее всегда лучше с фактов из жизни Христа. 4) Важное значение приобретает *учение*. Приходит время, когда человек спрашивает: "А что означают факты?" Уже потому, что мы мыслящие создания, религия неизбежно вовлекает нас в теологию. Вполне вероятно, что вера у многих ослабевает и преданность исчезает.

Из всего отрывка можно вывести два общих принципа христианского богослужения:

1) *Церковное богослужение никогда не должно быть проникнуто эгоизмом*. Все богослужение должно быть предназначено всем, справляться ради всех. Ни один человек, ведет ли он богослужение или принимает в нем участие, не имеет никакого права направлять его сообразно с личными предпочтениями. Он должен заботиться о благе для всех участвующих. Решающим вопросом для каждой части богослужения является: "Будет ли это на пользу *каждому!*" Неуместно спрашивать: "Смогу ли я проявить мое дарование?", а "Приведет ли это всех присутствующих ближе к Богу и сблизит ли оно их между собой?"

2) *Богослужение должно быть понятным*. Все великое просто: благородный язык, в сущности своей, самый простой язык. В конечном счете, только то, что удовлетворяет ум, может утешить сердце, и лишь то, что может понять ум, может укрепить меня на жизненном пути.

Следствия истинного и ложного богослужения (1 Кор. 14,20-25)

Павел продолжает рассуждать о даре говорить на незнакомых языках. Он призывает коринфян не быть детьми в поведении. Эта страсть к вещанию на незнакомых языках и их переоценке, в действительности, представляет собой детское хвастовство.

Далее Павел находит доказательство в Ветхом Завете. Мы уже неоднократно видели, как раввины, толкователи Ветхого Завета, - а Павел был в свое время образованным раввином, - могли находить в Ветхом Завете скрытое значение, которое первоначально в тексте отсутствовало. Павел приводит цитату из *Ис.* 28,9-12. Бог словами пророка грозит наказанием. Исаия проповедовал им на их родном еврейском языке, а они не слушали его. За их непослушание на их землю придут ассирийцы, победят их и захватят их землю и города, и тогда им придется слушать язык, который они совсем не понимают. Им придется слушать чуждый им язык своих победителей, говорящих непонятные вещи; и даже после такого ужасного переживания неверующие не обратятся к Богу. Павел делает из этого вывод, что говорить на незнакомых языках было предназначено жестокосердным и неверующим людям, что, в конечном счете, не приносило им никакой пользы.

Потом Павел употребляет очень практичный довод. Если какой-то чужой или простой человек пришел бы в общество христиан, где каждый изливал бы поток неразборчивых звуков, то он подумал бы, что он попал в сумасшедший дом. Но если в этом обществе будут трезво и здраво возвещать божественную истину, то это приведет к совершенно иному результату. Это поставит пришельца пред его собственной совестью и пред Богом.

Стихи 24 и 25 образно показывают, чего можно достичь, если понятным языком возвещать божественную истину, которая:

1) *убеждает человека в его греховности.* Человек видит, кто он и приходит в ужас. Алкивиад, испорченное дитя Афин, был другом Сократа и иногда говаривал: "Сократ, я ненавижу тебя, потому что каждый раз, когда я вижу тебя, ты заставляешь меня осознать, кто я". "Подойдите, - сказала самарянка, - посмотрите Человека, Который сказал все, что я сделала" (*Иоан.* 4,29). Первым делом благовествование Божие показывает человеку, что он грешник.

2) *осуждает человека.* Грешник осознает, что ему придется отвечать за совершенное. До этого он жил, не думая о том, чем кончится его жизнь. Возможно, он слепо следовал ежедневным побуждениям, и срывал цветы удовольствия. Теперь же он видит, что все имеет конец, в том числе и человеческая жизнь.

3) *обнаруживает тайны сердца.* В свое сердце мы смотрим в последнюю очередь. Как говорится в пословице: "Нет слепее того, кто не хочет видеть". Христианское благовествование дает человеку опаляющую смиренную честность, которая выведает сердце и покажет ему себя.

4) *побуждает человека пасть ниц и поклониться Богу.* Христианство начинается с того, что человек становится пред Богом на колени. Врата в присутствие Бога столь низки, что мы можем войти в них лишь опустившись на колени. Человек, узревший Бога и увидевший себя, опустится на колени с молитвой: "Боже, прости меня грешного".

Критерием оценки действия богослужения является: "Дает ли оно нам ощущение присутствия Бога?" Джозеф Твитчел рассказывает, как он навещал Горация Бушнела, когда тот был уже старцем. Вечером Бушнел пошел с ним прогуляться к склону холма. Они шли в темноте, и вдруг Бушнел сказал: "Давайте преклоним колени и помолимся". И они помолились. Твитчел, рассказывавший впоследствии об этом, говорит: "Я боялся вытянуть руки в темноте, я думал, что я прикоснусь к Богу". Если мы ощущаем столь близкое присутствие Бога, мы действительно участвовали в богослужении.

Практический совет (1 Кор. 14,26-33)

Приближаясь к завершению этого отрывка, Павел дает практический совет. Он убежден в том, что обладающие тем или иным даром, должны иметь возможность проявить его; но он одинаково убежден и в том, что церковная служба не должна превращаться в беспорядочное соревнование. Лишь два или три человека могут проявлять свой дар говорить на незнакомых языках, и только в том случае, если кто-то может растолковать это вещание. Все обладают даром возвещать истину, но два или три человека должны проявлять его. Если кто-нибудь из сидящих убежден, что ему дано откровение особой важности, говорящий должен замолчать и дать ему возможность высказаться. Тот же, кто говорит, может продолжать, и нет смысла утверждать, что нашедшее на него вдохновение не даст ему возможности остановиться, ибо проповедник способен владеть своим духом. Надо соблюдать свободу, но не допускать беспорядка. Бога мира надо почитать в мирной обстановке.

Это самый интересный раздел всего послания, потому что он проливает свет на богослужение в раннехристианской церкви. Несомненно, оно отправлялось намного свободней и почти без формальных ограничений. При чтении этого места возникают два вопроса:

1) Совершенно ясно, что в раннехристианской церкви не было профессиональных священников. Правда, апостолы выделялись своей особой властью, но в этот период в каждой отдельной церкви не было своего профессионального священника. Каждый, обладавший необходимым для этого даром, мог проповедовать. Поступает ли церковь правильно, назначая профессиональных проповедников, или же было бы лучше не делать этого? Очень важно, что во время высоких скоростей, когда люди столь заняты материальными вопросами, нужно, чтобы кто-то жил особой жизнью, был ближе к Богу, мог бы провозгласить людям божественную истину, и давать наставление и утешение, которое Бог дает ему. Но в этом заключается и очевидная опасность; ибо, став профессиональным проповедником, он должен что-то говорить и тогда, когда ему нечего говорить. Но, как бы то ни было, если какому-то другому человеку есть что сказать своим братьям, то никакие церковные правила не должны помешать ему в этом. Было бы ошибкой думать, что только профессиональный проповедник может приносить людям божественную истину.

2) Несомненно, в порядке раннего богослужения присутствовала определенная гибкость. Он был достаточно свободным, чтобы каждый чувствующий, что ему есть, что сказать своим братьям, мог сделать это. Может быть, мы придаем слишком большое значение ритуалу и стали рабами формального порядка отправления богослужения. Для раннехристианской церкви было характерно, - и это следует подчеркнуть, - что каждый, по-видимому, приходил на богослужения, зная и о своих привилегиях, и о своих обязанностях. Человек не приходил с единственным желанием присутствовать на богослужении как пассивный слушатель; он приходил не только чтобы воспринимать, но и чтобы поделиться. Понятно, что в этом заключалась определенная опасность, потому что в Коринфе были и такие, которые упивались звучанием собственного голоса. Может быть, церковь потеряла нечто, передав профессиональным проповедникам многие функции и оставив так мало простому христианину; вероятно и то, что виновен не столько проповедник за то, что он присвоил себе эти права, а миряне, которые отказались от них, ибо согласитесь, что многие думают больше о том, что общине следовало бы сделать для них, чем о том, что они могут сделать для нее. Они готовы порицать то, что делается, и вовсе отказываются от участия в выполнении задач церкви.

Запрещенные нововведения (1 Кор. 14,34-40)

Коринфской церкви грозили нововведения, которые Павлу не нравились. В сущности, он

спрашивает коринфян, являются ли они зачинателями христианской церкви? Обладают ли они истиной благовествования? Они унаследовали традицию, и надобно им соблюдать ее, говорит Павел.

Не было еще человека, который бы перерос век, в котором он жил, или общество, в котором он вырос. Павел, в своей концепции о месте женщины в Церкви, оставался верным идеям своего времени, с которыми он прожил всю жизнь.

Мы уже говорили о низком положении женщины в древнем мире. Представитель греческого мира Софокл сказал: "Молчание прилично женщине". Женщины, если они не были очень бедны или распущены, вели в Греции очень замкнутую жизнь. Иудеи еще менее ценили женщину. Среди афоризмов раввинов было много таких, которые говорят о месте женщины в иудейском мире: "Обучать женщину закону, то же, что учить ее безбожию". Или "учить женщин закону, это все равно, что бросать жемчуга пред свиньями". В перечне мировых язв Талмуд приводит "болтливую и назойливую вдову и девицу, растрачивающих время в молитвах". Запрещалось говорить с женщинами на улице. "Не следует просить женщину об услуге или приветствовать ее".

Для такого общества написал Павел приведенные выше строки. По всей вероятности Павла более всего волновала проблема слабости моральных устоев в Коринфе и забота о том, чтобы не было допущено то, что навлекло бы подозрения на еще неокрепшую церковь. Было бы, несомненно, неправильно читать эти слова вне исторического контекста и рассматривать их как универсальное правило для церкви.

Павел далее продолжает говорить несколько более строгим тоном. Он убежден в том, что, даже если человек наделен духовными дарами, это не дает ему права бунтовать против власти. Павел сознавал при этом, что данные им советы и установленные им правила были даны ему Иисусом Христом и Его Духом, и если кто отказывается понимать их, того следует оставить в его своенравном невежестве.

В конце главы Павел поясняет, что не намерен ущемлять чьи-либо дарования; но он страстно желает, чтобы в церкви был порядок. Он излагает здесь важное правило, что человек получает дар от Бога, не для личного блага, а для блага церкви. Лишь когда человек за все может сказать: "Слава Богу", он употребит свое дарование с полным правом как в церкви, так и вне ее пределов.

Глава 15

1-11

Воскресение Христа и наше воскресение

Пятнадцатая глава первого Послания к Коринфянам является одновременно одной из самых важных и трудных глав Нового Завета. Она трудна и сложна не только сама по себе, но в ней также вводится в христианское вероучение фраза, подтверждение которой представляет для многих большие трудности, потому что мы, главным образом, из этой главы выводят теорию *о воскресении тела*. Глава эта будет менее трудной, если мы изучим ее на фоне исторических условий. Тогда смысл ее станет ясен, и мы поймем, что же Павел под этим подразумевал. Поэтому, прежде чем приступить к изучению главы, надобно обратить внимание на следующие предпосылки:

1) Важно помнить, что коринфяне отрицали не воскресение Иисуса Христа, а воскресение тела. Павел настаивает на том, что человек, отрицающий воскресение тела, отрицает воскресение Иисуса Христа. Тем самым, он выхолащивает из христианского благовествования его истину, а из христианской жизни - ее реальность.

2) Всякая раннехристианская церковь развивалась на фоне двух исторических цивилизаций, потому что в каждой церкви были иудеи и эллины.

Во-первых, фон иудейского мировоззрения. Саддукеи всегда отрицали жизнь после смерти. Следовательно, одно направление иудейского мировоззрения полностью отрицало и бессмертность души, и воскресение тела (*Деян. 23,8*). В Ветхом Завете почти безнадежно искать что-либо, что можно было бы назвать жизнью после смерти. Согласно общей вере по Ветхому Завету, все люди без различия уходили после смерти в шеол. Шеол, который часто неправильно переводят как ад, представлял собой, по убеждению иудеев, мрачную страну, находящуюся в преисподней, где мертвые жили в мире теней, без света, изолированные от людей и Бога. Ветхий Завет полон этого мрачного, унылого пессимизма по поводу того, что ждет человека после смерти.

"Ибо в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя?" (*Пс. 6,6*).

"Что пользы в крови моей, когда я сойду в могилу? будет ли прах славить Тебя? будет ли возвещать истину Твою?" (*Пс. 29,10*).

"Разве над мертвыми Ты сотворишь чудо? Разве мертвые встанут и будут славить Тебя?

Или во гробе будет возвещаемая милость Твоя, и истина Твоя - в месте тления?

Разве во мраке познают чудеса Твои, и в земле забвения - правду Твою?" (*Пс. 87,11-13*).

"Не мертвые восхвалят Господа, ни все нисходящие в могилу" (*Пс. 113,25*).

"Ибо не преисподняя славит Тебя, не смерть восхваляет Тебя, не нисшедшие в могилу уповают на истину Твою" (*Ис. 38,18*).

"Отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться, прежде нежели отойду, и не будет меня" (*Пс. 38,14*).

"Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву.

Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают . . .

Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости" (*Екк. 9,4-5,10*).

"Кто будет восхвалять Всевышнего в аде?" (*Сир. 17,24*).

"Не мертвые в аде, которых дух взят из внутренностей их, воздадут славу и хвалу Господу" (*Вар. 2,17*).

Дж. Мак-Фадьен, знаменитый исследователь Ветхого Завета, говорил, что отсутствие уверенности в бессмертии у людей Ветхого Завета обусловлено "силой, с которой они постигали Бога в этом мире". И он продолжает: "Во всей долгой истории религии мало столь удивительных фактов, подобных этому. В течение столетий люди вели самый благородный образ жизни, выполняли свой долг и переживали свои печали без надежды на будущее воздаяние, ибо всякий раз, когда они выходили из дому или входили в него, они были совершенно уверены в существовании Бога".

Правда, в Ветхом Завете есть несколько мимолетных представлений о грядущей жизни. Были моменты, когда человек чувствовал: если Бог есть Бог, то должно быть что-то, что переменяло бы суровый приговор этого мира. Так, например, Иов восклицает:

"А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний

день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию;

И я во плоти моей узрю Бога.

Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого,

увидят Его. Истаивает сердце мое в груди моей!"

(Иов. 19,25-27).

Действительные чувства святого выражались в том, что и в этой жизни человек может вступить с Богом в такие близкие отношения, что даже смерть не сможет разорвать их.

"Даже и плоть моя успокоится в уповании;

Ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление.

Ты укажешь мне путь жизни: полнота радостей пред лицом твоим, блаженство в деснице Твоей вовек" (Пс. 15,9-11).

"Ты держишь меня за правую руку.

Ты руководишь меня советом Твоим, и потом примешь меня в славу" (Пс. 72,23-24).

Но верно также и то, что в Израиле постепенно развивалась надежда на бессмертие. Этому способствовало два фактора:

а) Израиль был избранным народом, но его история представляла собой непрерывную цепь отступлений. Возникало чувство, что должен быть еще и другой мир, который установил бы справедливость и как-то возместил бы людям за непрерывные несчастья.

б) Надо отметить, что в течение столетий отдельный человек почти не существовал. Бог был Богом народа, а отдельный человек был лишь его частью, не имевшей большого значения.

Но с течением времени религия стала принимать все более и более личный характер. Бог стал не Богом народа, а личным другом каждого человека. Люди стали инстинктивно и неясно чувствовать, что, коль скоро человек знает Бога и Он знает его, то их соединяли такие отношения, которых и смерть не в силах разрушить.

3) Обращаясь к античному эллинскому миру, надо обратить внимание на тот факт, который и является фоном всей пятнадцатой главы: эллины инстинктивно боялись смерти. Еврипид писал: "Но и смертные, обремененные бесчисленными несчастьями, все же любят жизнь". Они жаждут прихода каждого нового дня, рады переносить все им уже известное, нежели встретить смерть - неизвестное" (*Фрагмент* 813). Но, в общем эллины и все, находившиеся под влиянием эллинской (греческой) философии, верили в бессмертность души. Но бессмертность души, в их представлении, следовала полному разложению тела.

У эллинов была поговорка "тело - могила". Один из эллинов выразился так: "Я - бедная душа, прикованная к телу". "Мне было приятно, - говорил Сенека, - исследовать о вечности души - да и верить в нее. Я предался этой чудной надежде". Но Сенека также говорил: "Когда придет день, который разделит эту смесь божественного и человеческого здесь, где я нашел ее, я оставлю свое тело, а себя я верну богам". Эпиктет пишет: "Когда Бог не дает необходимого, Он дает сигнал к отступлению. Он открывает дверь и говорит тебе: "Приди!" Но куда? Туда, где вовсе не страшно; туда, откуда ты пришел; к тому, что дорого и близко тебе, - к элементам. Бывший в тебе огонь пойдет к огню, земля к земле, вода к воде". Сенека говорит о веществах, которые при смерти "разлагаются на свои элементы". Для Платона "тело - антитеза души; тело - источник всех человеческих слабостей в противоположность тому, что само по себе способно к независимости и к доброте". Лучше всего это можно видеть в учении стоиков. Бог был огненным духом, более чистым, чем что-либо на земле. Божественная искра, приходившая в тело человека и поселявшаяся в нем, давала, по стоикам, человеку жизнь. Когда человек умирал, его тело просто-напросто распадалось на составные элементы. Божественная искра возвращалась к Богу и воссоединялась с божественным, частью которого она была.

Для эллинов бессмертность как раз и заключалась в том, чтобы избавиться от тела. Для них мысль о воскресении тела была невозможной. Личного бессмертия не могло быть, поскольку то, что давало человеку жизнь, вновь воссоединялось с Богом, первоисточником всего

живого.

4) Точка зрения Павла совершенно иная. Если мы начнем с одного чрезвычайно важного факта, то все остальные станут ясными. Христианская вера исповедует, что после смерти человеческая индивидуальность не погибает: я останусь я, а ты останешься ты. Рядом с этим нужно поставить и другой важный факт. В представлении эллина тело не могло быть освящено: для него оно материя, вещество, источник всех зол, тюрьма для души. Но для христианина тело не есть зло. Иисус, Сын Божий, воплотился в образ человеческий, и оно не может быть презираемо, потому что в нем жил Бог. Для христианина, поэтому, грядущая жизнь обязательно включает сохранение тела и души.

Но легко превратно толковать и в карикатурном виде изображать доктрину о возрождении тела. Цельсий, живший в 220 г., жестокий противник христианства, уже делал это. "Как могут умершие встать с их подлинными телами? - спрашивал он, - это, действительно, надежда червя! Зачем бы человеческой душе вновь желать истлевшего тела?" Легко привести пример человека, раздавленного в аварии или умершего от рака.

Но Павел никогда не говорил, что мы воскреснем с теми же телами, с которыми умерли. Он утверждал, что у нас будет духовное тело. Имел же он в виду, что человеческая *личность* бессмертна. Почти невозможно представить себе человеческую личность без тела, ибо именно через тело проявляется личность. Павел утверждает, что человеческая личность остается после смерти. Он не разделял присущее эллинам презрение к человеческому телу, а верил в воскресение всего человека. Он все еще останется самим собой. Как личность он не умрет. Вот что Павел подразумевает под воскресением тела. Все, что входит в тело и душу, не умрет, а переживет; но, в то же время, все будет иным, новым, и тело, и дух будут также отличаться от тех, какими они были на земле, ибо тогда все будет божественным.

Воскресший Господь (1 Кор. 15,1-11)

Павел повторяет благие вести, которые он раньше проповедовал в Коринфе. Это были вести, которые были прежде переданы ему о воскресенном Господе.

В стихах 1 и 2 он приводит чрезвычайно интересные моменты относительно этих благих вестей:

1) Коринфяне *приняли* их. Никто никогда не придумывал Евангелия для себя. Оно принимается на веру. В этом, собственно, и сущность церкви. Церковь является хранителем и комментатором этой благой вести. Как сказал один отец церкви: "Никто не может назвать Бога Отцом, если церковь не является его матерью". Благоую весть человек воспринимает в кругу собратьев.

2) Во-вторых, коринфяне в этом благовествовании *утвердились*. Первое предназначение благовествования заключается в том, чтобы человек получил прочную устойчивость. В скользком и нестабильном мире оно давало человеку возможность устоять. В полном соблазнов мире оно придавало верующему стойкость. Во время гонений оно давало человеку способность выносить духовные и физические страдания и не сдаваться. Моффат так переводит *Иов. 4,4*: "Слова Твои удерживали людей на ногах". Именно это и делает Евангелие.

3) Евангелием коринфяне *спасаются*. Интересно отметить, что в греческом языке здесь употреблено настоящее время, а не прошедшее. Спасение идет от силы в силу. Это не то, что совершается в этом мире. Многое в своей жизни может пережить человек, но спасение - это то, что человек никогда не может исчерпать.

4) Следует *держаться* Евангелия всеми силами. Враг неоднократно пытается отнять у нас веру. С нами и с другими людьми происходят дела, которые ставят нас в тупик. В жизни возникают, казалось бы, непреодолимые проблемы и неразрешимые вопросы. Жизнь имеет свои темные места, где, казалось бы, не остается ничего иного, как настаивать на своем. Вера

дает всегда *победу*, победу души, прочно удерживающей неразрывную связь с Богом.

5) В Евангелие нельзя уверовать случайно. Вера, которая рушится, - это вера, не продумавшая и не уяснившая себе всех моментов бытия. Для очень многих из нас вера - нечто поверхностное. Мы принимаем многие вещи без глубокого их осмысления, только потому, что нам о них говорят и мы пользуемся ими как расхожей монетой. Если мы глубоко бы продумали все, то может быть, нам пришлось бы от много отказаться; но то, что останется - уже настолько наше, что ничто не сможет отнять его у нас.

В перечне явлений Воскресшего Господа особенно интересны два:

1) Явление *Петру*. В самых ранних записях истории воскресения, юноша у пустого гроба говорит: "Но идите, скажите ученикам Его и Петру" (*Мк.* 16,7). В *Лук.* 24,34 ученики говорят: "Господь истинно воскрес и явился Симону". Удивительно, что одно из первых явлений воскресшего Господа было Петру, отрекшемуся от Него. В этом все чудо любви и милосердия Иисуса Христа. Другие возненавидели бы Петра навсегда, а единственным желанием Иисуса было вновь поставить на ноги этого заблудшего ученика. Петр причинил зло Иисусу, а потом выплакал свое сердце, и единственным желанием изумительного Иисуса было утешить его в его муках о неверности. Любовь уже не может больше делать, чем думать более о страданиях человека, причинившего зло, нежели о боли, которую этот поступок причинил ему самому.

2) Явление *Иакову*. Несомненно, что Иаков - брат Господа нашего. Из Евангелия ясно, что собственная семья Иисуса не понимала Его и была даже враждебно настроена к Нему. В *Мар.* 3,21, сказано, что они действительно хотели его как-то изолировать, потому что считали Его безумным. В *Иоан.* 7,5 сказано: "Ибо и братья Его не верили в Него". Одним из самых ранних евангелий, которому не удалось попасть в Новый Завет, является Евангелие, составленное иудеями. Сохранились лишь фрагменты из него. Один из фрагментов, изложенный Иеронимом, гласит: "Когда Господь отдал покров слуге священника, Он вошел к Иакову и явился ему (потому что Иаков поклялся, что он не будет есть хлеб с того часа, когда он испил чашу Господню, до того, как он увидит Его, воскресшим из обители спящих.)" И далее: "Иисус подошел к Иакову и сказал: "Принеси ты стол и хлеб". И он взял хлеб и благословил его и преломил его и дал его Иакову Справедливому и сказал ему: "Брат мой, ешь свой хлеб, ибо Сын Человеческий воскрес из обители спящих". Мы можем лишь предполагать, что за этим скрывается. Может быть, что в последние дни презрение Иакова переросло в удивление и восхищение, и поэтому, когда пришел Его конец, его настолько мучили угрызения совести за свое прежнее обращение с братом, что он решил лучше умереть голодной смертью, если Он не придет и не простит его. И здесь вновь перед нами пример изумительного милосердия и любви Христа. Он явился, чтобы принести мир и утешение печальной душе человека, который называл Его безумным и был его противником.

Тот факт, что воскресший Иисус сначала явился людям, обидевшим Его и потом сожалеющим об этом, является, пожалуй, одним из самых трогательных во всем Евангелии. Иисус встречает раскаявшееся сердце намного дальше, чем на половине дороги.

Наконец, в этом отрывке ярко отражен характер самого Павла. То, что Иисус явился и ему, Павел ценил превыше всего в мире. Этот факт явился одновременно и поворотным пунктом в его жизни и исходным моментом его жизни. Стихи 9-11 говорят нам многое о нем.

1) Они говорят нам о его крайнем *смирении*. Он - наименьший из апостолов. Ему была дана благодать, которой он считал себя недостойным. Павел никогда не претендовал на то, что он всего достиг сам. Но благодатью Божиею он стал тем, чем он стал. Он, возможно, подвергался и насмешкам. Можно подумать, что он был невысокого роста и некрасив (*2 Кор.* 10,10). Может быть также, что иудеи-христиане, желавшие подчинить новообращенных христиан закону, и ненавидевшие его учения о свободном милосердии, заявляли, что он не родился свыше, а родился недоношенным. Павел же сам считал себя столь недостойным, что

ничто, сказанное людьми, не могло оскорбить его. Чарльз Гор сказал однажды: "Бросая общий взгляд на нашу жизнь, мы редко можем сказать, что мы страдали незаслуженно". Именно такого мнения был Павел. В нем не было той гордыни, которую возмущают критические замечания и насмешки людей, а была та скромность, считавшая, что он заслуживает их.

2) Но одновременно эти стихи говорят нам о том, что *он знал себе цену*. Он знал, что он более всех потрудился. В нем не было ложной скромности. Но, даже в этом случае, он всегда говорил не о том, что сделал он, а о том, что Бог ему дал возможность сделать.

3) Эти стихи говорят о *его чувстве братства*. Он не рассматривал себя как изолированное явление, как человека, обладавшего уникальной вестью. Он сам и другие апостолы проповедовали одно Евангелие. В нем было величие, тесно связывавшее его с христианским братством. Но величие, отделяющее человека от братьев, всегда наносит ущерб.

12-19

Если Христос не воскрес (1 Кор. 15,12-19)

Павел атакует главный аргумент своих противников. Они просто-напросто заявляли: "Мертвые не могут воскреснуть". На это Павел отвечает, что, если вы так говорите, то выходит, что и Иисус Христос не воскрес. А если это так, то и вся христианская вера тщетна.

Почему Павел считал веру в воскресение Иисуса Христа столь важной? Какие особенные ценности и истины находятся в ней? Вера в воскресение является доказательством четырех важных фактов, которые могут иметь решающее влияние на жизнь человека в этом и в грядущем мире.

1) Воскресение доказывает, что *истина сильнее лжи*. Согласно четвертому Евангелию, Иисус сказал своим врагам: "А теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего истину" (Иоан. 8,40). Иисус пришел с истинной идеей о Боге и добре; его враги же добились Его смерти, потому что они не хотели, чтобы их лживая точка зрения была разрушена. Если бы они преуспели в том, чтобы окончательно уничтожить Его, ложь оказалась бы сильнее истины. Однажды граф Мортон, правитель Шотландии, пригласил Андрию Мелвилла, знаменитого вождя реформации и заявил ему: "В этой стране никогда не будет покоя, пока не будут повешены или изгнаны из страны полдюжины из ваших". "Помилуйте, сударь! - ответил Мелвилл, - угрожайте так вашим придворным, мне все равно, сгнию ли в воздухе или в земле. Но, слава Богу, не в вашей власти повесить или изгнать Его истину. Воскресение Христово - окончательная гарантия несокрушимости истины".

2) Воскресение доказывает, что *добро сильнее зла*. Приведем опять же цитату из четвертого Евангелия. В ней Иисус говорит своим врагам: "Вам отец диавол" (Иоан. 8,44). Силы зла распяли Иисуса, и если бы не было воскресения, они бы восторжествовали. Крупный историк Дж. А. Фрауд писал: "Один урок, и лишь один, можно сказать, ясно повторяет история: мир все же построен на таких моральных принципах, что, в конечном счете, благородным будет хорошо, а порочным будет плохо". Но если бы Воскресения Христова не было, то этот самый принцип был бы подвергнут опасности, и мы никогда более не могли бы быть уверены в том, что добро сильнее зла.

3) Воскресение доказывает, что *любовь сильнее ненависти*. Иисус был воплощенной любовью Бога.

Снизошла на Рождество Любовь,

Любви всех прекрасней, божественная Любовь.

С другой стороны, поведение людей, добивавшихся Его распятия, характеризовалось жестокой ненавистью, столь отчаянной, что в конце они посмели приписать Его милосердие и миловидность дьявольской силе. Если бы не было воскресения, то, в конечном счете,

победила бы человеческая ненависть над любовью Бога. Воскресение Христово является триумфом любви над всем, что ненависть могла свершить. В следующем стихотворении изложена суть всего дела:

Я слышал двух воинов говор,
Как с Голгофы сходили они,
С уныло-кровавой Голгофы,
Холодной, безмолвной в тени.
Злословил один: "Уже поздно,
А злодеи еще живы".
Сказал другой: "Мне так страшно.
Что не знаю уж как и быть..."
Услышал я плачущих женщин,
Как с Голгофы дорогою шли;
Одна, убитая горем,
Другая выбилась из сил.
Сказала одна: "Непонятно,
Что злодейски Его распяли".
Вторая рыдала сквозь слезы:
"Мой Сын, мой Сын, о мой Сын".
Я слышал двух ангелов пенья,
Как с небес нисходили к земле
В блистающих одеждах,
В сиянье венцы на заре.
Заводил один: "Где же жало
Твое, о смерть, говори!"
А другой: "Воскрес из мертвых Иисус Христос,
Ликуйте, народы земли!"

Воскресение Христово является окончательным доказательством того, что любовь сильнее ненависти.

4) Воскресение доказывает, что *жизнь сильнее смерти*. Если бы Иисус умер, чтобы никогда не воскреснуть, это доказало бы, что смерть может взять самую прекрасную и блаженную жизнь, и уничтожить ее. Во время Второй мировой войны одна церковь в Лондоне приготовилась к богослужению в связи с праздником Жатвы. В центре даров был сноп зерна. Богослужение никогда не состоялось, потому что ночью в субботу во время воздушного налета церковь была полностью разрушена. Прошли месяцы, наступила весна, и люди заметили, что на месте развалин, где когда-то стояла церковь, проросла зелень. Пришло лето, и ростки расцвели, а осенью на этом месте созрело зерно, выросшее среди булыжников. Даже бомбы и разрушения не смогли уничтожить ростки. Воскресение Христово является окончательным доказательством, что жизнь сильнее смерти.

Павел заявляет, что, если бы воскресения Христова в действительности не было, то христианское Евангелие было бы основано на лжи, а многие тысячи людей отдали бы жизнь

иллюзии, и что без воскресения Христова все великие ценности не гарантированы человеку. "Уберите воскресение Христово и вы одновременно разрушите как основу, так и структуру христианской веры", - утверждает Павел.

20-28

Первенец из умерших (1 Кор. 15,20-28)

Это тоже трудный отрывок.

Здесь говорится о Христе, как "о первенце из умерших". При этом Павел использует образы картины, известной каждому иудею. Праздник Пасхи имел несколько значений. Он напоминал об освобождении сынов Израилевых из египетского плена. Но Пасха была также и праздником Жатвы. Этот праздник выпадал как раз на время уборки ячменя. Закон гласил: "Принесите первый сноп жатвы вашей к священнику. Он вознесет этот сноп пред Господом, чтобы вам приобрести благоволение; на другой день праздника вознесет его священник" (*Лев. 23,10.11*). Несколько снопов ячменя должны быть сжаты на общем поле. Их нельзя было брать из сада, огорода или обработанной земли. Их нужно было собрать на обычном поле. Сжатый ячмень приносили в храм. Здесь его обмолачивали при помощи мягких палок, чтобы не повредить зерно. После этого он слегка поджаривался на перфорированной сковородке, чтобы каждое зернышко подвергалось прямому воздействию огня. После этого его провеивали, чтобы ветер унес мякину, после чего ячмень мололи в ячменной мельнице и муку приносили в приношение Богу. В этом смысл возношения снопа.

Важно отметить, что до тех пор, пока все это не было выполнено, нельзя было продавать и покупать в лавках, либо печь хлебы из муки нового урожая. Первые снопы являлись символом наступающей жатвы, а воскресение Иисуса было знаком будущего воскресения всех верующих. Так же как ячмень нового урожая не мог быть употреблен в пищу перед возношением первого снопа, так и жатва в новой жизни не могла сбыться до тех пор, пока Иисус не воскрес из мертвых.

Далее Павел пользуется в своем послании другой иудейской мыслью. В соответствии с *Быт. 3,1-19*, смерть пришла в мир именно через грех Адама, как его непосредственное следствие и наказание за него. Иудеи верили, "то все люди в буквальном смысле слова согрешили в Адаме - мы видим, что его грех может передаваться по наследству потомкам как склонность к греху. Как сказал Эсхил "Нечистое деяние оставляет после себя увеличенное потомство, сходное с родительским племенем". И как писал Джорж Элиот: "Наши деяния подобны детям, родившимся от нас; они живут и действуют, не считаясь с нашей волей. Они развиваются в нашем сознании и вне его, и их не уничтожишь".

Никто не станет отрицать, что ребенок может унаследовать склонность к греху, и за грехи отцов караются дети. Никто не будет также отрицать, что ребенок может унаследовать наказание отца, ибо мы слишком хорошо знаем, как физические пороки от аморальной жизни могут передаваться детям. Но иудей под грехом понимал больше этого. У него было чрезвычайное чувство солидарности. Он был убежден, что никто никогда не может сделать что-либо, что оказало бы влияние только на него самого. И он считал, что все люди согрешили в Адаме. Все население земного шара было в нем, когда он согрешил. Когда согрешил Адам, согрешили все.

Такое восприятие может показаться нам странным и несправедливым. Но так верили иудеи. Все согрешили в Адаме поэтому все подвергаются наказанию - смерти. С приходом Христа эта цепь была разорвана. Христос был безгрешен, и одолел смерть. И как все люди согрешили в Адаме, так они спаслись от греха во Христе. Как все люди умерли в Адаме, так они победили во Христе. Наше единство со Христом так же реально, как и наше единство с Адамом. Это уничтожает в нас грехи наших предков.

Таким образом, мы получаем две противоречащие друг другу цепи доводов. Во-первых:

Адам - грех - смерть. Во-вторых: Христос - прощение - жизнь. И так как мы были все соучастниками грехопадения человека, так мы все являемся соучастниками победы Того, Кто рожден свыше. Как бы мы ни расценивали такой образ мышления, для тех, кто впервые слышал его, он был убедительным; и если что-нибудь еще подвергается сомнению, то неопровержимо, что с Иисусом Христом в мир пришла новая сила, освобождающая людей от греха и смерти.

Стихи 24-28 звучат странно. Мы привыкли думать об Отце и Сыне, как о равных. Но здесь Павел ясно и умышленно подчиняет Сына Отцу. При этом он знает, что можно употреблять лишь человеческие понятия и аналогии. Бог возложил на Иисуса выполнение задания: победить грех и освободить человека. Настанет день, когда это задание будет полностью и окончательно выполнено, и тогда, выражаясь фигурально, Сын вернется к Отцу, как возвращающийся домой победитель, и торжество Бога будет полным. Это не значит, что Сын подчиняется Отцу как раб, или даже слуга хозяину. Это положение Того, Кто выполнил возложенное на Него задание и возвращается во славе венца совершенного послушания. И как Бог послал Своего Сына спасти мир, точно так же получит Он в конце спасенный мир. Тогда и на небе и на земле не будет ничего, вне Его любви и власти.

29-34

Если нет воскресения (1 Кор. 15,29-34)

Этот раздел опять начинается с трудного отрывка. Люди всегда недоумевали, что значит фраза "*для чего и крестятся для мертвых*", и даже до сих пор этот вопрос определенно не разрешен. Предлог *для*, в сочетании *для мертвых*, в греческом оригинале выражен через *хипер*. Обычно это слово имеет два главных значения. Если оно употребляется для обозначения места, оно означает "*ад*" или "*поверх*". Чаше же это слово употребляется с людьми или предметами, и обозначает "*вместо*" или "*от имени*". Зная это, посмотрим, как эту фразу понимали.

1) Начиная со значения "*над*" и "*поверх*", некоторые ученые предложили, что этот оборот относится к тем, *кто крестился над могилами мучеников*. Идея заключалась в том, что креститься на священной земле особенно важно при мысли о незримом облаке свидетелей вокруг них. Это привлекательная идея, но, когда Павел писал Послание к коринфянам, преследования и казни христиан еще не проводились в широком масштабе. Христиане, возможно, страдали от остракизма и социальных гонений, но время мучеников еще не пришло.

2) Во всяком случае, естественнее было бы читать *хипер* в значении "*вместо*" или "*от имени*". Если мы возьмем такое значение, то получим три возможности. Предполагают, что эта фраза относится к тем, *кто крестился, чтобы заполнить освободившиеся после смерти других места в общине*. Молодой христианин приходит в церковь подобно новобранцу, чтобы заменить ветерана, отслужившего свою службу и получившего заслуженное увольнение. В этом заключается важная мысль. Церкви всегда нужно пополнение, и новый член общины подобен добровольцу, пополняющему поредевшие ряды.

3) Предполагают, что эта фраза означает *тех, кто крестился из уважения и любви к умершему*. И в этом есть драгоценная истина. Многие из нас пришли в церковь, зная и помня, что любимый человек умер, молясь в надежде за нас. Они, в конце концов, отделились Христу из-за незримого влияния другого, отошедшего в вечность.

4) Все это прекрасные размышления, но мы считаем, что эта фраза может относиться лишь к одному обычаю, который полностью и правильно исчез из церковной практики. В раннехристианской церкви существовало крещение за другого. Если умирал человек, намеревавшийся стать христианином, проходивший соответствующее наставление, то за него иногда крестился другой человек. Этот обычай возник из предрассудка, что некрещеный человек лишается небесного блаженства. Для того, чтобы защитить человека от такого

исключения, люди иногда добровольно крестились во имя умершего. Здесь Павел не одобряет, и не высказывается против такой практики. Он просто спрашивает, был бы смысл в этом, если бы не было воскресения и мертвые никогда не воскресали.

От этого Павел переходит к одному из важнейших аспектов христианской жизни. По существу он спрашивает: "Ради чего христианину подвергать себя опасности, связанной с христианской жизнью, если это ничего не дает?" Он приводит свой собственный опыт. Он каждый день подвергает свою жизнь опасности. В Ефесе с Павлом произошло нечто ужасное, о чем в Новом Завете не сохранилось никаких сведений. Павел возвращается к этому опять в 2 *Кор.* 1,8-10; он говорит, что в Азии, то есть в Ефесе, он находился в такой страшной опасности, что впал в отчаяние. Ему был вынесен смертный приговор. И доньше есть в Ефесе строение, называемое "тюрьма Павла". Он говорит, что *боролся со зверями*, употребляя при этом слово, которое применялось к гладиатору на арене. Древние легенды рассказывают нам, что он, действительно, так боролся, и что он чудесным образом остался в живых, потому что звери не тронули его. Но Павел был римским гражданином. Но ни одного римского гражданина не могли заставить драться на арене. Вероятно, он применяет это выражение для передачи картины, как ему угрожали люди, которые были такими же дикими и нападали на него, как дикие звери. Как бы то ни было, но он задает вопрос: "Какая мне польза, если мертвые не воскресают?"

Человек, полагающий, что кроме этой жизни ничего нет, и после нее ничего не будет, может вполне сказать: "Станем есть и пить, ибо завтра мы умрем". Даже в Библии приводятся подобные высказывания. "Приходите, - говорят, - я достану вина и мы напьемся сикеры; и завтра то же будет, что сегодня, да еще и больше" (*Ис.* 56,12). Проповедник, считавший, что смерть есть угасание, писал: "Не во власти человека и то благо, чтоб есть и пить и услаждать душу свою от труда своего" (*Еккл.* 2,24; ср. 3,12; 5,18; 8,15; 9,7). Иисус сам говорил о богатом, забывшем о вечности, и придерживавшемся своего лозунга: "Ешь, пей, веселись" (*Лук.* 12,19).

Классическая литература наполнена таким духом. Геродот, греческий историк, рассказывает об обычае египтян. "На вечеринках богатых, после окончания пира, слуга обходит гостей, неся гроб, в котором лежит деревянный образ мертвеца, вырезанный длиною в один-два локтя и украшенный так, чтобы он как можно точнее соответствовал настоящему. Показывая его по очереди каждому гостю, слуга говорит: "Смотри сюда и пей, и будь веселым, ибо, когда умрешь, будешь таким". Еврипид пишет в *Алкесте* (781-789):

Всему человечеству смерть суждена.

Или есть среди смертных один, кто знает,

Что будет он в живых до завтрашнего дня?

Неведомы для нас стези судьбы и счастья,

И человеческим искусством и умом их не направишь.

Поэтому внимай и вразуми же мой совет:

"Пей, веселись; жизнь изо дня в день

Считай своей; иное все зависит от судьбы".

Фукидид (2, 53) рассказывает, как во время чумы в Афинах люди совершали любые постыдные преступления и страстно ухватывались за любое порочное наслаждение, потому что они думали, что жизнь коротка и их не накажут. Гораций в *Одах* (2,13; 13), излагает свою философию: "Прикажи принести вина и благовония и скоротечные цветы красивых роз, пока обстоятельства и возраст и черные нити трех сестер (Парки) нам это еще позволяют". В одной из самых известных в мире поэм латинский поэт Катулл писал: "Будем жить, Лесбия, будем любить, и за грош ценить сказания древних аскетов. Солнце может всходить и

заходить; а для нас, когда погаснет наша недолгая жизнь, настанет лишь одна бесконечная ночь, во время которой мы должны спать".

Отними у людей мысль о грядущей жизни и эта жизнь теряет свою ценность. Отними у человека веру, что эта жизнь является подготовкой к блаженной жизни в будущем, и ослабевают узы чести и морали. Нет смысла доказывать, что что-то должно быть так, и что люди не должны быть благочестивыми и честными лишь в ожидании некоей награды. Остается фактом, что человек, верящий, что этот мир единственный, стремится жить так, как будто важны лишь материальные ценности мира.

Поэтому Павел настаивает на том, чтобы коринфяне не общались с теми, кто говорит, что нет воскресения: ибо это может вызвать заразу, которая осквернит жизнь. Заявить, что нет воскресения - это не знак высшего знания; это знак полного незнания Бога. Павел предостерегает их, чтобы стыд мог привести заблудившихся опять на правильный путь.

35-49

Плотское и духовное (1 Кор. 15,35-49)

Прежде чем приступить к толкованию этого места, важно помнить одно: здесь Павел говорит о вещах, о которых никто ничего определенного не знает. Он не говорит не о вещах, поддающихся доказательству, а о понятиях, относящихся к вере. Пытаясь выразить невыразимое и описать не поддающееся описанию, он делает все, что может, при помощи человеческих идей и слов, составляющих весь арсенал его средств. Если будем помнить об этом, то мы сохраним себя от грубого и буквального восприятия при толковании и обратим наше внимание на основные принципы, изложенные Павлом при написании этого отрывка. Здесь он обращается к людям, которые говорят: "Допустим, что существует воскресение тела, но с каким телом люди воскресают тогда?" В его ответе заложены три основных принципа.

1) Он проводит аналогию с зерном. Зерно сеют в землю и оно умирает, и в надлежащее время оно вновь воскресает; при этом оно возрождается с совершенно иным телом, нежели было посеяно. Павел показывает, что одновременно может иметь место распад. Семя сначала разлагается; когда оно возрождается, оно очень отличается по форме от первоначального семени; и, тем не менее, несмотря на распад и явное отличие - это все то же семя. Так же и наши душевные тела распадутся и воскреснут в совершенно иной форме; но воскресает тот же человек. Распавшийся в смерти, принявший новую форму при воскресении - он будет все тем же человеком, то есть это будем мы.

2) В мире, даже то, что мы о нем знаем, существует не одна форма тела; всякая отдельная тварь имеет свою собственную форму. Бог дает каждому творению надлежащую ему и удобную для него форму. Если это так, то будет лишь благоразумно, ожидать, что Он даст нам духовное тело, пригодное для вечной небесной жизни.

3) В жизни имеет место развитие. Адам, первый человек, был создан из праха земного (*Быт.* 2,7). Но Иисус уже нечто совсем большее, чем создание из праха земного. Он есть воплощение самого Духа Божия. Так вот, при прежнем образе жизни мы были одно с Адамом, соучастниками его греха, наследующими его смерть и обладающими таким же телом, как и он; но при новом образе жизни мы едины с Христом и, поэтому, будем разделять с ним Его жизнь и Его суть. Правда, теперь у нас плотское тело, но также верно, что однажды оно воскреснет духовным.

На протяжении всего этого отрывка Павел соблюдал благоговейную и мудрую сдержанность относительно того, на что будет похоже это тело. Оно будет духовным, оно будет таким, каким Бог считает нужным; и мы будем подобны Христу. Но в стихах 42-44 он рисует четыре противопоставления, проливающие свет на наше будущее состояние.

1) Сейчас наше тело тленное, в будущей же жизни оно будет нетленным. В этом мире все

подвергнуто изменению и тлению. "Красота юности увядает и слава мужественности тоже увядает", сказал Софокл. Но в грядущей жизни все будет постоянно и юность никогда не потеряет свой блеск.

2) Теперь наше тело в унижении, в грядущей же жизни будет в славе. Возможно, под этим Павел подразумевает, что в этой жизни через телесные чувства и страсти мы можем просто впасть в унижение, а в грядущей жизни наши тела не будут более слугами страстей и скоротечных желаний, но орудием служения Богу, что и есть самая высокая слава.

3) Теперь наше тело в немощи, а воскресает оно в силе. В наше время модно говорить о силе человека, но действительно примечательной чертой человека является его слабость. Его может убить сквозняк или капля воды. В этой жизни мы часто попросту подвергаемся различным ограничениям лишь вследствие необходимых физических ограничений тела. Снова и снова говорит наша телесная конституция нашим планам и мечтам: "До сих пор, и не дальше". Мы так часто бываем измождены лишь потому, что мы такие, какие мы есть. Но в грядущей жизни всех этих физических ограничений не будет. Здесь мы окружены нашей слабостью; там мы будем облечены силой.

Все хорошее, во что надеялись, желали или мечтали - сбудется;

Также и высота, оказавшаяся недоступной, и героическое,

здесь на земле слишком тяжелое, - будут достигнуты.

В этой жизни у нас "ломанные дуги", в грядущей - "совершенные круги".

4) Сейчас у нас душевное тело, а воскреснет тело духовное. Этим Павел, может быть, хочет сказать, что в этом мире мы являемся несовершенными сосудами и орудиями Духа; но в грядущей жизни мы будем такими, что Дух сможет так наполнить нас, как в этом мире никогда не смог. И тогда мы будем способны на совершенное поклонение, совершенное богослужение и на совершенную любовь, что сейчас может быть лишь желанной мечтой.

50-58

Преодоление смерти (1 Кор. 15,50-58)

При анализе этого отрывка опять же следует помнить, что Павел рассматривает в нем вопросы, которые вызывают в нем трудности и в выражении и в языке. Поэтому его следует читать как поэтическое произведение, а не анализировать его как научный трактат. Доводы следуют один за другим, обостряются и достигают, в конечном счете, кульминационной точки.

1) Павел утверждает, что в обычном состоянии мы не готовы наследовать Царства Божия. Мы, может быть, хорошо подготовлены для этой жизни, но с грядущей жизнью мы не сможем совладать. Человек, может быть, бежит достаточно быстро, чтобы успевать на утренний автобус, но завоевать первенство на Олимпийских играх другое дело. Человек, возможно, пишет довольно интересно, и доставляет удовольствие своим друзьям; но это еще не значит, что он напишет что-то, что прославит его. Человек, может быть, хорошо говорит в кругу своих единомышленников, но будет совершенно неспособным говорить в кругу знатоков дела. Чтобы подняться на более высокую ступень в обществе, человеку надобно измениться; и Павел утверждает: что, чтобы нам войти в Царствие Божие, мы должны измениться.

2) Павел далее считает возможным, что это коренное изменение произойдет в его время. В этом он ошибся; но он ждал, что это изменение человека произойдет во время второго пришествия Иисуса Христа.

3) Далее Павел восторженно заявляет, что никто не должен страшиться этого изменения. Страх смерти всегда преследовал людей. Преследовал он и доктора Джонсона, одного из величайших и лучших людей. Как-то Босвел сказал ему, что когда-то он не боялся смерти, на

что Джонсон ответил, что "не было момента, когда бы смерть не представлялась мне чем-то ужасным". Однажды ему опять сказали, что не следует бояться того, что является, в сущности, вратами в жизнь. На это Джонсон ответил: "Смышленный человек не может умирать без тревожных предчувствий". И он заявил, что страх смерти - настолько естественное чувство, что вся жизнь - одно непрерывное усилие не думать о ней.

В чем же сущность страха смерти? Отчасти он вызван страхом перед неизвестностью. Но в еще большей степени он объясняется чувством греховности. Если бы человек чувствовал, что мог бы легко предстать пред Богом, то, - как выразился Питер Пэн, - смерть была бы лишь увлекательным приключением. Но откуда это чувство греха? Оно происходит от ощущения, что человек находится под законом. Пока человек видит в Боге лишь справедливый закон, он всегда должен чувствовать себя преступником на скамье подсудимых, без всякой надежды на оправдание. Но именно для избавления людей от этого страха и явился Иисус. Он явился, чтобы сказать нам, что Бог - не закон, а любовь, что сутью существа Бога является не законность, а милосердие, что мы предстанем не пред судьей, а пред Отцом, ожидающим возвращения своих детей. Христос дал нам, таким образом, победу над смертью и страх перед нею рассеялся пред чудом божественной любви.

4) Наконец, в конце главы Павел использует свой обычный метод: внезапно его богословские рассуждения переходят в вызов; они приобретают вдруг сугубо практический характер, стремительный взлет мысли сменяется вдруг призывом к действию. И он заканчивает: "Если такая слава ожидает вас, то будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом". Жизнь христианина может быть трудной, но цель этой жизни в высшей степени достойна этого.

Богоданная, чудесная надежда

Устоит в тревогах испытаний;

От греха из смерти воскрешает

Верных кровью воскресшего Христа.

Глава 16

1-12

Практические планы (1 Кор. 16,1-12)

Внезапный переход с 15-ой главы в 16-ую самый типичный для стилистики Павла. В главе 15 Павел витал в высших сферах мысли и теологии и обсуждал жизнь мира грядущего. В главе 16 говорит он самым обычным образом самые практичные вещи и заботится о сегодняшнем дне мира нашего и о проблемах управления церковью. Мысль Павла не знает границ, но и в заботах об управлении церковью не забывает он и мельчайшие детали. Он не относился к тем мечтателям, чувствующим себя как дома в самых высоких сферах теологических рассуждений, и теряющихся в практических вопросах. Даже, когда голова его витала высоко в облаках, он твердо стоял ногами на земле.

Павел начинает с проблемы сбора средств для бедных в Иерусалиме. Это мероприятие было очень дорого его сердцу (ср. *Гал.* 2,10; *2 Кор.* 8,9; *Рим.* 15,25; *Деян.* 24,17). В древнем мире существовало определенное чувство братства. В греческом мире возникли общества, называвшиеся *ераной*. Если у человека наступили трудные дни, если он внезапно впал в нужду, его друзья собирались и давали ему беспроцентную ссуду. При синагогах имелись особые должностные лица, которые собирали деньги и пожертвования среди имущих и раздавали их среди неимущих. Очень часто иудеи, выехавшие в другие страны и процветавшие там, посылали в Иерусалим своих посланцев с пожертвованиями в храм и для бедных. Павел не хотел, чтобы христианская церковь отставала в щедрости от иудейской церкви и от язычников.

Но для него этот сбор для бедных святых в Иерусалиме значил нечто большее: 1) Он был одним из способов продемонстрировать на практике единство христианской церкви. Это был способ показать рассеянными в большом мире христианам, что они являются не только членами поместной церкви, но членами Церкви, каждая часть которой имела обязательства по отношению к остальным. Церковная концепция Павла была далека от того, чтобы ограничиваться узкими границами одного прихода. 2) Такие сборы способствовали распространению христианского учения. Организовав этот сбор средств, Павел дал новообращенным возможность претворить в жизнь учение Христа о силе и достоинстве любви.

Уже указывалось, что в различных посланиях и речах Павел употребил не менее девяти различных слов для обозначения этого сбора.

1) Здесь он называет его *логия*: это слово означает *особый сбор*. *Логия* - это нечто, противоположное налогу, что должен был платить человек; это было дополнительное дарение. Человек никогда не выполнит свой христианский долг лишь одними обязательствами. Иисус задавал вопрос: "Что особенного делаете?" (Мат. 5,47).

2) Иногда он называет его *харис* (1 Кор. 16,3; 2 Кор. 8,4). Как мы уже видели, *харис* отличается тем, что это *свободный дар*. Действительно приятное дело не в том, чтобы выжать из человека определенную сумму, но чтобы он давал по расположению сердца. Следует отметить, что Павел не устанавливает точную сумму, которую должен давать коринфский христианин. Он говорит, что они должны давать, сколько позволяет их состояние. Сердце должно подсказать человеку, что он должен дать.

3) Иногда он употребляет слова *койнония* (2 Кор. 8,4; 9,13; Рим. 15,6). *Койнония* означает *братство*, а суть братства заключается в том, чтобы *делиться*. Ведь в братстве каждый человек не может удерживать все, что имеет; а он рассматривает все свое состояние как нечто, чем он должен делиться с другими. Руководящим вопросом для него является: "Что я могу давать?", а не "Что я могу оставить себе?"

4) Иногда Павел употребляет слово *диакония* (2 Кор. 8,4; 9,1; 12,13). *Диакония* означает практическую *христианскую службу*. От родственного ему слова *диаконос* происходит русское слово *диакон*. Иногда препоны жизни могут помешать нам справиться со службой, и посему наши средства могут быть посланы в недоступное для нас место.

5) Один раз он употребляет слово *хадротес*, что значит *обилие* (2 Кор. 8,20). В этом стихе Павел говорит о посланцах, которые будут сопровождать его, дабы убедиться, что он не истратит этот *избыток* на иные цели. Павел никогда не пожелал бы его лично для себя. Он был тем доволен, что он мог заработать трудом рук своих и в поте лица своего. И он бывал сердечно рад, когда он мог чем-то делиться. Мрачным комментарием к человеческой природе является история о человеке, мечтающем быть миллионером и почти всегда начинающего с перечисления того, что бы он купил себе, и очень редко думающего о том, что бы он отдал другим.

6) Иногда он употребляет слово *эулогия*, означающее в данном случае *благословение* (2 Кор. 9,5). Существуют дары, которые нельзя назвать благословением. Такой дар есть унылая и неизбежная обязанность. Истинные же дары - благословения доставляют радость щедрым сердцам.

7) Иногда он употребляет слово *лейтургия* (2 Кор. 9,12). В классическом греческом языке это слово имело благородную историю. В эпоху величия Афин некоторые щедрые граждане добровольно принимали на себя расходы на проведение определенных мероприятий. Это могли быть расходы по подготовке хора для новой драмы, либо по подготовке к соревнованию спортивной команды, оплата постройки и экипировки триремы или боевого корабля в опасные для города дни. Первоначально *лейтургия* означала добровольно принятую на себя государственную службу. Христианское приношение даров должно быть

добровольным. Его надо рассматривать как привилегию помочь чем-нибудь Божиим домочадцам.

8) Один раз Павел употребляет для обозначения этого денежного сбора слово *элемозуне* (Деян. 24,17), что означает в переводе *милостыня*. Подаяние играло в мышлении и в религии иудеев такую важную роль, что иудей мог употребить одно слово для выражения подаяния, милостыни и праведности.

"Ибо милосердие к отцу не будет забыто;

несмотря на грехи твои, благосостояние твое умножится.

В день скорби твоей вспомнянется о тебе:

как лед от теплоты, разрешатся грехи твои"

(Сир. 3,14-15).

Иудей сказал бы: "Как еще может человек показать, что он благочестив, если не своею щедростью?!"

9) И, наконец, он употребляет для этого греческое слово *просфора* (Деян. 24,17). Интересно отметить, что слово *просфора* означает *жертвоприношение*, и *жертва*. В подлинном смысле слова, все данное человеку в момент нужды, является жертвой Богу. Лучшую жертву, какую может принести Ему человек, после кающегося сердца, это доброта, проявленная к одному из Его бедствующих детей.

В заключение этого отрывка Павел представляет двух своих помощников. Один из них *Тимофей*. У Тимофея был один недостаток: он был молод. Положение в Коринфе было довольно затруднительным даже для опытного Павла; поэтому оно может быть сложнее и труднее для Тимофея. Павел рекомендует, чтобы они относились к Тимофею с уважением не ради самого Тимофея, а ради выполняемой им работы. Не человек славит работу, а работа славит человека. Нет более высокого достоинства, чем достоинство важной задачи. Второй помощник - *Аполлос*. В этом отрывке Аполлос показан как человек большой мудрости. Уже в начале Послания мы видели, что в Коринфе была партия, которая называла себя, "мы Аполлосовы", не получив на то его согласия. Аполлос знал об этом, и, несомненно, желал оставаться в стороне с тем, чтобы эта партия не старалась перетянуть его на свою сторону. Он был достаточно мудр, чтобы понимать, что, если церковь раздирается групповой политикой, то лучше и мудрее держаться подальше.

13-24

Заключительные слова и приветствия (1 Кор. 16,13-24)

Этот отрывок тоже представляет для нас интерес, потому что его практический характер и наставления проливают свет на будничную жизнь раннехристианской церкви.

Павел начинает с пяти императивов. Первые четыре из них как бы полностью взяты из жизни воина и похожи на приказы командира своим солдатам. "Как страж, будь всегда наготове. При нападении стой твердо в вере, и не уступай ни пяди. В минуты битвы будь героем. Будь сильным в битве за своего царя, подобно хорошо снаряженному и хорошо обученному воину". После этого метафора меняется. Если по отношению к тем, кто угрожает христианской вере извне, христианин должен обладать определенными, приведенными выше качествами, то внутри церковной общины он должен проявлять чувство товарищества и христианской любви. Жизнь христианина, следовательно, всегда характеризуется нестигаемым мужеством и любовью.

В Ефесе к Павлу пришли Стефан, Фортунат и Ахаик, принесшие ему самые свежие и подлинные известия о состоянии дел в Коринфе. Его отзыв о Стефане представляет большой интерес. Стефан заслуживает уважения, потому что он посвятил себя служению церкви. В

ранней церкви добровольное и старательное служение представляло собой зачаток официальной службы. Человек становился церковным руководителем не столько через назначение, сколько вследствие того, что его жизнь и его работа выделяли его из среды других и внушали уважение. Т. К. Эдвардс говорит: "В церкви много *должностных*, но лишь немногие *трудятся упорно и старательно*".

Стихи 19 и 20 - список приветствий. Посылают привет Акила и Прискилла. Эти два, муж и жена, проходят через все послания Павла и через Книгу Деяний Святых Апостолов. Они были иудеями, и, подобно Павлу, занимались изготовлением палаток. Первоначально они жили в Риме, но в 49 или 50 г. римский император Клавдий издал декрет, изгонявший всех иудеев из Рима. Акила и Прискилла нашли убежище в Коринфе, где с ними и встретился Павел впервые (*Деян.* 18,2). Из Коринфа они позже отправились в Ефес, откуда теперь Павел передает их привет старым единоверцам в Коринфе. Из *Рим.* 16,3 мы узнаем, что они вернулись в Рим и вновь осели там. Из истории Акилы и Прискиллы можно сделать интересный вывод: даже в те времена путешествие было довольно просто и естественно. Они переезжали, занимаясь своим ремеслом, из Палестины в Рим, из Рима в Коринф, из Коринфа в Ефес и из Ефеса в Рим.

В отношении этих двух людей следует сделать еще одно важное замечание. На заре христианской веры вообще не было церковных зданий. Мы услышим о здании церкви лишь в третьем веке после Рождества Христова. Небольшие общины встречались в частных домах. Если в доме имелась достаточно большая комната, то верующие собирались там. И вот, куда бы ни переезжали Акила и Прискилла - их дом всегда был церковью. Когда они жили в Риме, Павел посылал привет им и церкви, находившейся в их доме (*Рим.* 16,3-5). Когда же он пишет из Ефеса, он посылает привет от них и от церкви, находящейся в их доме. Акила и Прискилла относятся к тем удивительным людям, которые превращают свои дома в источник христианского света и любви, принимая многочисленных гостей, потому что Христос всегда был их незримым гостем, превращая свой дом в приют мира, отдыха и дружбы для одиноких и искушаемых, печальных и отчаявшихся. Гомер сделал одному из своих героев большой комплимент, сказав о нем: "Он жил в доме у дороги и был другом путников и странников". Христианские странники всегда находили мирный приют там, где жили Акила и Прискилла. Дай нам Бог сделать наши дома похожими на их дом!

"Приветствуйте друг друга святым целованием", - пишет Павел. Поцелуй мира был прекрасным обычаем раннехристианской церкви. Возможно, это был иудейский обычай, который переняла христианская церковь. Святое целование, по-видимому, совершалось после окончания молитвы и перед тем, как христиане причащались. Оно являлось знаком и символом того, что они сидели за столом любви, соединенные друг с другом совершенной любовью. Кирилл Иерусалимский пишет об этом так: "Не думайте, что это такой же поцелуй, каким вы обмениваетесь с общими друзьями на рыночной площади". Это целование не совершалось беспорядочно. Конечно, в более поздние времена этими поцелуями не обменивались мужчины и женщины, а лишь женщины с женщинами и мужчины с мужчинами. Иногда это было не целование в губы, а в руки. Этот обычай стал называться просто: "Святой". И, действительно, напоминание об этом прекрасном обычае как раз нужно было в тот момент Коринфской церкви, раздираемой ссорами и разногласиями.

Почему этот прекрасный обычай меньше практикуется в церкви? Во-первых, потому что, каким бы прекрасным он ни был, он мог оскорбить человека, и, более того, мог быть неправильно истолкован и использован во вред церкви языческими клеветниками. Во-вторых, потому что церковь постепенно утрачивала характер братства. В небольших домовых церквях, где встречались с друзьями, и где все были тесно связаны друг с другом, это было самым естественным приветствием. Но когда маленькая группа братьев превратилась в большой приход, а небольшая комната в домовой церкви в большую церковь, церковное богослужение потеряло свою интимность. Вместе с этим ушло из практики и святое целование. Явно, что вместе со значительным увеличением церковей мы что-то утратили, ибо,

чем большим и разнородным по составу является поместная община, тем труднее в ней сохранить чувство братства, тем труднее членам действительно знать и любить друг друга. И все же церковь, являющаяся приходом чужих друг другу людей или, в лучшем случае, знакомых, - не истинная церковь в глубоком смысле слова.

И вот в конце, на последней странице письма приписывает Павел свой личный привет; письмо же записал его секретарь. И Павел предостерегает коринфян против каждого, кто не любит Христа. И после этого приписывает на арамейском языке фразу, "маранафа", которая по всей вероятности, значит "Господь наш грядет". На первый взгляд странно встретить фразу на арамейском языке в письме, написанном на греческом языке греческой церкви. Объясняется она тем, что эта фраза стала кличем и паролем. В ней сконцентрирована была жгучая надежда раннехристианской церкви, и христиане узнавали друг друга по этой фразе, на языке, который язычники не могли понять.

И в заключение Павел шлет верующим в Коринфе благодать Господа нашего Иисуса Христа и свою любовь. Он предостерегал, укорял, говорил в праведном гневе, но последнее слово его - любовь.